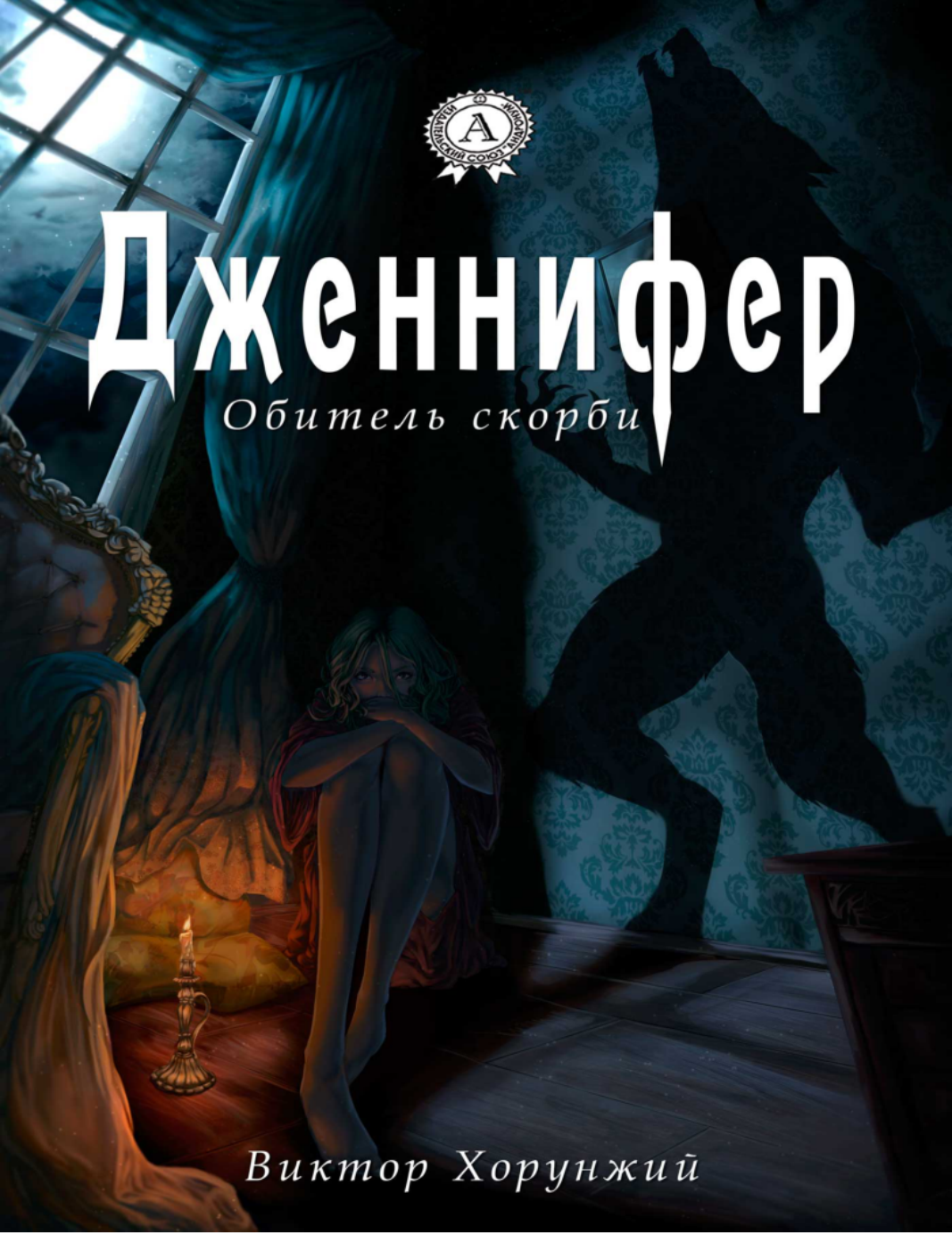
Дженнифер
Обитель скорби
Виктор Хорунжий

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Что делать, когда рушится привычный мир, а в новом тебя преследуют кошмарные видения? Если ты видишь то, чего не видят другие – это сумасшествие? Или, может, сошел с ума весь остальной мир? Юной Дженнифер Паркер, родители которой погибли в автокатастрофе, неоткуда ждать защиты и помощи. Ее преследуют ужасные видения, вследствие чего она оказывается в психиатрической лечебнице. Но лечение не приносит облегчения. Вместе с новыми друзьями – такими же пациентами клиники, она пытается выбраться на свободу. Однако это дается ей нелегко, и покинуть больницу удается только с помощью таинственной женщины. Чтобы не стать следующей жертвой, она должна пройти через многие испытания, а чтобы спасти своих друзей – встретиться лицом к лицу со своими кошмарами.

- Виктор Хорунжий
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26

- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Глава 52
- Глава 53
- Глава 54
- Глава 55
- Глава 56
- Глава 57
- Глава 58
- Глава 59
- Глава 60
- Глава 61
- Глава 62
- Глава 63
- Глава 64
- Глава 65

Виктор Хорунжий
Дженнифер. Обитель скорби

Глава 1
Вечер в театре

Эта история началась прохладным осенним вечером в городе Гринстоун. Шел 1995 год. В известном городском театре актеры, отыграв последние сцены, под жидкие аплодисменты зрителей удалились за кулисы.

Спектакль оказался на редкость скучным, и желание поскорее попасть на свежий воздух заставило Дженни одной из первых спуститься в гардероб. Она забрала свои вещи и тут же поспешила к выходу. На ходу застегнув молнию приталенной куртки, поправила свои длинные волосы, золотистыми завитками рассыпавшиеся по плечам. Когда входная дверь старинного здания тяжело захлопнулась за спиной, девушка облегченно вздохнула.

И вдруг она вздрогнула, едва не натолкнувшись на мужчину в строгом черном пальто, который шел ей навстречу. Шумно вдыхая вечернюю прохладу, незнакомец при этом пускал кольца из трубки, словно запрет на курение в общественных местах совершенно его не касался. В тот же миг Дженни увидела и огромного черного пса рядом с ним, взявшегося невесть откуда. От неожиданности Дженнифер отпрянула – невероятный зверь, черный, как сама ночь, с ослепительно-белыми зубами, выглядел угрожающе. Тем более на нем не было видно ни ошейника, ни намордника.

Незнакомец, почувствовавший немой испуг девушки, с улыбкой сказал ей:

– Не бойтесь, юная леди, мой друг не причинит вам вреда.

Словно в подтверждение этих слов, пес поднял на Дженни умные черные глаза и еще раз приветливо вильнул хвостом. Однако мысли протянуть руку и погладить его у девушки не возникло.

«Никогда не встречала собак такой породы», – подумала она, провожая взглядом два темных четких силуэта, отдалявшихся в свете уличных фонарей: высокого мужчины и пса размером чуть меньше пони.

Но в следующую секунду дверь театра отворилась снова и вместе с гурьбой недавних зрителей наружу вырвался поток звуков, в котором смешались обрывки слов, смех, кашель – обыденная музыка обычной толпы. Звуки выплеснулись на улицу, и время, которое только что, съежившись от испуга, робко замерло вместе с Дженни, теперь широко зашагало по влажному

асфальту, подгоняемое торопливой толпой. Казалось, театральная площадь ожила – людская река, разбиваясь на тоненькие ручейки, стала разбегаться в разные стороны.

– Дженни! Куда ты пропала? – прозвучал за ее спиной недовольный голос матери.

Девушка еще раз взглянула на залитую желтым светом вечерних фонарей улицу, по которой только что двигались двое – человек и пес, однако теперь здесь совершенно никого не было.

– Ты меня слышишь?

– Да, мама, – повернулась Дженнифер.

Элисон Паркер выглядела безупречно в дорогом светло-сером пальто и элегантной шляпке, выгодно оттеняющей ее моложавое лицо в обрамлении мягких локонов светлых волос.

– Ну и погодка, – вздохнул Патрик Паркер, вслед за женой спускаясь по крутым ступеням. – Иногда особенно донимает эта сырость… Как вот сейчас, например.

Он взял жену под руку, и Дженни, шагая рядом, невольно залюбовалась ими. Ее родители всегда выглядели эффектной парой, поэтому, появляясь где-нибудь в обществе, неизменно притягивали к себе внимание. Мать Дженни по праву считалась красавицей, но и отец ничуть не уступал ей. Высокий, статный мужчина с чуть вьющимися черными волосами и живым взглядом темно-карих глаз, Патрик Паркер выглядел моложе своих сорока лет. Впрочем, и Элисон рядом со своей дочерью Дженнифер скорее казалась ее сестрой, нежели матерью.

А вот во внешности Дженни в равной степени смешались отцовские и материнские черты – волосы цвета бледного золота, серые выразительные глаза, прекрасная фигура, высокий рост. Можно было не сомневаться: еще пару лет и милая девочка расцветет так же, как ее мать…

– Надоела сырость? Тогда почему бы нам не переселиться из Гринстоуна в местечко потеплее? – улыбнулась мужу Элисон, продолжая разговор. – Хотя есть возможность решить эту проблему и менее радикально: взять, например, отпуск на неделю и махнуть куда-нибудь к теплому морю… Мы с Дженни с удовольствием составим тебе компанию!

– Да, пап! – от радости Дженнифер чуть не подпрыгнула. – Полетели к морю, пока я на каникулах! Хотя бы на несколько дней!

– Как у вас все просто! – тоже улыбнулся Патрик. – Вот так вот взял – и на море!

– Конечно! Раз – и на море! – воскликнула Дженни с таким восторгом, что теперь, глядя на нее, улыбались уже и отец, и мать. – Папочка, ну, пожалуйста!

– Стоит подумать, – обнадеживающе промолвил Патрик. – К этому разговору мы вернемся завтра. А сейчас – в машину! Хочется поскорее попасть домой и нырнуть хотя бы в теплую ванну, если уж подходящего моря пока что рядом нет…

Тем временем они оказались возле припаркованного на стоянке белого мерседеса.

Заняв свое место на заднем сидении, Дженни защелкнула ремень безопасности и склонилась к окну, разглядывая круглую площадь возле высокого старинного здания театра.

Вырулив на Винд-роуд – одну из центральных улиц, – их автомобиль влился в поток других машин. Мимо Дженни мелькали вечерние огни. Пусть Гринстоун и не претендовал на звание мегаполиса, но все же это был большой город, разделенный на историческую и новую части. Именно здесь, в последней, размещались офисы, торговые и деловые центры, кинотеатры и многое другое. С наступлением сумерек сдержанный, деловой дневной облик города менялся до неузнаваемости – будто молодая бизнес-леди сменяла свой строгий серый костюм на роскошное вечернее платье.

Дженни, закрыв глаза, стала представлять себе море: лазурный горизонт, теплый песок и кружева морской пены у самых ног… Ничто не могло сравниться с морем, а сравнивать было с чем: не зная недостатка в деньгах, ее семья посетила многие страны и побывала на разных курортах…

Со счастливой мыслью о море, Дженнифер задремала.

…Янтарно-желтые и светло-оранжевые, золотистые и зеленые, с оттенком коричневого листья вдруг ворохом посыпались сквозь распахнутое настежь окно. Дженни стояла посреди своей комнаты и молча наблюдала, как листвяной ковер на полу становится все больше, разливаясь по паркету подобно золотой лавине. Листья множились просто на глазах и становились продолжением ослепительного солнечного света, что заполнял собой все пространство…

– Ч-черт! Что у него со светом? – вдруг раздраженно ругнулся отец.

Моргнув, Дженни проснулась. Свет действительно был ослепляющим: он исходил от мощных фар автомобиля, что следовал за ними. Резкий звук клаксона заставил ее непроизвольно съежиться.

Как оказалось, они уже выехали из города и сейчас направлялись к дому по тихой улочке. Автомобиль со слепящими фарами продолжал держаться позади, на том же расстоянии.

Отец еще раз тихо выругался и щелкнул держателем зеркала заднего вида, поднимая его вверх. Дженни прижалась к боковому

стеклу, пытаясь разглядеть машину, которая преследовала их, но не смогла: свет фар ослепил ее.

Цветные обрывки недавнего сна до сих пор проносились у нее в голове, когда за очередным поворотом дороги вдруг на секунду мелькнула (или ей это лишь показалось?) чья-то тень.

Резкий визг тормозов разорвал тишину. Реальность на мгновенье замерла, а затем обрушилась на девушку всей своей ужасной действительностью: с невыносимым скрежетом автомобиль развернуло и отбросило в сторону – прямо в ослепительный свет приближающихся фар…

Глава 2
Разделенные невидимой чертой

Над ее головой раскинулся купол чернильно-синего неба, нарядившегося в хрупкие бриллианты звезд. Ближе к его краю темнота, не в силах противостоять огням огромного города, рассеивалась и расплывалась желтыми пятнами. Но это было там, в шумном и суетливом мегаполисе, а здесь, за городом, вечернюю тишину нарушал только отдаленный шум проехавшего авто, неожиданно громкий лай собаки и чьи-то голоса рядом с соседним домом.

Рипп-рип… – тоскливо отозвалась толстая цепь, на которой были подвешены качели. Дженни любила проводить здесь время. Раньше. А сейчас она пришла сюда, чтобы спрятаться в привычном маленьком мирке от ужасающей реальности, которую все еще не могла принять…

Девушка обернулась и посмотрела на дом – он сверкал словно рождественская елка: свет лился из каждого окна. Светилась даже мансарда на третьем этаже, где никто никогда не жил в это время года.

Все ее тело будто налилось свинцом, каждое движение давалось с трудом. Сколько она уже здесь сидит?

Дженнифер закрыла глаза, склонившись тяжелой головой на звенья цепи. И опять перед внутренним взором в который раз пронеслись события того страшного вечера. Слепящий свет… резкий поворот автомобиля… скрежещущий визг тормозов и звук сминающегося металла… Затем – темнота… и – пробуждение в больнице. Врачи не переставали удивляться, каким образом такая ужасная авария обернулась для девушки лишь обмороком, несколькими ушибами да ссадинами.

А вот увидеть родителей Дженни позволили не сразу – будто запоздалое осознание самого страшного и отсрочка неминуемой тягостной последней встречи могли как-то смягчить удар, от которого некуда деться…

Белое лицо Элисон под белой больничной простыней – неестественно застывшее, уже отмытое от потеков крови. Спутанные волосы… Мама никогда не позволила бы себе показаться на людях без прически. Если бы она была жива… На отца девушке дали взглянуть лишь мельком – он очень пострадал при столкновении с многотонным грузовиком: основной удар пришелся со стороны водительского места.

Дрожа, Дженни хватала ртом пропитанный больничными

запахами воздух морга, не в силах поверить, что два неподвижных тела – это все, что осталось от ее родителей, которые еще несколько часов назад сидели в театре, мечтали о теплом море, шутили и были такими… живыми! Но это происходило там, в той реальности, что замерла по другую сторону яркой вспышки света. Там остались ее самые близкие, родные люди, теперь отделенные от Дженнифер невидимой чертой, нарисованной смертью, – навсегда. Навсегда… Какое страшное слово! А по эту сторону она, Дженни, совсем одна.

Девушка снова открыла глаза – воспоминания были слишком болезненными и возвращались каждый раз, как только она оставалась в одиночестве. Но и видеть кого-либо ей сейчас не хотелось.

Сегодняшние похороны она помнила смутно – словно это были не настоящие события, а просто запись на старой киноленте.

Два деревянных гроба, монотонная речь священника, цветы в руках немногочисленных маминых и папиных сослуживцев, лиц которых она так и не запомнила, – разве это могло быть настоящим? Может, она просто спит и ей снится кошмар, затянувшийся во времени?

Вот и сейчас – вдруг она уже проснулась и все пойдет по-прежнему? Папа будет сидеть в гостиной у телевизора, а мама поругает ее за неубранные в шкаф вещи.

Ей так нестерпимо захотелось в это поверить, что, подхватившись, она поспешила к дому, однако все нарастающая головная боль не способствовала легкости ее шагов. И почему-то вид распахнутой настежь двери вызывал смутную тревогу. Поднявшись по ступенькам черного хода, Дженнифер прошла коридор и, миновав кухню, вошла в гостиную.

Люди все еще были здесь – те, что явились почтить память своих соседей и знакомых, хозяев, которые больше никогда не переступят порог этого дома…

Едва она вошла в гостиную, негромкие разговоры стихли и все присутствующие, включая священника, повернулись в ее сторону. Они будто бы чего-то ждали от нее, но Дженнифер не знала, чего именно. Все, что ей теперь хотелось, – закрыть за собой дверь и не видеть больше эти чужие лица…

– Как ты, деточка? – рядом с ней оказалась их соседка, мисс Уокер – тощая старая дева, с которой они никогда не были дружны, хотя и прожили много лет бок о бок. Но сейчас, в день похорон, она вела себя так, словно числилась первой в списке маминых подруг. Цепкая костлявая рука опустилась на плечо девушки – вероятно, это должно было означать поддержку.

Ничего не ответив, Дженни молча сбросила со своего плеча ее руку и побежала к лестнице, ведущей на второй этаж. Девушка слышала приглушенные голоса снизу, в них ей почудилось осуждение – наверняка говорят о ней. Но теперь Дженнифер все было безразлично, как и то, что, по правилам хорошего тона, она должна была сидеть с гостями, выслушивать их соболезнования и благодарить за участие.

Однако Дженни совсем не хотелось этого, все условности были фальшивыми и ненужными – никто из людей, расхаживающих по гостиной с торжественно-печальными лицами и разглядывающих исподтишка неброскую, но дорогую обстановку, не был по-настоящему дружен с их семьей. И вряд ли кто-то из них всерьез скорбел о потере. Сейчас она чувствовала злость на них и на весь мир, укравший ее поддержку, ее беззаботную и радостную жизнь. Почему, почему пожилая мисс Уокер и дальше изо дня в день будет выгуливать своих собак, смотреть вечерами сериалы и пить чай, а ее молодые, красивые, полные жизни родители останутся лишь воспоминанием? И она никогда – никогда! – не сможет их обнять…

Оказавшись в своей комнате, Дженни заперла за собой дверь и, не зажигая свет, села у окна. Снизу доносились голоса и звуки, но она оставалась безучастной к ним. Даже когда в дверь осторожно постучали и женский голос сказал, что мисс Уокер и миссис Браун останутся здесь на ночь, чтобы ей было спокойнее, Дженнифер не ответила.

Она больше не видела смысла соблюдать какие-то дурацкие правила приличия.

Глава 3
Хищники в темноте

Она не знала, сколько еще прошло времени, прежде чем сон все же начал одолевать ее. Не раздеваясь, Дженни перебралась на кровать и свернулась калачиком в надежде уснуть. У нее это почти получилось, однако легкие звуки шагов за дверью заставили девушку насторожиться. Кто там может быть в такое время? Неужели кому-то из соседок, что решили остаться на ночь, понадобилось зачем-то бродить по дому?

Некоторое время ничего не происходило. Дженнифер опять окунулась в дремоту, но звук шагов повторился снова. Только теперь ей показалось, будто по коридору пробежала большая собака. Сон как ветром сдуло. Дженни села на постели и стала прислушиваться. Долго ждать не пришлось: странные звуки прозвучали вновь, однако на сей раз зверей было двое. В недоумении, замешанном на страхе, она тихонько встала и подошла к двери, не решаясь ее открыть.

Неожиданно и жутко в ночной тишине раздался удар по двери, заставивший ее отпрянуть. За ним последовал короткий рык, будто неизвестное животное, наткнувшись на преграду, рассердилось. С бешено колотящимся в груди сердцем Дженнифер замерла посреди комнаты, а по ту сторону двери монстры начали бесноваться: они рычали и бросались на деревянное полотно, явно не рассчитанное на то, чтобы выдерживать такой натиск. Со страшной силой когти скребли по полу, к этим звукам добавились подвывание и лязг зубов.

Дженни онемела от ужаса. За секунду в ее голове пролетело множество мыслей, среди которых было и недоумение: почему до сих пор к ней не примчались оставшиеся ночевать здесь соседки? Ведь не услышать то, что творилось за ее дверью, было попросту невозможно. Казалось, от страшного шума могли проснуться и люди в соседних домах. Но до сих пор на помощь к ней никто не спешил…

Удар в оконное стекло позади Дженнифер заставил ее отскочить к стене и прижаться к ней спиной. Что это могло быть? Но окно, как и дверь, закрыто и ночная туманная мгла скрывает невидимую угрозу.

Пытаясь унять дрожь, Дженни медленно сделала два шага к окну – и застыла, не в силах пошевелиться. На подоконнике сидел огромный черный ворон. Птица не двигалась и поэтому казалась ненастоящей, будто ее нарисовала на влажном от сырости стекле

сама ночь.

Дженни двинула рукой, непроизвольно желая стереть зловещий силуэт, однако, стоило ей шевельнуться, как ворон, взмахнув огромными крыльями, снова ударил клювом в стекло. И вдруг, в черноте ночи, зажглись тлеющими угольками глаза нереальной птицы: с невыразимой злобой ворон пристально уставился на девушку.

Это стало последней каплей: подчиняясь нахлынувшему страху, Дженнифер закричала…

Глава 4
Когда дом больше не защита

Мисс Уокер и миссис Браун сидели на кровати рядом с Дженни. Девушка не могла не заметить многозначительных взглядов, которыми обменивались между собой соседки, пока она доказывала им, что это был вовсе не сон и страшные звери действительно пытались ворваться в ее комнату через дверь, а птица стучала клювом в окно.

Женщины вместе с Дженнифер осмотрели двери и пол в коридоре, но следов когтей, которые должны были там остаться во множестве, не нашли.

– Дженни, дорогая, тебе просто померещилось! – увещевали юную соседку мисс Уокер и миссис Браун. – Вчерашний день оказался слишком тяжелым для тебя…

Их слова звучали настолько убедительно, что девушке даже стало немного стыдно – может, и вправду ей все приснилось? В самом деле – откуда в доме могли взяться собаки или волки, ломившиеся в ее дверь?

Немного успокоившись, она согласилась снова попытаться уснуть, но отказалась от того, чтобы соседки остались в ее комнате. Все-таки ей уже не шесть лет, а шестнадцать! Может быть, она действительно переутомилась и теперь просто стала жертвой кошмара…

Снова заперев дверь, Дженни нырнула под одеяло, однако выключить свет не решилась – слишком уж сильными были недавние переживания. Усталость взяла верх, и вскоре девушка уже спала…

Холодное, пасмурное утро заглядывало в окно серым туманом. Дженнифер наконец открыла глаза. Обе соседки еще были здесь – она увидела их, когда, немного приведя себя в порядок, спустилась вниз. Оставаться дольше они не могли и заторопились, собравшись уходить, но пообещав, возможно, вернуться вечером.

Девушка провела их до двери. Теперь она снова одна.

Повисшая тишина оказалась неожиданно тяжелой и вязкой; чтобы как-то разогнать ее, Дженни включила телевизор. Однако смотреть его не было никакого желания, и, пытаясь чем-то занять себя, она начала раскладывать по шкафчикам вымытую после вчерашнего ужина посуду.

Дженнифер наотрез отказывалась думать о том, как будет жить без родителей – заглядывать далее сегодняшнего дня не

хотелось. Обыденная работа немного привела ее в чувство. Девушка убрала в комнатах на первом этаже, до блеска вычистила кухню и даже прибрала камин. Обычно этим занималась их домработница, которая приходила два раза в неделю, но Элисон Паркер, как хозяйка дома, и сама строго следила за чистотой. Она всегда считала, что наведение порядка для девочки – одно из самых полезных занятий, поэтому Дженнифер не боялась любой домашней работы. И теперь выполнение простых действий погружало ее в иллюзию того, что все осталось по-прежнему. Вот сейчас мама откроет дверь и похвалит ее за усердие…

Входная дверь действительно открылась; наверное, вновь пришла одна из соседок. Но Дженни напрасно ждала, пока гостья подойдет к ней – на кухне так никто и не появился. Может, ее ищут в другом месте?

Не выпуская тряпки из рук, девушка выглянула в коридор. Дверь была уже закрыта, а в доме царила тишина – ни звука шагов, ни оклика, ничего…

– Мисс Уокер! – позвала Дженнифер, однако никто не ответил.

И тут она почувствовала чье-то присутствие – позади нее явно кто-то был… Резко обернувшись, девушка остолбенела – прямо перед собой она увидела огромного зверя, напоминавшего собаку. Вернее, он мог бы сойти за собаку, если бы не стоял сейчас на задних лапах, возвышаясь над Дженнифер на добрых полметра. Бурая шерсть свисала вниз грязными клочьями, из передних лап торчали загнутые когти.

От неожиданности и страха Дженни выпустила тряпку из рук и попятилась назад. Зверь, качнувшись на согнутых задних лапах, двинулся следом, не сводя с нее мутных глаз, полных злобы. Интуитивно почувствовав, что медлить нельзя, девушка рванула в сторону и, выскочив на кухню, захлопнула за собой дверь за секунду до того, как с обратной стороны об нее тяжело ударилось громадное тело невероятного чудовища. От следующего удара дверь заходила ходуном, а со стены с грохотом слетела картина. Не теряя времени, Дженнифер бросилась к черному ходу, перепрыгнула ступеньки и оказалась во дворе. Не сбавляя скорости, выбежала на улицу – и едва не сбила с ног миссис Браун.

– Деточка! Что случилось?

– Умоляю вас, вызовите полицию, скорее! В наш дом забрался… там какой-то зверь, он чуть не напал на меня! – закричала Дженни, хватая женщину за руку. – Прошу вас, скорее!

На круглом лице миссис Браун отразилось недоумение

пополам с недоверием, но бледная, с горящими перепуганными глазами Дженни выглядела, похоже, слишком убедительно – женщина, достав из кармана вязаного пальто радиотелефон, набрала номер службы спасения.

…Через полчаса после того, как полиция обследовала дом, привлеченные шумом полицейских сирен соседи стали разочарованно расходиться. Дженни время от времени ловила на себе сочувствующие, заинтересованные взгляды. Краем глаза она видела, как люди перешептывались за ее спиной и качали головами. Полиция не обнаружила не только зверя, но и никаких следов его проникновения. Словам Дженнифер никто не верил – девушка понимала это, как и то, что теперь ее считают ненормальной. Будто она могла придумать ужасное чудовище в своем доме лишь ради того, чтобы привлечь к себе внимание…

Теперь ей больше ни с кем не хотелось говорить; через минуту полицейские машины уедут, и она снова останется одна, наедине с собственными страхами, наедине с тем ужасом, что притаился в доме. Притаился в надежде дождаться ее…

Дженни смотрела на свой дом, понимая: она больше не сможет чувствовать себя в нем в безопасности. Он перестал быть ее защитой – его окна выглядели угрожающе. И никто не заставит ее снова войти туда…

Глава 5
Случайный прохожий

Уильям любил пешие прогулки. И не только потому, что они полезны для здоровья. Где, как не на улице, можно спокойно поразмышлять? Хотя это немного странно – для того, чтобы побыть наедине, нужно смешаться с толпой… Он даже на работу предпочитал ходить пешком, пересекая несколько кварталов между своей родной Гарден-стрит и вечно суетливой Винд-роуд. Но для вечерних прогулок, неизменным компаньоном которых был его любимец – итальянский мастиф Радж, Уильям выбирал тихие улицы или зеленые скверы. Благо, в городе их было немало.

Вот и сейчас он забрел на одну из таких – уютная улочка с французским названием Канталь очень нравилась ему. Уильям любил неспешно прохаживаться мимо аккуратных двориков с зеленеющими газонами и цветочными клумбами. И было приятно, когда нечастые прохожие с некоторым удивлением обращали внимание на его питомца. Размерами Радж обладал отменными; двигаясь, он не просто, как другие собаки, перебирал лапами по дороге, а выступал величаво и гордо, будто истинный аристократ. Этакий черный собачий лорд, позволяющий хозяину вести себя на поводке.

«Еще неизвестно, кто кого выгуливает», – отшучивался Уильям, отвечая на вопрос знакомых, не надоедает ли ему каждый день выводить собаку на прогулки.

Но сейчас прохожим было не до них: внимание всех присутствующих приковал особняк в конце улицы, у которого стояли две полицейские машины и карета «скорой помощи».

Слегка удивленный, Уильям подошел ближе.

На лужайке перед домом, прямо на траве, подобрав под себя ноги, сидела девушка. Ее длинные светлые волосы были растрепаны, а плечи, несмотря на довольно прохладную погоду, покрывала лишь тонкая кофточка.

Тем временем несколько полицейских, стоя на крыльце, беседовали о чем-то с высоким доктором в белом халате.

– Что здесь произошло? – поинтересовался Уильям у женщины, стоящей справа.

Она смерила его быстрым взглядом, перед тем как ответить, однако все же, видимо, сочла достойным доверия.

– Сначала говорили, что какое-то животное пробралось в дом. Но полицейские все здесь обследовали и не нашли никаких

следов… Бедняжка Дженни! Она не в себе. Боится возвращаться в дом, поэтому сидит на газоне.

Уильям еще раз, уже пристальнее, взглянул на девушку – ее лицо показалось ему смутно знакомым. Где он мог ее видеть?

Она сидела неподвижно словно статуя и смотрела прямо перед собой невидящим взглядом. Эти глаза…

Кажется, именно ее он видел несколько дней назад возле театра. Она еще так пристально разглядывала Раджа… Возможно, Уильям не обратил бы на незнакомку внимания, но очень уж хорошенькой она ему показалась…

– Что же с ней произошло? – осторожно осведомился он у женщины.

– Ее родители погибли в автокатастрофе. Вчера были похороны. И теперь она осталась круглой сиротой…

Уильям отстраненно наблюдал, как к сидящей на газоне девушке подошел доктор. Склонившись над ней, он что-то говорил, но та не отвечала. Она словно впала в ступор.

Теперь Уильям окончательно вспомнил: да, вчера на дороге, ведущей к кладбищу, он тоже видел ее. В окружении нескольких женщин, одетая во все черное, девушка казалась воплощенным ангелом печали… Если бы Уильям был художником, то наверняка нарисовал бы ее.

Доктор, осторожно взяв Дженни за руку, помог ей подняться. Они подошли к машине «скорой помощи», и дверца за ними закрылась.

– Бедная девочка! Что теперь с ней будет? – всхлипнув, женщина поднесла к глазам бумажный платочек.

Уильям, неприятно пораженный увиденным, быстро зашагал по улице Канталь.

Глава 6
Обитель скорби

Тяжеловесная туша серого здания открылась взгляду неожиданно, как только автомобиль миновал очередной поворот узкой асфальтированной дороги. Это все еще была улица Роуз, хотя казалось, что они находятся уже достаточно далеко за чертой города.

Делая неожиданные зигзаги посреди влажного соснового леса, шоссе закончилось высокими железными воротами, сквозь решетки которых виднелся большой внутренний двор и само здание. Назвать его домом было бы почти кощунством: решетчатые окна и массивные двери, скорее, выглядели как тюремные.

Однако женщина из социальной службы, сопровождавшая Дженнифер, так, пожалуй, не думала.

– Приехали, дорогая. Это твой новый дом, пока ты не поправишься.

Девушка, молча толкнув ручку дверцы, выбралась из автомобиля. Ее сопровождающая взяла Дженни под руку, словно опасаясь, что та могла по пути потеряться, и по усыпанной мелким гравием дорожке повела к зданию с решетками на окнах.

Еще через пять минут Дженнифер покорно опустилась на предложенный стул возле высокой деревянной двери кабинета, за которой скрылась социальный работник. Наверное, их с доктором беседа не предназначалась для посторонних ушей – поэтому Дженни пришлось терпеливо ожидать здесь под молчаливым присмотром невесть откуда взявшейся медсестры с округлыми толстыми боками, на которых буквально трещал белый халат. Девушка поймала откровенно-оценивающий взгляд, отчего ей стало еще более неуютно.

Дверь распахнулась неожиданно; лицо женщины из социальной службы с натянутой усталой улыбкой склонилось над Дженнифер.

– Ты останешься здесь, дорогая. О тебе позаботятся, все будет хорошо. Ты скоро выздоровеешь. А я теперь буду навещать тебя.

Дженни, наверное, следовало изобразить в ответ признательность, но она лишь молча опустила глаза. Сейчас ей были абсолютно чужды все глупые правила приличия, придуманные людьми. Поэтому она должна остаться в психиатрической клинике. А социальный работник с приклеенной ненастоящей улыбкой через минуту будет от нее по ту сторону

решетчатых окон. Потому что изображать доброжелательность – это нормально. А переживать горе и бояться быть одной в пустом доме – это депрессия и паранойя, которые надо лечить…

На пороге приоткрытого кабинета появился сам доктор Руфф: средних лет мужчина с глубокими залысинами на лбу. Несмотря на некоторый отпечаток возраста, его все еще можно было назвать привлекательным: широкоплечий, стройный, с правильными чертами лица и светлыми пшеничными волосами.

Вместо ожидаемого белого халата доктор был одет в безупречный черный костюм элегантного покроя и серую шелковую сорочку. Даже чересчур открытый лоб не убавлял привлекательности мужчины – наоборот, наводил на мысль о выдающемся уме этого человека – так мог выглядеть ученый или поэт… Но стоящий перед новой пациенткой не был ни тем, ни другим – об этом говорили его глаза: колючие, цепкие, они словно хотели просветить девушку насквозь. Его взгляд в упор показался Дженнифер еще более неприятным, чем взгляд медсестры. Девушка почувствовала легкий холодок, пробежавший по ее спине.

– Заходите, мисс. – Он сделал рукой приглашающий жест, и Дженнифер ничего не оставалось, как войти в его кабинет, хотя оказаться наедине с этим человеком с глазами-колючками ей хотелось бы меньше всего на свете.

Внутри помещение выглядело намного более просторным, чем можно было предположить вначале. Высокие потолки, дорогая мебель из темного дерева, кожаное кресло с широкой спинкой – такая обстановка скорее подходила бы кабинету чиновника высокого ранга, нежели приемной доктора психиатрической клиники, находящейся на содержании государства.

– Присаживайтесь, – он снова сделал приглашающий жест в сторону второго кресла, поскромнее, что стояло рядом со столом. Водрузившись на свое место, доктор продолжал задумчиво разглядывать Дженни.

Не желая отвечать на его взгляд, девушка рассматривала кабинет: на стенах висели какие-то дипломы и грамоты в дорогих рамках – наверное, они должны были убедить каждого попавшего сюда, что здесь и в самом деле хорошая клиника, раз это подтверждает столько красиво оформленных бумажек.

Большое окно, аккуратное и светлое; через него даже видно краешек дорожки и деревья, что теснятся дальше за территорией клиники.

С трудом оторвав взгляд от окна, Дженни вдруг с удивлением заметила еще одно присутствующее здесь существо: большой

белый попугай в клетке, подвешенной на крюк в углу, сидел так тихо, что поначалу она приняла его за чучело. Но вот «чучело» шевельнулось, глянуло на Дженнифер, затем быстро почесало лапой пернатый бок и снова замерло в дремоте. На секунду девушке показалось, будто она уже где-то видела эту птицу, однако при каких обстоятельствах – вспомнить не могла.

Пока Дженни изучала приемную, доктор неторопливо раскрыл папку с бумагами, которую передала ему социальный работник. Биография, пара газетных заметок об аварии, заключение полицейского врача… Вся короткая жизнь Дженнифер поместилась на нескольких официальных листах.

Бросив на папку быстрый взгляд, Дженни принялась рассматривать носки своих ботинок, не желая больше участвовать в новой игре под названием «врач – пациентка», которую ей навязывали помимо ее воли.

– *Дженнифер Паркер, 16 лет. Стала свидетелем гибели своих родителей при весьма загадочных обстоятельствах*, – продекламировал доктор, смакуя каждое слово, будто это доставляло ему удовольствие. – *Автокатастрофа. Нарушение психики в связи с пережитым потрясением.* Что ж… Наши специалисты помогут тебе снова стать здоровой… – Он вдруг молниеносно оказался за спиной Дженнифер, и его голос теперь продолжал литься словно вязкая смола уже сверху: – Ты теперь видишь чудовищ, девочка?

Дженни вздрогнула; но едва она успела поднять глаза, как доктор переместился на свое место и ручкой уже ставил какие-то отметки в ее бумагах.

Неужели это мгновенное перемещение и последние слова ей только почудились? Однако его запах – резковатый аромат дорогого мужского парфюма – кажется, все еще витал рядом с ней.

– Сестра, проводите мисс Паркер в… восемнадцатую палату, – добавил он совсем уже буднично, больше не обращая на Дженнифер никакого внимания.

Тяжелая смуглая рука с коротко обрезанными ногтями легла ей на плечо. Повинуясь, девушка поднялась и последовала за медсестрой в длинный коридор, наполненный больничными запахами – лекарств, дезинфицирующих средств, страха, боли и безнадежности.

Глава 7
Восемнадцатая палата

Двигаясь в сопровождении медсестры по длинному коридору, Дженни про себя отметила, что кабинет главврача, наверное, был здесь единственным местом, преисполненным роскоши. Мрачноватый коридор с выкрашенными в мутно-голубой цвет стенами и скрипучими досками пола выглядел изрядно обветшалым. Столь же старыми были также узкие окна, через которые вливался скупой свет пасмурного осеннего дня.

По коридору навстречу им шел высокий санитар. Он толкал перед собой коляску, в которой сгорбился одетый в больничную пижаму немолодой мужчина с отрешенным лицом. Еще два пациента в больничных халатах и тапочках, завидев шагающую рядом с Дженнифер медсестру, испуганно вжались в стену, словно хотели стать ее частью.

Скрывая волнение, девушка молча следовала за медработницей, пытаясь понять, куда же судьба забросила ее.

Белые двери палат с облупившейся местами краской были без табличек и выглядели совершенно одинаково. Дойдя до середины коридора, медсестра остановилась возле одной из дверей и толкнула ее.

– Заходи! – кивнула она Дженни.

Девушка переступила порог… и тут же оказалась под прицелом четырех пар глаз пациентов, обративших на нее внимание.

На узких больничных кроватях палаты с такими же серо-голубоватыми стенами, как и в коридоре, она увидела двух молодых девушек и – к своему немалому удивлению – двоих парней. Кто-то из них сидел, а кто-то лежал. Все они были одеты в одинаковые зеленые больничные пижамы с широкими рукавами.

– Вот твое место, – буркнула медсестра, указывая на пустующую койку подле единственного в этом помещении окна.

Пять старых кроватей с небольшими тумбочками возле каждой составляли всю меблировку. Дженни подошла к пустой койке; тощий полосатый матрас, потрепанное одеяло и видавшая лучшие времена подушка…

Медсестра уже повернулась, чтобы уйти, когда девушка решилась остановить ее, робко промолвив:

– Извините… Но это же должна быть женская палата? Почему здесь мужчины?

– Вы тут не мужчины и не женщины, вы – пациенты, – отрезала медсестра и, словно крупногабаритный корабль, гордо выплыла за дверь.

Дженни, присев на краешек кровати, зажмурилась. «Господи, сделай, чтобы это был сон, просто страшный сон, – мысленно попросила она, едва сдерживая слезы. – Тебе ведь не сложно совершить одно маленькое, совсем малюсенькое чудо…»

Но чуда, конечно же, не произошло – открыв глаза, Дженнифер увидела, что по-прежнему находится в мрачноватой палате с высоким потолком и холодными стенами, в компании таких же обделенных счастьем, как и она сама.

Глава 8
Новое окружение

– Ты кто?

От прозвучавшего сквозь напряженную тишину голоса Дженни вздрогнула. Говорила, кажется, невысокая юная девушка – может, даже ее ровесница, с растрепанными черными волосами и выразительными темными глазами, взгляд которых показался Дженнифер вполне осмысленным.

– Я – Дженни, – ответила она.

В ответ ее соседка издала короткий смешок и резко мотнула головой.

– Меня не интересует твое имя, я спросила – кто ты?

Вопрос несколько озадачил Дженни. Как можно на него ответить? Как еще она может рассказать о себе? Да и что у нее осталось от прежней жизни, кроме собственного имени?

– Я обычная девушка, Дженнифер Паркер.

Черноволосая пациентка еще раз хохотнула, словно услышала нечто смешное. Смех ее начинал звучать и обрывался резко, при этом лицо оставалось абсолютно серьезным.

– Обычная девушка! Так не бывает… Иначе ты не попала бы сюда. Я вот, например, продаю цветы, необычные цветы! – Глаза черноволосой, на миг вспыхнув лихорадочным огнем, тут же погасли, и в них появилось прежнее задумчиво-тоскливое выражение. – Только у меня никто ничего не покупает, здесь все нищие… Нищие, нищие, нищие! – вдруг закричала она, махнула рукой и отвернулась к стене. Кажется, девушка вот-вот готова была заплакать.

– Прекрати грузить ее своими цветами! – огрызнулся парень с койки, что стояла посредине, у противоположной стены. – А то она еще подумает, что мы и вправду тут все сумасшедшие, – негромко добавил он, и Дженнифер перевела на него удивленный взгляд.

Действительно, парень не казался сумасшедшим: он смотрел на Дженни спокойным осмысленным взглядом.

Юноша был среднего роста, худощавый, прямые темные волосы длинной челкой спадали ему на лоб. Его вполне можно было бы назвать симпатичным, если бы в лице не угадывалось что-то неуловимо странное. Только получше присмотревшись, Дженнифер поняла – правая половина лица не вполне соответствовала левой и выглядела слегка перекошенной. Но этот недостаток не был слишком уж отталкивающим.

– А что, разве нет? Вы… нормальные? – негромко спросила она, рискуя вызвать нетактичным вопросом какую угодно реакцию – в конце концов, она была в клинике для душевнобольных.

Пациентка, назвавшая себя продавщицей необычных цветов и только что хотевшая заплакать, повернувшись ко всем, опять засмеялась.

– Она думает – мы сумасшедшие! – выкрикнула девушка.

Между тем парень не обратил на ее крик никакого внимания.

– Ну, может, совсем уж нормальными нас и не назовешь.

Юноша слегка улыбнулся, и у Дженни сразу полегчало на душе: ведь если человек может иронизировать по поводу себя, значит, он точно не псих!

– Но мы не более сумасшедшие, чем все остальные люди. Как ты думаешь, почему ты здесь? – пристальный взгляд парня не показался Дженнифер неприятным, наоборот, было в нем что-то успокаивающее.

Девушка пожала плечами.

– Наверное, потому, что я осталась одна. И мне никто не верит…

– Одна? Ты тоже осталась одна? – вдруг присоединилась к разговору вторая девушка, которая до сих пор безучастно сидела на своей постели и даже не смотрела в сторону разговаривающих. – Тебя бросили?

Дженни заметила, что у этой девушки был особо мелодичный голос: слова слетали с ее уст так проникновенно, будто она читала поэму. Девушка была невысокой, немного полноватой, с мягкими русыми волосами, едва достигавшими плеч, и красивыми серыми глазами. Наверное, она являлась самой старшей из пациентов палаты.

– Меня не бросали. Мои родители, они… Они погибли, – тихо промолвила Дженни, опустив глаза. Сегодня она впервые произнесла вслух эту жуткую правду.

– Они тебя оставили… Бедняжка! – воскликнула сероглазая девушка и вдруг бросилась к Дженнифер с объятьями.

Немного напуганная столь бурным проявлением чувств со стороны незнакомки, Дженни все же разрешила себя обнять.

Наобнимавшись вдоволь, соседка осталась сидеть рядом. Если не считать такой эмоциональности, она тоже не казалась сумасшедшей.

– Тогда – добро пожаловать в нашу небольшую компанию! – еще раз улыбнулся парень. – Мы тоже здесь потому, что нам никто не верит. Я – Раян. Это – Эмма, – он кивнул в сторону девушки, сидящей рядом с Дженни.

– Эмма, – подтвердила та.

– София, – слегка церемонно кивнула черноволосая с койки в углу и снова стала казаться нормальной.

– А это Джастин, – Раян, поднявшись, подошел к другому парню – тот сидел неподвижно, не отрывая взгляда от окна.

Его койка стояла напротив кровати Дженни, только с другой стороны. Однако узкая казенная постель была явно маловата для крепкого, массивного тела молодого человека. Широкие плечи, бугры мышц, которые не могла полностью скрыть больничная пижама, короткие светлые волосы ежиком… Парень казался заколдованным богатырем, превращенным в беспомощного пациента чьими-то злыми чарами.

– Эй, Джастин, повернись к нам! А то наша новая соседка решит, что ты невежлив, – Раян положил руку ему на плечо.

Молодой человек, словно очнувшись, немного повернул лицо в сторону Дженни. Бросив на нее быстрый взгляд, он вдруг стушевался. На его широком спокойном лице появилась смущенная, робкая, почти детская улыбка. Заморгав, верзила потупил взгляд и пробормотал нечто, напоминающее «здрасьте».

Видимо, добившись от него желаемого, Раян удовлетворенно вернулся на свое место.

– Ты не бойся его, он добрый. И тоже нормальный. Только стеснительный очень с девушками и порой забывает, кто он такой. Но мы ему об этом напоминаем – правда, Джастин?

Тот лишь кивнул головой и снова исподтишка взглянул на Дженни. Теперь он перестал казаться ей угрожающим, несмотря на свою скрытую силу. Как, впрочем, и другие пациенты из восемнадцатой палаты. Мысленно девушка вздохнула с облегчением. «Кажется, не все так плохо, как могло быть», – решила она, уже без особой опаски глядя на своих новых знакомых.

Глава 9
Долгий день

То ли доктор не спешил начинать лечение Дженни, то ли в отношении новой пациентки у него были какие-то особые планы, однако до обеда никто больше ее не побеспокоил.

Больным полагалось питаться в небольшой, пропахшей пригоревшим луком столовой, окна в которой располагались столь высоко, что заглянуть в них можно было, лишь подпрыгнув или взлетев. Два санитара, стоявшие у входа, мрачно наблюдали за пациентами, неспешно заполнявшими больничную трапезную. Некоторых привозили в колясках; большинство приходили сами.

Восемнадцатая палата занимала отдельный столик. Юркнув на свободный стул, Дженни уткнулась в свою тарелку, исподтишка наблюдая за остальными обедающими. Наверное, трудно было бы найти место, обитатели которого так разнились бы между собой и в то же время выглядели бы настолько неуловимо похожими друг на друга. Здесь находились люди разного возраста и пола, с застывшими, отрешенными лицами или, наоборот, горящими глазами и нервными движениями. Одни набрасывались на пищу (слабосоленую кашу, политую подливкой непонятно из чего) с жадностью зверей – и мигом съедали все. Другие, наоборот, кажется, совсем не замечали тарелку; просидев за столом с полчаса, они удалялись, оставив еду нетронутой. К некоторым подходили санитары и, сунув в руку ложку, заставляли есть. Таких безучастных, почти не владеющих собой пациентов, здесь называли «овощами». Были среди них и те, кто пытался есть самостоятельно, однако с трудом удерживал ложку в трясущихся руках.

Подобная проблема, как исподволь заметила Дженнифер, мучила и Раяна – парень старался преодолеть легкую дрожь в руках, но это не всегда получалось. Перехватив взгляд девушки, он вздохнул немного смущенно.

– Чертов нерв у меня в спине! Это он превращает мое лицо в карикатуру и мешает нормально двигаться. Что-то там воспаляется, защемляет его… А господа умные доктора так и не могут понять, из-за чего именно все это происходит и что вызывает подобную реакцию организма. – Не в силах совладать с рукой, которая начала трястись еще больше, Раян с досадой бросил ложку. – И поэтому вместо учебы я должен минимум по два раза в год торчать в разных клиниках, пока моему «спиногрызному» нерву не надоест портить мне жизнь и он не

решит на время успокоиться…

– Так ты давно здесь? – робко спросила Дженнифер.

– Не очень. Наверное, месяца три – тут у меня плохо получается считать время. Здесь оно идет по-другому, не так, как там, – парень кивнул на решетчатое окно.

Взглянув туда же, Дженни вздохнула. Она еще и дня не пробыла в этой клинике, но уже чувствовала, как подкрадывается прямо к сердцу непроглядная тоска. Тоска по свободе, которую отняли у нее непонятно за какие грехи…

Оставив посуду на столах, больные по одному и группами уходили из столовой – их ждал обязательный послеобеденный сон. Восвояси поплелись и обитатели восемнадцатой палаты.

Когда они вернулись, койка Дженни была уже заправлена постельным бельем, если можно именовать бельем застиранную до дыр серо-белую простыню и пододеяльник. А подушка, воссоединившись с наволочкой, словно еще больше сжалась, и от нее теперь сильнее разило лекарствами и пылью. Девушка вздохнула, вспомнив свою уютную кровать и любимый валик, который предпочитала брать с собой, когда доводилось ночевать где-нибудь в гостях. Впрочем, такое случалось довольно редко – родители не очень тесно общались со своими друзьями…

Воспоминание о матери и об отце опять накрыло ее волной грусти. Чтобы отвлечься, Дженни решила переключиться на своих новых знакомых, но они все, как по команде, уже нырнули под одеяла.

– Ложись и ты! – посоветовала Эмма из своего угла.

– Но я не хочу спать. Никогда не ложилась днем, с тех пор как мне исполнилось пять лет.

– Придет Игла и устроит взбучку, если ты не будешь в кровати, – добавила София.

– А кто она такая?

– Сейчас увидишь, – многообещающе прошептала девушка, свернувшись в калачик под своим тощим одеялом.

Почти одновременно с этим дверь в палату резко распахнулась и на пороге возникла дородная медсестра – нисколько не меньше в обхвате той, что привела сюда Дженни. Разве что эта была старше – лет под пятьдесят, с еще более неприятным лицом.

«Она скорее напоминает шар, чем иглу, – подумала Дженни, увидев вошедшую медработницу. – Чем их тут кормят?»

Но объемы никак не влияли на скорость – потому что названная Иглой медсестра очутилась возле Дженни за долю секунды и, больно ухватив ее за плечо, повернула к себе.

– Ты новенькая, и тебе, должно быть, еще не объяснили

правил, – прошипела она прямо в лицо девушке. От дыхания Иглы разило луком и еще чем-то, похоже, спиртосодержащим. Но самой неприятной деталью были настоящие жесткие усы, волоски которых торчали над ее верхней губой в разные стороны, напоминая щетину щетки для чистки обуви. – Поэтому сегодня я не стану тебя наказывать, – продолжала дальше медсестра, нависнув над девушкой всей своей тушей. – А теперь слушай сюда и запоминай: отбой – это значит, что все забились в свои норы и спят, никто не шатается по палате и не маячит в коридоре… И не шепчется! – бросила она уже другим обитателям восемнадцатой, похоже, еще больше вжавшимся в свои койки.

Замер даже широкоплечий Джастин, хотя он, наверное, при желании одной левой мог бы выбросить эту неприятную особу за дверь.

Грубые пальцы больно впились в руку девушки.

– Я – миссис Вуд, и теперь я буду присматривать за тобой. А теперь – надевай пижаму, как все, и под одеяло! – прошипела Игла и оттолкнула Дженни.

Только сейчас девушка увидела лежащую на постели одежду – бесформенную рубашку, штаны и халат – всё полинявшего серо-болотного цвета, который в лучшие времена был, наверное, зеленым.

Игла не спешила уходить – по-видимому, она ждала, когда пациентка переоденется.

Делать было нечего: Дженни поспешно сменила свою одежду на малоприятную больничную, и медсестра тут же схватила ее свитер и джинсы.

– Когда выздоровеешь, тогда и получишь обратно, – прокомментировала она свои действия с ядовитой усмешкой и захлопнула за собой дверь.

Именно в этот момент, в больничной одежде, свернувшись под казенным одеялом, Дженни почувствовала, что становится частью того места, в которое попала.

Глава 10
Тень ворона и беспокойная ночь

Время после сна, именуемое миссис Вуд «досугом» (она действительно присматривала за ними, вернее – за соблюдением правил), произвело на Дженнифер, пожалуй, самое тягостное впечатление, если сравнивать со всем остальным, что она увидела здесь. Пациентов попросту согнали в одну большую комнату, где на почетном месте – тумбочке – стоял старый телевизор. Вокруг него, на истрепанном временем коврике, в несколько рядов располагались стулья. Под стенами сиротливо горбилась пара маленьких столиков, больше напоминающих детские. На одном из них стояла шахматная доска, на другом были карандаши в стаканчике и листы бумаги. Правда, к столикам никто из больных не подходил. Весь «досуг» заключался в том, чтобы смотреть телевизор, что пациенты и делали.

Кто-то действительно смотрел (показывали какой-то комедийный сериал), остальные же просто сидели с отсутствующим видом – однако это, кажется, совсем не имело значения.

Взлохмаченный старичок в крайнем ряду начал было что-то выкрикивать, но к нему моментально подбежал хмурого вида санитар с большим отвисшим животом и не церемонясь залепил бедняге смачную оплеуху – голова старика дернулась, и он тут же умолк. Санитар с грозным видом постоял возле него еще немного, угрожающе обвел остальных взглядом и удалился в кресло у противоположной стены, откуда было удобно наблюдать за всеми. Рядом с ним расположился еще один тип в костюме охранника, который тоже, видимо, следил за порядком в «час досуга».

Этот час показался Дженнифер ужасно длинным и нудным – она не любила сериалы, особенно с плоскими шутками и смехом за кадром – словно режиссер «заботливо» указывал недогадливым зрителям, в какой момент следует смеяться… Но выбора у нее, как и у всех остальных, не было. Правда, сосредоточиться на деталях фильма тоже не получалось – двое или трое пациентов, сидящих рядом, что-то постоянно бормотали себе под нос, отчего разобрать слова с экрана было невозможно. Однако делали они это все же не настолько громко, чтобы получить оплеуху от толстяка санитара.

Когда пытка сериалом закончилась, тем больным, кого не забрали на вечерние процедуры, разрешили погулять: это означало, что можно послоняться по коридорам, еще посидеть

перед тем же телевизором или идти в свою палату.

После ужина, состоящего из молочной каши, половинки булочки и компота, пришел час «гигиенических процедур» и подготовки ко сну. Очередным неприятным открытием для Дженни стала душевая – ржавые скрипучие краны, разбитая плитка на полу и дверь, которая не закрывалась изнутри.

И хотя за все это время Дженнифер не делала абсолютно ничего, что могло бы ее утомить, под конец растянутого, будто старый бесформенный свитер, дня, она чувствовала себя совершенно измотанной. Поэтому, когда появилась Игла с подносом лекарств и протянула ей какие-то две таблетки, девушка покорно их выпила, даже не поинтересовавшись, для чего они и как называются.

– Лучше бы доктор прописал тебе уколы, но пока начнем с таблеток, – с ехидной улыбочкой негромко произнесла Игла над самым ухом Дженни – так, словно разговоры об уколах и таблетках доставляли ей настоящее удовольствие.

Остальные обитатели восемнадцатой тоже покорно приняли свою долю лекарств и, не дожидаясь лишней ругани, разместились на кроватях.

Когда погасло электричество, единственным светлым пятном в темной палате осталось окно, через которое с улицы пробивался мутный свет желтого фонаря. Свернувшись калачиком, Дженни долго смотрела на этот фонарь. Сон никак не шел к ней, и невеселые мысли затеяли свой обычный хоровод. Что ждет ее дальше? Действительно ли она сошла с ума, или то, что видела, было на самом деле? А если так, то что из этого лучше?

На новом месте засыпалось плохо: незнакомые звуки, больничные запахи, сама обстановка, словно наэлектризованная нездоровыми эмоциями, томящимися, не находящими себе выхода в этих стенах. Дженнифер то плотно смыкала веки, пытаясь погрузиться в спасительный сон, убежать в его теплые аморфные глубины, то опять приоткрывала глаза, прислушиваясь к каждому новому шороху, будто напуганный маленький зверек. И как она не убеждала себя, что опасаться нечего, что здесь ей окажут квалифицированную помощь и помогут забыть пережитые кошмары, – голос разума звучал не очень убедительно. А фантазия, не жалея мрачных красок, рисовала весь ужас ее теперешнего положения – пациентки психлечебницы. И в тяжелом, подчас словно напряженном дыхании других больных в палате, и в малейшем шорохе за дверью ей виделись настороженные глаза – по ту и по эту сторону двери. Как будто вся эта больница, даже своими стенами, смотрела на Дженни отовсюду, пытаясь проникнуть в ее мысли. Словно вновь и вновь

задавала один и тот же вопрос: «Кто же ты, Дженнифер Паркер?»

Резкий звук заставил девушку вздрогнуть и вывел из подступающей было дремоты. Дженни взглянула в окно – на карнизе сидел огромный ворон. Птица смотрела через стекло красными глазами-углями. Сжавшись от страха, Дженни зажмурилась. Может, это просто снится ей? Она больно ущипнула себя за руку и снова посмотрела в окно. Птица все еще была там, только теперь не била клювом в стекло, а ходила взад-вперед по карнизу, будто искала возможность попасть внутрь.

– Уходи, – прошептала Дженнифер. – Убирайся отсюда! Что тебе от меня надо?

Ворон не отвечал, продолжая метаться по карнизу, как заведенный.

Соседняя койка жалобно скрипнула под весом Джастина – он приподнялся и посмотрел в окно. Дженни, забыв о страхе, села на кровати. Нет, она не ошиблась – глаза соседа пристально глядели на птицу.

– Джастин, ты тоже его видишь? – негромко спросила девушка, но тот не ответил, продолжая следить за вороном.

Ночной гость, еще раз ударив мощным клювом в стекло, вдруг поднялся в воздух и пропал – так же неожиданно, как и появился. Парень по-прежнему не двигался, устремив глаза в светлеющий проем окна. Поняв, что дожидаться от него ответа бесполезно, девушка вздохнула и снова забралась под одеяло.

– Он часто прилетает, – вдруг негромко сказал Джастин, не поворачиваясь к ней.

Дженни тут же подхватилась.

– Значит, ты видел его? Джастин, скажи мне, кого ты видел? Прошу тебя! – едва не закричала она, однако он оставался таким же невозмутимым. – Умоляю, скажи мне, что ты видел?! Это очень важно для меня! Пожалуйста…

Ступая босыми ногами по холодному полу, девушка подошла к парню и заглянула ему в лицо. Глаза Джастина оставались затуманенными, словно его сознание, как небо за окном, обволакивала дымка.

– Что ты видел?

Он молчал.

– Я видел черного ворона, – ответил наконец, все так же не глядя на Дженнифер.

– Благодарю… – произнесла потрясенная Дженни.

Вернувшись к своей постели, девушка в изнеможении опустилась на нее. Словам парня можно было верить – откуда ему знать о том, что именно видела за окном она. Значит, это кошмарное видение посетило их обоих…

– Но ведь так не бывает, чтобы два человека видели одинаковые галлюцинации, – прошептала Дженнифер самой себе. – Даже если эти люди не совсем здоровы. Тогда получается, дело вовсе не в том, что со мной что-то не так… Может, что-то не так со всем остальным миром?

Глава 11
Замкнутое пространство

У Раяна была немного странная походка – когда он шел, создавалось впечатление, будто передвигается не по твердому полу, а по шаткой палубе корабля, который движется, рассекая волны.

Парень не мог ходить быстро, но это совсем не помешало ему показать Дженни (насколько было возможно) все уголки старого здания больницы.

На первом этаже размещались палаты больных, кухня и столовая, а также несколько помещений, где пациентам разрешалось проводить время – комната с телевизором и еще одна, похожая на большой зал со стульями и креслами.

На втором располагались кабинеты докторов, а их, кроме главврача – доктора Руффа, было еще несколько; правда, Дженни пока не успела запомнить эти имена. Ее лечащим врачом стал сам Руфф; как оказалось, он лечил всех обитателей восемнадцатой, и другие доктора просто не обращали на них внимания.

Комнаты персонала также находились на втором этаже. Что было на третьем – даже для Раяна оставалось загадкой. Вроде бы этаж был необитаем; в любом случае, единственная лестница на него заканчивалась массивной железной дверью, запертой на ключ. Но даже на второй этаж попасть снизу казалось непростой задачей – туда можно было подняться с коридора на лифте, который закрывался тяжелой решеткой, или по широкой лестнице мимо охраны со стороны парадного входа.

Общение с парнем стало для Дженнифер единственной отдушиной в этом унылом месте, хотя и Раяну она не могла полностью доверять. И о той своей встрече с черным вороном, замеченным не только ею, Дженни еще не говорила ему.

Жизнь здесь текла по своему особому руслу, вызывая у девушки массу вопросов, ответов на которые она пока не находила.

Пациенты жили согласно строгому расписанию; любое нарушение тут же пресекалось, и за ним следовало наказание. Санитары имели над этими, частично запуганными, отчасти живущими в мире собственных грез, людьми если не безграничную, то весьма обширную власть.

Например, никто не мог запретить толстому и хмурому, с бородавкой на щеке, Айвену запросто открыть любую тумбочку и проверить, есть ли в ней что-нибудь съестное. И когда он находил

там что-то подходящее – не медля забирал это без всякого предупреждения.

Его тощий напарник Лео был гораздо веселее и разговорчивее, но он обладал куда более неприятной слабостью, приставая ко всем женщинам без разбору. Эта парочка, по-видимому, отвечала за тот сектор коридора, к которому относилась восемнадцатая, потому что именно они вваливались в палату в любое время.

Такой же властью обладала и ненавистная пациентам усатая медсестра, прозванная больными Иглой за явно нездоровую страсть к уколам.

Но более всего удивляло Дженни отсутствие какой-либо психотерапии; ей давали таблетки, и на этом все лечение заканчивалось. После того первого визита в кабинет доктора Руффа повторной аудиенции у него Дженнифер так и не дождалась. Как ни странно, похожее лечение применялось ко всем обитателям восемнадцатой, хотя их проблемы выглядели по-разному. Они покорно придерживались распорядка дня, принимали таблетки и… жили каждый собственной жизнью. Общаясь со своим новым другом, который, к большому облегчению Дженни, действительно не страдал другими отклонениями, кроме, как он выражался, «спиногрызного нерва», она вкратце узнала истории всех своих сотоварищей по палате.

София – бывшая наркоманка, расстройство ее психики произошло в результате очередной передозировки, после чего девушка и попала сюда. Эмма пыталась покончить с собой из-за несчастной любви. Что случилось с Джастином, доподлинно неизвестно; в прошлом боксер, он якобы повредился рассудком после неудачного боя.

Что касается других пациентов клиники, то они были разными – Дженни приходилось наблюдать и абсолютно, на первый взгляд, нормальных людей, и стопроцентно умалишенных, от одного вида которых по коже начинали бегать мурашки.

Но теперь девушка точно поняла – никакая она не сумасшедшая. И те видения, чем бы они ни были вызваны, больше не повторялись, а все, до сих пор сумбурно бродящие в душе силы, беспорядочные мысли в голове сходились в одном – это место точно не для нее. Если она что-то и сможет тут сделать, так это сойти с ума по-настоящему. И потому ей следует найти способ поскорее покинуть клинику, доказав, что она нормальный человек.

Глава 12
Когда тебя не слышат

Инспектор социальной службы выполнила свое обещание, навестив Дженнифер через три дня после того, как поручила заботу о ней докторам клиники. Наверное, прежде чем встретиться с Дженни, она побывала у главврача – девушке пришлось не менее десяти минут ожидать ее в тесной комнатенке для посетителей.

Когда наконец высокая кудрявая мулатка, поздоровавшись с Дженнифер, села в кресло напротив нее, санитар, до этого безмолвно стоящий в дверях, оставил их наедине.

– Как ты, малышка? – Губы женщины растянулись в улыбке, что снова показалась Дженни фальшью.

Но, несмотря на это, поспешно оглянувшись на дверь, девушка решилась на откровенный разговор с инспектором.

– Мне здесь не место! – горячо заговорила Дженни, глядя в глаза собеседнице. – Это ошибка… Я здорова!

Мулатка снова улыбнулась и мягко возразила:

– Дженни, думаю, как только ты будешь полностью здорова, доктор Руфф больше не станет тебя здесь задерживать…

– Доктор Руфф ничего не делает для того, чтобы вылечить меня! – выкрикнула девушка, но тут же опять заговорила тише: – Никто тут не занимается моим лечением. Они пичкают меня какими-то таблетками, вот и всё. Ни один сотрудник этой клиники даже не поговорил со мной за то время, что я здесь!

– Но, девочка, ты только что сама сказала, что тебе назначили таблетки. Скорее всего, доктор пока не видит надобности в других методах терапии, кроме медикаментозной…

– Здесь у всех одинаковая медикаментозная терапия! Нас заставляют принимать таблетки, а буйных обкалывают какой-то гадостью, чтобы они вели себя тихо… Нас никто и не пытается лечить по-настоящему! – воскликнула девушка.

– Но, милая, ты же не доктор, чтобы определять, чем и как лечить больных, – в голосе социальной служащей уже угадывалось скрытое раздражение. – Ты лучше расскажи, как себя чувствуешь? Есть у тебя какие-нибудь жалобы, кроме претензий по поводу неправильных методов лечения доктора Руффа?

Дженни умолкла, понимая, что ее слова произвели на инспектора эффект, противоположный тому, которого она добивалась. И теперь, чтобы не усугубить ситуацию еще больше, ей важно было взвешивать свои слова перед тем, как их

произносить. Она хотела было сказать, что ее поселили в общую палату, где пребывают и юноши, и девушки, но вовремя передумала – а что если после этого ее из уже ставшей привычной и мирной восемнадцатой переведут к каким-нибудь буйно помешанным женщинам? Этого Дженнифер хотелось бы меньше всего.

О том, что один из санитаров шарит в тумбочках и забирает еду, она тоже решила не говорить. Ведь что бы она ни сказала теперь, инспектор будет искать в ее словах признаки бреда душевнобольной…

– У меня нет жалоб, но есть одна просьба. Вы не могли бы разыскать кого-нибудь из моих родственников? Наверняка кто-то должен быть, кому небезразлично, что со мной, – с надеждой вымолвила Дженнифер и тут же быстро добавила: – Понимаете, мне бы очень хотелось, чтобы меня проведал кто-нибудь из родни.

– Хорошо, деточка, я постараюсь выполнить твою просьбу, – инспектор еще раз улыбнулась своей профессиональной улыбкой и, плохо скрывая облегчение, поднялась с кресла. Видимо, она посчитала, что уже выполнила свой служебный долг в отношении Дженнифер Паркер.

Девушка смотрела на нее и вдруг явно осознала: все ее надежды достучаться до этой женщины и попросить помощи напрасны. И не потому, что Дженни – действительно сумасшедшая, просто этой особе безразлична ее судьба. Для нее она лишь пациентка психиатрической клиники, а значит, куда проще и правильней поверить доктору, чем ей, Дженнифер Паркер…

Возвращаясь в сопровождении санитара в свою палату, девушка размышляла о том, захочет ли кто-нибудь из родственников помочь ей. Раньше она как-то не задумывалась, почему родители нечасто ходили и ездили в гости или принимали гостей у себя. У нее, безусловно, должна быть какая-то родня. Но, честно говоря, об этих родственниках, если они и были, Дженни ничего не знала. Ей смутно помнилось, что несколько лет назад к ним приезжал пожилой военный, который, похоже, был родственником отца. И тетя, подарившая Дженнифер куклу, – кажется, она являлась родственницей по линии матери. Но почему эти люди не приехали к ним снова, девушка не знала. Окруженная любовью и заботой родителей, она совсем не чувствовала нужды в общении с другими родственниками. У нее были свои знакомые, подруги в классе, и до сих пор она жила в собственном маленьком уютном мирке. Жила, пока его не разрушил до основания несчастный случай…

Вернувшись в палату, она тоскливым взглядом обвела больничные стены, на которых местами отошла штукатурка, убогую койку и, как всегда, неподвижно застывшего Джастина… Дженни заплакала. Слезы сами катились из ее глаз, остановить этот поток у нее не было сил. Никому она не нужна. Никто не придет, чтобы вызволить ее отсюда, из этой западни, из этой ловушки…

На плечо девушки легла чья-то теплая ладонь. Обернувшись, Дженнифер совсем рядом увидела лицо Раяна.

– Дженни, тебя кто-то обидел? Что случилось?

– Никто не придет за мной… И никто меня не вылечит. Мои кошмары… Я не сумасшедшая! Это что-то другое. Я чувствую себя в ловушке… Мне никогда отсюда не выбраться, – горячо зашептала она, путаясь в словах сбивчивых фраз. – Кажется, здесь я точно сойду с ума…

Раян вдруг обнял ее за плечи, утешая, и девушка не оттолкнула его. В этот миг, прижавшись к худому, еще полумальчишескому плечу парня, она почувствовала минутное облегчение.

– Не плачь. Все будет хорошо! Вот увидишь… – произнес Раян настолько уверенно, что Дженнифер изумленно взглянула на него. А затем он тихо добавил: – Дождись ночи…

Неужели он знал что-то, чего не знала она, Дженни? С губ девушки уже готовы были сорваться вопросы, но Раян торопливо удалялся от нее своей раскачивающейся походкой.

Глава 13
Заговорщики

Едва в палате погас свет, Дженни тут же шепотом позвала Раяна. Однако парень только шикнул на нее: «Еще рано!»

Дальше время тянулось со скоростью улитки, а соседи по палате так и не выказывали никакого желания пообщаться. Может быть, Раян просто разыграл ее? От таких мыслей девушке стало горько. А еще притворяется эдаким героем-спасителем, берет на себя смелость утешать ее, словно и вправду может хоть что-нибудь сделать!

Из гордости Дженни решила молчать, но минуты шли – а в палате по-прежнему висела тишина. Когда Дженнифер уже совсем было потеряла надежду, она вдруг услышала тихий голос Раяна:

– Дженни! Ты не спишь?

– Я – нет. Но, кажется, спят все остальные. Те, кто должен был посвятить меня в великую тайну, – не удержавшись, съязвила она.

– Я не сплю, – вдруг подала голос Эмма, и он совсем не был сонным.

– Я тоже, – с другой стороны отозвалась София.

Обе девушки и Раян, озираясь, к большому удивлению Дженни, сели на своих постелях.

– А я-то думала, что вы видите уже пятый сон, – созналась она, тоже усаживаясь и укутав плечи одеялом – ночью в палате было достаточно прохладно. – Вы так тихо лежали…

– Игла и Айвен часто подслушивают под дверью – мы их не раз замечали за этим занятием. Надо было молчать до тех пор, пока им надоест шататься и они отправятся спать.

– А откуда вы знаете, что они ушли? – Дженни недоверчиво переводила взгляд с девушек на Раяна.

– У меня отличный слух, – усмехнулась Эмма. – Когда-то я занималась музыкой и пением… Я даже могу услышать, как бьется сердце. Особенно – влюбленное сердце, – мечтательно протянула Эмма своим мелодичным голосом, и Дженни пришлось сдержать раздраженный вздох. – Но у этих, что держат нас тут, я не слышала стука сердца – ни у кого. Должно быть, они никого не любят, – добавила девушка с искренней грустью. – Зато я ощущаю их дыхание, дыхание по ту сторону. – Эмма показала пальцем на дверь.

Дженни слушала ее объяснения, с трудом в них веря. Влюбленные сердца – это вряд ли… Но вот осторожные шаги за дверью Эмма вполне могла услышать.

– Ты сказала мне, что чувствуешь, будто попала в ловушку, – начал Раян немного торжественно. – Мы все это чувствуем. Не тебя одну заперли здесь против твоей воли – нас всех привезли сюда и удерживают силой. Никто не собирается нас тут лечить так, чтобы мы стали здоровыми.

– Но почему? Ведь лечебницы существуют для…

– Мне известно, для чего существуют лечебницы вообще. Но я не знаю, зачем нужна эта. К нам относятся как к арестантам, а не пациентам. И не только к нам – у меня было достаточно времени, чтобы наблюдать за другими тоже. Я видел, как сюда привозили новых больных, однако еще ни разу – чтобы кто-то покидал эту больницу.

– Чтобы кто-то покидал ее живым, – добавила Эмма, и от ее слов у Дженни мороз пробежал по коже.

– Но ведь это… Такого не может быть! – воскликнула она.

Все тут же зашикали на нее, пугливо озираясь на дверь.

– Тише! Нас никто не должен слышать. Если они узнают, что мы догадались…

– Безумие… – прошептала пораженная Дженни.

«Но где же и быть безумию, как не в психушке? – подумала она про себя, вглядываясь в лица своих новых товарищей. – Насколько можно им верить? Насколько вообще можно быть уверенной в их рассудке?»

– Ну и… – Дженни обвела всех внимательным взглядом. – Что же вы собираетесь делать?

– Мы не только собираемся, мы уже делаем! – с гордостью в голосе произнес Раян. В старой больничной пижаме, с непослушными вихрами на макушке и с горящими надеждой глазами, сейчас он выглядел немного нелепо. – Мы убегаем отсюда!

– То есть… – Дженни с недоумением взглянула на парнишку. – Ты хотел сказать: «мы убежим отсюда»?

– Мы уже убегали несколько раз, – поспешно произнесла Эмма, придя на выручку Раяну. – Но только нас всегда ловили… – тут же грустно добавила она, понурив голову.

– И как же далеко вам удавалось убежать?

– До конца коридора, – неприятно усмехнулась София. – Я говорила им, – она кивнула в сторону своих собратьев по несчастью, – нельзя неизменно бежать одним и тем же путем. Но они меня не слушали…

– И что же было, когда вас ловили? – тихо спросила Дженни.

В палате повисло молчание.

– Всегда одно и то же – карцер, – наконец отозвалась София.

– Да, этот ужасный карцер, – жалко заскулила Эмма. – А

потом – еще более ужасные уколы, от которых хочется лезть на стену…

– Может, ваш план побега был не слишком хорош? – осторожно осведомилась Дженни. – Возможно, стоило его поменять?

– Не было никакого плана, – Раян упрямо мотнул головой. – Мы просто бежали, и всё. Потом нас ловили… Но мы и дальше будем убегать – ведь должно же нам когда-нибудь повезти!

«Как это глупо! – подумала Дженнифер. – Пойти на такой рискованный шаг, ничего не продумав и не составив плана действий…»

София словно уловила ход ее мыслей.

– Тут есть еще одна загвоздка, – сказала она. – Эта больница… как будто живая. Они заранее чувствуют, где нас ждать…

– Да-да-да, – закивала Эмма. – Они тут… Они всё видят. Особенно ночью…

– Ну а ваши родители? Ваши родные, которые…

София снова хохотнула тем своим неприятным смешком, что портил впечатление о ней.

– А где *твои* родители? – спросила она.

Дженни нахмурилась.

– Я уже говорила вам, что…

– Никто не собирался тебя обижать, – примирительно замахал руками Раян. – Просто она хотела сказать, что мы все здесь в таком же положении, как и ты. Я лечился в другой клинике, пока моя мама… – Он отвел взгляд, не желая выдавать своих чувств. – В общем, ни о ком из нас некому заботится. Мы сами по себе.

– Я не одна! – воскликнула Эмма и нервно повела плечами. – У меня есть мой жених, Алекс, он ждет меня! Он ждет, что я отсюда выберусь и мы поженимся…

– Хорошо, Эмма, – прервал ее Раян. – Мы говорим сейчас о своем намерении убежать отсюда. И неважно, что у нас не получалось раньше; мы будем делать столько попыток, сколько нужно, чтобы удрать из этой больницы. И хотим, чтобы Дженни была с нами. Я правильно изъясняюсь? – Он обвел взглядом товарищей по несчастью, и обе девушки, и даже молча слушавший их Джастин закивали головами. – А теперь скажи мне, Дженни, – ты с нами?

Взгляды всех устремились на нее.

– Конечно, я с вами! – выдохнула Дженнифер, вдруг почувствовав, как лучик надежды коснулся ее смятенного сердца. – Но мы должны составить четкий план побега, иначе нас

опять схватят. И одним карцером дело, может, и не кончится – нас просто разбросают по разным палатам, определят к буйно-помешанным…

Ее слова возымели действие – похоже, такого поворота событий никто не желал.

– Итак, расскажите мне, что может пригодиться нам для побега. Мы соберем все факты, а затем придумаем, как надо действовать, – решительно произнесла Дженнифер, еще не осознавая, что сейчас именно она становится лидером этой маленькой компании отчаянных людей, жаждущих обрести свободу.

– Мы пытались пробраться к выходу в конце коридора – там находится лифт. Таким путем сюда все и попадают. Однако, даже если в коридоре никого нет, нас будто бы поджидают – охранники появляются словно из-под земли, что не дает нам возможности хотя бы исследовать замок на решетке…

– Но как же вам удавалось выбраться из палаты?

– Каждый раз – по-разному, – пожал плечами Раян. – Однажды медбрат забыл запереть дверь, в другой раз – Джастин просто сломал замок…

– Понятно, – задумчиво произнесла Дженниффер. – А вам не приходило в голову выйти через кухню?

– Через кухню? – растерянно повторил Раян. – Разве там есть выход?

София вдруг хлопнула себя по лбу:

– Ну конечно! Из кухни должен быть отдельный выход – черный ход. Не будут же работники таскать продукты теми же коридорами, где разгуливают психбольные… Молодец, Дженни! Я сразу сказала Раяну, что ты – сообразительная девчонка!

Дженнифер никак не отреагировала на похвалу – сейчас ей было не до комплиментов.

– Что вам известно о работе кухни и поварах? Можно ли найти какой-то контакт с ними?

– Там работают двое – повар Джек и его помощник Саймон, – послушно отчитался Раян. – Саймон, он… В общем, он какой-то странный. Не думаю, что с ним возможен контакт… Но полагаю, это и не понадобится: по субботам помощник куда-то уезжает и Джек остается один. После обеда, как вы знаете, санитары заняты тем, что разводят «овощей» по палатам. В общей суматохе, мне кажется, не так сложно пробраться на кухню. А с одним Джеком мы впятером справимся. И выйдем через черный ход, когда этого никто не будет ждать.

– Но после обеда нас сразу же заставляют ложиться спать, поэтому пропажу обнаружат очень быстро, – сообразила

Дженни. – Так что, если это делать, то лишь после ужина.

– Правильно! – поддержала ее София.

– Неужели у нас наконец-то получится? – мечтательно протянула Эмма.

Дженни постаралась вернуть их в реальность:

– Для того, чтобы получилось, нужно продумать все до мелочей… Да и то – успех никто не гарантирует. Однако у нас будет хотя бы шанс… Допустим, нам удастся выбраться из больницы. А дальше? Перелезть через ограду не так-то просто.

– А зачем лезть через ограду, если можно попробовать бежать через лес?

Подумав, Дженни кивнула.

– Кажется, когда меня везли сюда, я видела железную ограду лишь возле здания клиники. Вероятно, если пойти через лес, мы сможем выйти к дороге.

– Тихо! Похоже, кто-то идет! – пискнула Эмма, тут же нырнув под одеяло.

Ее примеру последовали остальные, и как раз вовремя – замок щелкнул, а в дверном проеме появилась упитанная физиономия Айвена. Санитар быстро окинул взглядом восемнадцатую, но не обнаружил ничего подозрительного. С минуту потоптавшись на пороге, он неопределенно хмыкнул и захлопнул дверь.

Еще несколько минут в палате царила тишина. В полумраке, разбавленном мутным светом уличного фонаря за окном, Дженни разглядела лицо Раяна, обращенное к ней. Долгий взгляд юноши казался продолжением недавнего разговора.

«Все будет хорошо, – говорили его глаза. – Теперь, когда ты с нами…»

«Я хочу в это верить, – так же, без слов, ответила Дженни, пристально глядя на него. – Очень хочу…»

Засыпая, она все еще чувствовала взгляд Раяна. Это был взор надежды и восхищения – паренек безоговорочно передал свое лидерство в опасной операции побега ей, Дженни. Теперь она отвечала за все.

Глава 14
Цветы на продажу

Проснулась Дженни от того, что в палате звучали голоса. Но, пробудившись окончательно, девушка поняла: голос только один и принадлежит он Софии. Правда, никогда раньше она не слышала, чтобы та говорила подобным образом – София вообще была не слишком многословной, в отличие от любительницы поболтать Эммы.

Дженни открыла глаза и, немного привыкнув к темноте (фонарь за окном уже не светился), попыталась разглядеть говорящую. Сначала она подумала, что соседка просто болтает во сне, однако, приглядевшись, увидела – девушка сидит на постели, вполоборота к своему невидимому собеседнику.

– Поймите меня правильно, я не могу ничего продать не потому, что я плохая продавщица. Просто тут все нищие и никто не может купить у меня ваш товар!

Что отвечал видимый только Софии собеседник, слышала, наверное, тоже лишь она. Но, вероятно, действительно слышала – потому что сперва молча кивала, а потом протянула руки, будто разглядывая в них что-то.

– Какая красивая роза! Что это? Безответная любовь? И потому у нее кровь на лепестках? Да, конечно, любовь нужна всем, но безответная… – Девушка протянула руку в пустоту, словно возвращая цветок кому-то. – Вряд ли кто-то захочет ее купить у меня, – она с сомнением покачала головой. – Безответная любовь приносит одни страдания. Никто не возьмет ее и даром… А это? Что вы говорите? Искренность? Вот эта простенькая ромашка? – София засмеялась своим нервным смешком, прозвучавшим в гробовой тишине палаты почти угрожающе.

От этого странного разговора у Дженни мурашки побежали по спине. Она оглянулась по сторонам – не слышит ли Софию еще кто-нибудь? Но остальные спали. Дженни тоже сочла за лучшее притвориться спящей. Хотя не слушать дальше она не могла.

– Извините меня, но кому нужна искренность в нашем лживом мире? Ее сочтут такой же ничтожной, как эту ромашку среди королевских гладиолусов… А это? Мечта? Вот этот голубой цветок? Но он не раскрывшийся, еще только бутон… Никто не поймет, когда увидит, каким он станет, распустившись. Поэтому его тоже никто не купит, простите… А нет ли у вас чего-нибудь такого, что нужно всем? Счастья, например? Хорошо,

договорились, приносите, я хочу его увидеть. Может, на счастье найдется больше покупателей… А это что такое? Гордость? Но она похожа на расцветший репейник – слишком колючая. О ее шипы можно пораниться…

– Что здесь такое? – громыхнул голос за дверью. Лязгнул ключ, проворачиваясь в замочной скважине, и в палату снова вломился Айвен. – Что за крики? – рявкнул он, отчего Джастин дернулся на своей койке, просыпаясь, и теперь растерянно смотрел – не на вошедшего санитара, а на кривой желтый прямоугольник света, что упал на пол из открытой двери.

– Никто не кричит, – неожиданно спокойно ответила София. – Мне снова принесли на продажу цветы, но только я не могу их взять, потому что…

– Ясно, – буркнул Айвен, и на его губах мелькнула неприятная усмешка. Без предупреждения он вдруг одним прыжком очутился возле девушки и, скрутив ей руки за спиной, заставил подняться. – Идем со мной, красотка. Думаю, еще кое-кто захочет пообщаться с тем, кто приносит тебе эти цветы.

– Отпустите меня! Я никуда не пойду! – закричала София, пытаясь вырваться из рук санитара, но тот уже волок ее к двери. – Помогите! Кто-нибудь, на помощь! – ее крики теперь, наверное, разбудили половину больных из соседних палат, но Айвен не обращал на это внимания, продолжая грубо тащить за собой сопротивляющуюся девушку.

– Сестра! Тут, кажется, потребуется ваша услуга, – прозвучало уже издали.

Еще несколько минут слышны были истошные вопли Софии, однако потом они резко стихли.

– Что происходит? – широко открытыми глазами Дженни смотрела на проснувшегося Раяна, словно ища в нем защиту.

Но, кажется, на него произошедшее не произвело особого впечатления, равно как и на Эмму, которая, проснувшись, закрыла голову подушкой и снова отвернулась к стене.

– Опять к Софии приходил ее Черный Господин, – вздохнул парень.

– Какой еще господин? – Дженнифер не могла так же запросто успокоиться, как и остальные.

– К ней приходит иногда некто в черном, она называет его Черный Господин. Он приносит ей на продажу цветы – точнее, разные чувства в виде цветов, – чтобы она их продавала. Отдает все дешево, только она мало что берет – говорит, все это уже никому не нужно…

– Он что… действительно приходит? Ну, ты его видел? – Дженни вдруг вспомнила своего ворона, которого, как ей

казалось, раньше замечала только она одна. Но стоило Джастину увидеть эту птицу тоже…

Раян пожал плечами.

– Нет, его видит только она. Или ей кажется, что видит…

Такой ответ немного разочаровал и встревожил Дженни.

– Значит, София в самом деле… сумасшедшая? – прошептала девушка. Ей отчего-то сделалось холодно, словно невидимый страх неожиданно обрел ощутимую форму.

– А бывают ли вообще полностью нормальные люди? – Раян усмехнулся, и эта грустная улыбка вдруг сделала его лицо намного старше, будто за плечами парня осталось полжизни и он знал, о чем говорил. – Некоторые нарочно обдалбываются наркотиками, чтобы «расширить сознание». А у нее это само собой вышло, после передоза. Ее откачали, но способность видеть больше не пропала. Поэтому и заперли тут…

– Ты уже рассказывал, что София – бывшая наркоманка… Сколько же ей лет?

– Кажется, около двадцати, – ответил Раян. – Она, как и ты, осталась сиротой. И богатой наследницей. А ее дядя, которого назначили опекуном, подсадил свою племянницу на наркотики…

– Какой ужас… – прошептала Дженни.

Звук шагов по коридору заставил их обоих умолкнуть. Дверь снова отворилась, и в нее вошли трое: Айвен вместе с Иглой тащили на себе бледную, безучастную Софию, которая сама даже не пыталась переставлять ноги. Ее спутанные темные волосы до половины закрывали лицо, напоминавшее, скорее, застывшую глиняную маску. И хоть глаза девушки были открыты, сейчас в них зияла пустота.

Не церемонясь Софию просто бросили на койку, как бросают мешки; она так и осталась лежать неподвижно. Игла пристально оглядела палату и молча вышла вслед за Айвеном, громыхнув на прощание дверью. Снова зазвенела связка ключей – медсестра замыкала восемнадцатую.

И опять воцарилась тишина. Но теперь она, как показалось Дженни, была наполнена неровным дыханием несчастной, застывшей в той же позе девушки.

Не выдержав, Дженни встала со своей постели и подошла к Софии, коснулась рукой ее холодного влажного лба. Глаза девушки до сих пор были открыты, словно она продолжала смотреть в одну лишь ей видимую реальность, только уже без слов.

Дженнифер поправила ее руку, что свешивалась с края кровати, и положила ее ровно. Натянула одеяло на неестественно выпрямленное тело. София, кажется, даже не почувствовала

этого.

– Что они с тобой сделали, сволочи… – сквозь слезы прошептала Дженни, осторожно гладя девушку по голове – София выглядела сейчас такой беспомощной и потерянной… – Ничего, мы выберемся отсюда, обязательно выберемся, – склонившись к несчастной, Дженни вдруг почувствовала прилив сил от этих своих слов.

В ту минуту, глядя на беспомощную соседку, Дженнифер пообещала себе, что не позволит никому сделать с собой то же самое. Она обязательно выберется отсюда. А еще – вытащит и остальных четверых, за которых вдруг начала чувствовать ответственность.

Глава 15
Королевство Джека

Утром София все еще продолжала лежать неподвижно; что бы ей ни сделали, это выглядело страшно. Не желая когда-нибудь оказаться на ее месте, Дженни решила не терять время попусту. А значит, необходимо во что бы то ни стало обследовать кухню. К тому же именно ей сделать это было бы проще всего – любопытство новенькой могло показаться естественным и не вызвать особых подозрений.

Позавтракав, Дженнифер не оставила на столе посуду, как обычно, а взяла свою пустую тарелку, захватила по пути еще несколько и пошла с ними за стойку раздачи.

Саймон – помощник повара – длинный и немного неуклюжий молодой мужчина с рыжеватой курчавой шевелюрой, подозрительно глянул на нее, но удерживать не стал. Неожиданно без препятствий Дженни попала в кухню.

Большое помещение с огромной плитой, от которой до сих пор тянуло жаром и запахом молочной каши, оказалось на удивление чистым. Все кухонные принадлежности занимали отведенное им место: ножи висели над разделочным столом на магнитной ленте, пустые кастрюли громоздились на железных полках, а сковородки блестели начищенными боками.

Засмотревшись, Дженни налетела на высокого мужчину в чистом белом халате, подвязанном таким же чистым кухонным передником.

– Ой, простите… – пробормотала она. – Я вот решила отнести тарелки…

Мужчина не отвечал, рассматривая девушку слегка настороженным взглядом. Он явно не привык доверять людям, особенно – пациентам клиники.

– Оставляй посуду и убирайся, – строго произнес он, глядя на Дженнифер сверху вниз.

– Может, я могла бы помогать? Например, убирать со столов… – пробормотала девушка, внутренне съежившись и отступив на несколько шагов. Ей не пришлось изображать испуг – рослый, широкоплечий, со смуглым круглым лицом повар был похож скорее на мастера рукопашного боя, чем на знатока кастрюль. Глядя на мощную фигуру Джека, Дженни поняла, что они очень переоценили свои силы, когда решили, что смогут легко с ним справиться.

– Кто это тебе сказал, будто мне нужна помощь? Нечего здесь

околачиваться, брысь!

Он выкрикнул это «брысь» так буднично, словно и вправду прогонял прочь кошку или собаку, но никак не человека.

Крик подействовал – Дженнифер вылетела из кухни будто мячик и бросилась дальше к выходу из столовой.

Этот маленький эпизод не прошел мимо внимания охранника; как обычно, тот слонялся вдоль стены столовой, присматривая за пациентами. Казалось, его лицо не имело возраста – ему можно было дать тридцать пять – или пятьдесят пять лет: всегда хмурое, с глубоко посаженными глазами, оно ничем не располагало к себе. А если добавить еще тянущийся через часть щеки и лба шрам и жесткую щетину на подбородке, то было понятно, почему охранник Мэрлок пользовался особой «популярностью» у всех обитателей дома скорби.

Вальяжно пошатываясь и не вытаскивая руки из карманов брюк, охранник зашел в кухню и остановился за спиной Джека. На что повар отреагировал мгновенно, повернувшись к вошедшему всем корпусом. В руке он все еще сжимал нож, которым крошил зелень.

– Эй, Джек! Что эта мышь делала тут?

– У меня на кухне нет мышей, – спокойно ответил здоровяк, нависая над вошедшим – он был выше охранника примерно на голову. А высокий поварской колпак на макушке Джека еще добавлял ему роста.

– Я говорю о новенькой… Ты знаешь, что больным нельзя заходить на кухню.

– Я сказал ей то же самое, так что можешь быть спокоен, Мэрлок. Что-нибудь еще?

Охранник смерил повара внимательным взглядом, отвернулся и вышел прочь, а Джек так же невозмутимо продолжил свою работу.

– Никто не смеет указывать мне, что может быть, а чего не может у меня на кухне, – проворчал он себе под нос, обращаясь непонятно к кому.

Тощий Саймон только многозначительно хмыкнул и потащил очередной поднос с грязной посудой к моечным раковинам.

– Здесь моя территория!

– Твое королевство, Джек, – ухмыльнулся помощник повара, возвращаясь в зал уже с пустым подносом за новой порцией посуды.

– Мое королевство! – рявкнул здоровяк, глядя на Саймона почему-то с вызовом.

Тот попятился и поспешил выскочить в столовую.

Джек, не оборачиваясь, хмуро бросил нож себе за спину –

перелетев через полкомнаты, тесак ловко застрял в деревянной толстой доске, приколоченной в углу с другой стороны от разделочного стола. Там же торчали еще несколько ножей разных размеров – вероятно, их вогнали в доску тем же способом.

– Только вот я иногда думаю – не слишком ли дорого заплатил за него? – пробормотал Джек себе под нос и тут же обернулся, подозрительно взглянув на дверь. Но подслушивать его было некому.

Глава 16
Голубой конверт

– Нет, я считаю, подружиться с этим Джеком у нас не получится. Он даже не выслушал меня – просто выставил из кухни, и всё…

Дженни взглянула на Раяна с такой надеждой, словно ждала от него целого десятка блестящих идей. Но парень лишь раздосадованно смотрел себе под ноги, ничего не отвечая. Сегодня он выходил из палаты только на прогулку и по необходимости – болезнь, мучившая его, снова дала осложнения. Походка Раяна изменилась: теперь он не шатался при ходьбе, будто на корабельной палубе, а тянул за собой одну ногу, неловко подпрыгивая, словно подстреленная птица.

«Как раненый лебедь», – подумала Дженнифер, провожая его сочувствующим взглядом, пока он занимал свое место перед неизменным телевизором в «час досуга». И тут же с удивлением заметила входящую Эмму. Девушка предстала перед ней в очень неожиданном обличье, словно пережила превращение: мягкие волосы были аккуратно подобраны изящным гребешком, на шее красовались бусы – явно не дешевая бижутерия, лицо же преобразилось от косметики. Макияж был таким ярким и даже вызывающим, словно Эмма собралась на вечеринку в ночной клуб, чтобы «зажигать» там до утра на всю катушку. Но в сочетании с больничной пижамой и линялым зеленым халатом подобный макияж смотрелся абсолютно нелепо… Видимо, новоиспеченную модницу этот факт ничуть не заботил – Эмма улыбалась так, будто была звездой на подиуме. А рядом с ней, галантно поддерживая ее под руку, шел местный ловелас Лео.

У Дженни он неизменно вызывал отвращение, хотя и не был настолько же противным, как его напарник Айвен. Примерно одного с ним возраста – где-то около сорока, он, наверное, весьма высоко ценил свои мужские достоинства, потому что приставал абсолютно к каждой женщине, если она была хоть немного живее табуретки. Худой и высокий, слегка сутулый, Лео всегда причесывал остатки жидких волос на пробор чуть левее, пытаясь прикрыть ими лысеющую макушку. Его длинный нос, вытянутый подбородок и кривоватые зубы, которые, когда он улыбался, открывались все сразу, как у лошади, давали повод думать, что красавцем он не был даже в пору своей юности. Но сам Лео, по-видимому, полагал иначе. И сейчас он изображал кавалера, провожая Эмму на ее место.

«Что за бред? Куда это она так вырядилась?» – думала Дженни, не торопясь усаживаться перед телевизором. Ей хотелось оттянуть время телепытки хоть на пару минут…

– Эй ты! Смотри, куда идешь! – раздался у нее за спиной возмущенный женский голос, и мощный толчок между лопаток тут же подтвердил, что просто так стоять в проходе нельзя.

– Извините… – пробормотала Дженнифер, отступая на пару шагов, чтобы пропустить уборщицу, толкающую перед собой громоздкую поломоечную машину.

Но женщина неожиданно остановилась сама, заинтересованно разглядывая Дженни.

– А ну, повернись-ка! – вдруг приказала она, оценивающе наклонив голову, словно Дженнифер была игрушкой в витрине.

– Ч-что? – не поняла девушка.

– Обернись, говорю! Дай я на тебя посмотрю.

Ничего не понимая, Дженни немного неловко обернулась и остановилась перед странной уборщицей.

– А ты хорошенькая! – вдруг выпалила та и неожиданно улыбнулась. – Ты новенькая, верно? Иначе я бы тебя заметила раньше. Я – Оливия, – она протянула для приветствия руку с безупречным маникюром и снова улыбнулась.

К слову сказать, и сама Оливия выглядела очень даже привлекательно: лет двадцати семи – двадцати восьми на вид, она имела отличную фигуру, приятное чистое лицо с правильными чертами и роскошной копной рыжеватых волос, убранных сейчас в аккуратную прическу. Короткое форменное платье только подчеркивало ее незаурядную внешность.

– Я – Дженни…

– Будем знакомы, Дженни. Давно ты здесь? А ты не буйная? – сыпала словами Оливия, все еще разглядывая девушку.

– Кажется, нет, – в свою очередь попробовала улыбнуться Дженнифер. – До сих пор я еще ни на кого не набрасывалась, – призналась она полушутя-полусерьезно.

– Чудесно! Значит, сейчас будешь мне помогать, – распорядилась Оливия и тут же толкнула к Дженни тяжелый агрегат. – Сможешь удержать ее?

– Наверное, смогу. – Дженни ухватилась за ручку выключенной поломойки, которая была тяжелой и не очень маневренной.

– Чудненько, – резюмировала Оливия. – Тогда толкай ее вперед.

Слегка удивившись, Дженнифер все же повиновалась и вместе с Оливией пошла к выходу. Перспектива мыть полы устраивала ее намного больше, чем полуторачасовое сидение

перед дурацким ящиком. Но только что на это скажет охрана?

Девушка, посмотрев на стоявшего возле двери Мэрлока, встретилась с ним взглядом. Охранник тут же перегородил им дорогу.

– Это еще куда? – рявкнул он, угрожающе протянув руку к своему оружию, висящему у него на поясе, – увесистой резиновой палке.

– Успокойся, Мэрлок, эта крошка пойдет со мной. В машине слетает щетка, и, пока ее не отремонтируют, мне нужен помощник, чтобы помыть полы в коридоре на втором.

– Возьми кого-нибудь другого. – Мэрлок все так же неприязненно косился на Дженни. – Она слишком шустрая.

– Кого? Кого я могу взять из этих дебилов и калек? – возмутилась Оливия, махнув рукой в сторону сидящих на стульчиках пациентов. – Эта потому и шустрая, что вы еще не залечили ее до полусмерти… Уйди с дороги, Мэрлок!

– Что тут произошло? – санитар Лео, услышав перепалку, присоединился к ним.

– Лео, сладенький, скажи этому барбосу, что мне сейчас нужна помощница. Я отвечаю – все будет в порядке, ты же меня знаешь. – Оливия сверкнула обворожительной улыбкой, отчего Лео еще больше подбоченился.

– Эта куколка? – Ловелас внимательно посмотрел на Дженни, словно видел ее впервые, и обнял за плечи, склонившись к самому уху девушки. – Ты же будешь умницей, послушной девочкой? Ты же не станешь давать повода дяде Лео и дяде Мэрлоку наказывать тебя?

«Ни за что!» – с отвращением подумала Дженнифер, еле сдерживаясь, чтобы не сбросить с себя его длинные цепкие пальцы, похожие на липкие паучьи лапы. И в ответ только замахала головой.

– Вот и славно, вот и ладненько, – промурлыкал Лео, касаясь дыханием ее лица.

От этого Дженни, которая никогда на замечала за собой агрессивности, вдруг захотелось как следует заехать зарвавшемуся типу прямо в ухо…

– Идем! – Оливия потянула ее за собой, и Дженни, толкая поломоечную машину, направилась к решетчатым дверям грузового лифта, размещенного посреди коридора.

Хотя здание давно уже требовало ремонта и наверняка не во всем отвечало стандартам лечебного заведения, лифт, как и несколько дверей, отделяющих служебные помещения, был оборудован вполне современной пропускной системой.

Оливия провела бейджиком вдоль панели сканера, и грузная

лифтовая решетка вместе с дверью за ней отъехали в сторону. Не без усилий затолкав тяжелый агрегат в кабину, девушки поднялись на второй этаж.

Была ли машина действительно сломана, или же Оливия просто соскучилась по компании, Дженнифер не поняла. Получив инструкции, как управлять поломойкой, она принялась старательно катать машину вдоль всего длинного коридора. Сначала Оливия вертелась рядом, но, увидев, что Дженни отлично справляется, уборщица схватила тряпку и принялась вытирать пыль в директорском кабинете, который сейчас пустовал.

И хотя Дженнифер страх как хотелось заглянуть внутрь, чтобы получше осмотреться, она сдержала себя. Сейчас для нее правильнее будет изображать покорность и усердие. Если она понравится Оливии, возможно, та и дальше станет брать ее с собой на уборку. А это – уже куда большие возможности, чем пребывать под неусыпным присмотром везде-свой-нос-сующего Мэрлока!

Дженни в который раз гоняла поломойку мимо дверей кабинета директора, отпаривая до блеска затоптанный линолеум на полу, когда двери лифта разъехались и выпустили из кабины старичка небольшого роста.

Его появление несколько удивило Дженнифер: она сама недавно убедилась, что так запросто лифт ехать никуда не будет и что без специального пропуска или бейджика, как у Оливии, воспользоваться им невозможно.

Между тем старик вышел сам, без сопровождения охраны, и направился прямо к директорскому кабинету.

Остановившись перед дверью, он открыл небольшой, видавший виды портфельчик, что был едва ли не ровесником своего хозяина, и вытащил оттуда голубой конверт из плотной бумаги.

Оливия, выскочившая из директорского кабинета с тряпкой в руке, застыла на пороге.

– Здравствуйте, милые девушки! – Старик чинно приподнял шляпу в знак приветствия. Волосы на его голове были такими же снежно-белыми, как и аккуратная борода.

«Ему бы еще костюм соответствующий – и вылитый Санта Клаус», – подумала Дженни, улыбнувшись ему в ответ. Однако Оливия, похоже, отнеслась к приходу этого Санта-Клауса совсем иначе: лицо уборщицы вытянулось, а взгляд ее застыл на конверте, и смотрела она на него с такой странной смесью испуга и отвращения, словно это была, как минимум, живая змея.

– У меня почта для господина Главного Доктора, – вел

дальше симпатичный старичок. Непонятная реакция уборщицы его совершенно не смутила, весь его вид излучал радостную доброжелательность. – Могу я увидеть господина Руффа, или вы сами передадите конверт?

– Я сейчас позову его, подождите, пожалуйста, здесь! – засуетилась Оливия и тут же побежала к лифту. – Еще чего! Ни за что не возьму в руки этот конверт… – вдруг послышалось Дженни так ясно, что она даже обернулась вслед Оливии. Неужели та произнесла это вслух и достаточно громко?

Девушке стало немного неудобно перед пожилым почтальоном, который, впрочем, никак не отреагировал на такие слова или же просто не услышал их.

Дженни, отвернувшись к поломоечной машине, снова покатила ее вдоль по коридору. Не прошло, кажется, и минуты, как двери лифта вновь разъехались, теперь уже из них вышел доктор Руфф в сопровождении Оливии. Та мгновенно проскользнула дальше в коридор и, подхватив свою оброненную тряпку, изобразила крайнюю озабоченность работой.

Дженнифер тоже не хотела лишний раз попадаться на глаза доктору; но сейчас он не обращал на нее никакого внимания – обменявшись быстрым взглядом с почтальоном, Руфф молча принял из рук старичка конверт. Тут же, на месте, он ловким движением распечатал его, достал вложенный туда узкий листок бумаги и, прочитав написанное, снова повернулся к почтальону.

– Передай Господину, что все будет исполнено, – негромко сказал доктор.

Почтальон Санта-Клаус, как окрестила его Дженни, ответил учтивым поклоном и, не прощаясь, направился к лифту.

Глядя куда-то под ноги, доктор похлопал себя по карманам, извлек из пиджака под халатом сигарету, тут же подкурил ее и, по-прежнему не осматриваясь по сторонам, скрылся в кабинете. Грохот захлопнувшейся двери заставил Дженни вздрогнуть. К девушке подошла Оливия; она выглядела несколько бледноватой.

– Кто это был? – спросила Дженни с самым невинным видом.

– Почтальон, – хмуро вздохнула уборщица и отвернулась. – Знаешь, мне, наверное, больше не нужна помощь, – вдруг решила она. – Давай я отвезу тебя вниз.

– Мне было ничуть не тяжело, – поспешила уверить ее Дженнифер. – Наоборот, какое-то разнообразие…

Оливия не ответила; было видно, что сейчас она занята своими мыслями.

Так же молча спустившись на лифте, Оливия доставила Дженни обратно в «комнату досуга» и подвела к Мэрлоку.

– Спасибо, солнышко! – повернулась она к девушке, словно

только теперь вспомнив о ней. – Кэп, возвращаю тебе ее целой и невредимой, – она сверкнула своей белозубой улыбкой, в ответ Мэрлок только хмуро вздохнул.

«Кажется, она ему нравится», – заметила Дженни, случайно перехватив тоскливый взгляд неприятного охранника, которым тот провожал хорошенькую Оливию.

«Ничего себе! Неужели и в этом чурбане еще осталось что-то человеческое?» – думала девушка, вынужденно выискивая свободное место. Больные до сих пор смотрели телевизор.

Вскоре почтальон с добродушным лицом и голубой конверт выветрились из ее головы.

Глава 17
Когда пора занять капитанский мостик

– Ты видела почтальона? – спросил Раян, выслушав ее рассказ о походах на кухню и на второй этаж.

Они вместе сидели за одним из столиков якобы для игры в шашки.

– Ну да, а что? – Дженни пожала плечами. – Только он какой-то странный. Вернее, он – очень даже милый старичок. Но мне показалось, Оливию испугало что-то, когда он пришел. И доктор Руфф тоже вел себя необычно.

Раян нахмурился. Видно было, что он сейчас в раздумьях.

– Эй, Раян, очнись! – шикнула на него Дженни. – Чем ты так встревожен? Я пытаюсь донести мысль, что с кухней у нас получается облом, а ты про почтальона…

– Когда приходит он, в больнице кто-нибудь умирает, – выпалил вдруг Раян и пугливо оглянулся по сторонам.

Дженнифер застыла.

– Да брось ты! – выдохнула она, чуть подумав. – Это очередная местная байка, вроде той, что лечебница стоит на старом кладбище. – Как может смерть пациента быть связана с визитом почтальона?

– Я не знаю, – замотал головой Раян. – Но так говорят.

– Кто говорит?

– Больные, – парень неопределенно махнул рукой.

Дженни поджала губы.

– Прежде чем слушать подобные рассказы, ты бы сначала вспомнил, где находишься. Здесь тебе еще и не такое поведают, только слушай, – засмеялась девушка и тут же осеклась. Она уверяет Раяна, что не стоит никому верить, а сама только вчера говорила ему о своих кошмарах, из-за которых и попала сюда… Ей стало неловко. – Ну… Я лишь хотела сказать, что любые слова требуют проверки. Лучше подождем и сами увидим. Если кто-нибудь умрет, тогда…

– А если это будет кто-то из нас? – вдруг тихо промолвил Раян, глядя ей прямо в глаза, и от этого взгляда Дженни стало по-настоящему страшно.

– Ты… боишься? – спросила она шепотом.

– А ты – нет?

Парень снова – в который раз – оглянулся, будто сейчас из-за

спины должна была выскочить дюжина вооруженных бандитов.

– Дженни, ты не понимаешь… Мы все тут обречены. Вопрос только – когда? Когда мы умрем?

Мелкая дрожь пробежала по спине девушки. Она смотрела в глаза молодого человека, и они казались ей сейчас бездонными темными колодцами. А на дне их плескался страх, угрожая вырваться и захлестнуть рассудок темной волной…

– Успокойся! – неожиданно для самой себя жестко произнесла Дженнифер. – Никто из нас не погибнет! Мы обязательно отсюда выберемся. Но для этого ты должен включить мозг и отключить панику!

Парень, моргнув, посмотрел на Дженни уже удивленно.

– Что ты предлагаешь? – наконец спросил он. Слова девушки подействовали на него как холодный душ, вернув его в реальность.

«Да, – огорченно подумала Дженнифер. – Он намного слабее, чем показался вначале. Точнее – чем хотелось бы его видеть… Похоже, все действительно, придется решать мне самой…»

Нет, она не верила в больничные россказни о почтальоне, приносящем смерть. Однако, судя по всему, этому верил Раян. А позволить ему увязнуть в страхах, равносильно тому, что потерять друга. Потерять ту, хоть и хрупкую, но поддержку, которая до сих пор так необходима была ей самой…

Она должна что-то делать, иначе останется снова в своем одиночестве, наедине с собственными страхами.

– Если времени у нас нет – бежать нужно сегодня, – решительно сказала Дженнифер и сама почувствовала испуг от своих слов. Но в то же время другая, упрямая волна уже вздымалась в ее сердце, отбрасывая страхи. Она должна вывести их отсюда!

Раян смотрел на нее с восхищением, словно Дженни только что на его глазах совершила подвиг.

– Ты так решила? – переспросил он.

«Коль больше некому решать…» – едва не сказала девушка, однако удержалась.

– Только если ты с Джастином поможешь мне. Без него нам не справиться. Он должен напасть на повара, а дальше… Дальше посмотрим по обстоятельствам, – добавила она, и сама тут же поняла, что ее план совсем не совершенен. Однако на переделки не было времени.

– Сегодня! Сейчас! Да! – В глазах Раяна сиял лихорадочный блеск, и Дженни снова испугалась за его рассудок. – Джастин сделает то, что я ему скажу.

– Тогда самое время поговорить с ним. Нам нужно пробраться

на кухню сразу после ужина.

– Не беспокойся, Джастин будет с нами – он ведь тоже мечтает убежать!

«Что-то я не заметила», – вновь подумала, но не сказала Дженни.

Сейчас, когда решение было принято, она и сама чувствовала, как охватывает все ее тело желание действовать. Возможно, они торопятся. Возможно, поступают неправильно. Но это все же лучше, чем ждать непонятно чего, подобно покорным овцам, которых кормят и режут их хозяева…

Дженни задумчиво смотрела вслед Раяну – поспешно шагая через зал, тот искал Джастина. Девушка поняла, что никогда всерьез не сможет влюбиться в этого молодого человека, оказавшегося слабее, чем она сама… Однако в ее голове утвердилась еще одна мысль – предать и бросить здесь его и других, ставших ей близкими, она тоже не сможет.

Глава 18
Когда безрассудство становится добродетелью

Ужин, конечно, можно было так назвать лишь условно – какая тут еда, когда все пятеро застыли в ожидании «часа Х»? Только невозмутимый Джастин уплетал пшенную кашу как ни в чем не бывало – остальные даже думать не могли о еде.

К радости Дженнифер, София пришла в столовую. Она была молчалива и очень бледна, но все-таки пришла сама. Эмма же, наоборот, сияла и едва не подпрыгивала от нетерпения. Критически осматривая всю компанию, Дженнифер понимала, что если Джастин подведет, то все остальные ничем не смогут помочь ей…

– Вы готовы? – шепотом спросила она, глядя, однако, на одного Джастина.

Парень утвердительно закивал, соскребая ложкой остатки каши с тарелки.

– Как только Саймон выйдет с подносом… – начала было девушка, но боковым зрением заметила помощника повара, который именно в тот момент с подносом пересекал столовую, направляясь к выходу. – Пора! – шепнула она. – Мы с Джастином идем на кухню, вы, по одному, подходите через минуту, несете посуду. Ну… Вперед! – скомандовала Дженнифер, не позволяя страху замедлять ее движения.

Она взяла со стола свою тарелку и с ней двинулась к стойке раздачи, за Дженни покорно и молча плелся Джастин.

Удача неожиданно улыбнулась им: в столовую как раз вошла Оливия, и Мэрлок подошел к ней, повернувшись к стойке спиной. Дженнифер, схватив Джастина за рукав, потащила парня за стойку.

Когда они вбежали на кухню, повар Джек помешивал большим половником какое-то варево в кастрюле.

– Это снова ты? – спросил он слегка удивленно, обращаясь к девушке, словно и не заметил почти двухметрового парня за ее спиной. – И что на сей раз тебе нужно?

– Я хотела кое-что спросить у вас, – ответила Дженни, решительно направляясь к повару.

Джастин двинулся за ней. Но, пройдя пару шагов в направлении ничего не подозревающего Джека, девушка вдруг метнулась в сторону и схватила с магнитной доски два больших

разделочных ножа. Сунув один в руку Джастина, она бросилась к повару и приставила нож к его горлу. Парень последовал ее примеру; в его кулаке тесак смотрелся как ножик для овощей.

Брови Джека изумленно поползли вверх, но больше он никак не отреагировал на такой поворот событий.

– Джек, отдайте нам ключ от двери, и мы не причиним вам вреда, – сказала Дженни.

– Правда? Вы точно меня не убьете? – спросил Джек, и Дженнифер бросила на него подозрительный взгляд – ей показалось, что в голосе повара прозвучала насмешка.

– Нет, мы не хотим никого убивать. Мы только запрем вас в кладовой…

Не успела девушка договорить, как одним резким движением Джек вдруг подпрыгнул, в прыжке с разворота нанес удар Джастину под ребра ногой и следующим движением сбил его с ног, отбросив на несколько метров. Парень, ударившись о железный стол, с грохотом повалился на кухонный пол. В ту же секунду руки Дженни были заломлены за спину, а нож со звоном покатился по плитке пола, выскользнув из ослабевших от резкой боли пальцев.

Джек оттолкнул девушку в сторону и снова оказался возле неподвижного Джастина. В тот же миг на кухне появились София, Эмма и Раян, а за их спинами выросла фигура охранника, который уже снимал с пояса свою палку, готовый пустить ее в ход. Только сейчас Дженни поняла, насколько наивен был ее план побега.

– Вставай, увалень! – посмеиваясь, сказал Джек и протянул руку Джастину, помогая подняться. – Хорошо, что посуда железная, иначе тебя на пушечный выстрел к кухне нельзя было бы подпускать!

Джастин растерянно заморгал, но все же потянулся к протянутой руке. Затаив дыхание Дженни замерла на месте.

– Что здесь происходит? – прорычал Мэрлок, свирепо озираясь. – Пошли вон отсюда! – рявкнул он на опешившую троицу рядом с собой, и те поспешно выбежали из кухни.

Джастин поднялся, потирая ушибленные ребра.

– Чертов Саймон сегодня еле переставляет ноги! – в тон Мэрлоку тоже прогремел Джек. – Мне что, самому тут всем заниматься? Я сказал этим двоим помочь убрать посуду, так вот этот увалень и того не может сделать!

Джастин, все еще удивленно моргая, с обидой на лице смотрел на повара.

– Чего вылупился? Топай отсюда, – почти ласково проговорил Джек, обращаясь к парню. – Такие помощники мне тут и даром не

нужны…

Провожаемый подозрительным взглядом Мэрлока, Джастин поплелся вон. Не веря в свое неожиданное избавление, Дженни тоже направилась было за ним, но тяжелая рука Джека опустилась ей на плечо.

– Ты куда? А посуда? А ну, быстренько собрала тарелки! Или вообще кормить перестану! – шикнул он, подталкивая ее к выходу, а затем повернул голову к Мэрлоку. – Надо приобщать психов к работе. Терапия такая. Полезно, говорят…

Охранник еще раз смерил повара злобным взглядом, водрузил на место свою дубинку и, смачно сплюнув на чистый пол, вразвалку пошел в столовую.

– Свинья! – рявкнул ему вдогонку Джек, ничуть не беспокоясь, что его услышат.

Глава 19
Разговор по душам

Пытаясь не привлекать к себе лишнего внимания, Дженни металась между столиками, собирая грязную посуду. Появился и снова куда-то ушел Саймон; повар Джек как ни в чем не бывало занимался дальше своими делами и, казалось, совсем не обращал на нее внимания.

За то время, что она бегала из кухни в столовую и обратно, девушка успела подумать о многом. Да, конечно, ее попытка напасть на повара теперь выглядела не только неуклюжей, но и смешной. Джек оказался тренированным бойцом – сумел за пару секунд без усилий справиться с Джастином, который был никак не меньше и не слабее его самого.

Но вот то, что повар прикрыл их, вместо того чтобы сдать охране, оказалось для нее полной неожиданностью. И как теперь вести себя с ним дальше – она не имела понятия.

Сгрузив очередную порцию металлических тарелок в мойку, Дженни почувствовала на себе пристальный взгляд Джека и остановилась. Повар, прищурившись, смотрел на нее с ухмылкой. Однако ухмылка эта совсем не была злой.

– Кофе любишь? – спросил он вдруг, опускаясь на железную бочку из-под селедки, которая, видимо, служила ему здесь походным табуретом.

– Только с молоком, – ответила Дженни осторожно. Все-таки этот повар казался ей странным.

– Молоко – в кувшине с крышкой, в холодильнике. Возьми себе, – Джек махнул рукой в сторону холодильника, а сам потянулся к тумбочке, извлек оттуда две чашки, снял с подставки медную турку и разлил кофе.

Приятный аромат защекотал ноздри девушки, вызвав неожиданную ностальгию: папа любил сам себе заваривать кофе, не доверяя эту процедуру никому…

Дженни достала молоко; медленно и осторожно, словно ожидая любого поворота событий, она подошла к Джеку и добавила молока в чашку. Так же, не поднимаясь со своего коронного места, повар подцепил рукой единственный присутствующий на кухне стул и придвинул его к девушке.

Дженнифер, опустившись на предложенное место и отхлебнув кофе, продолжала внимательно изучать Джека. Что же на самом деле таится за его доброжелательной ухмылкой? Не ждет ли ее какой-нибудь подвох.

– Послушайте… Я хочу извиниться, – первой прервала повисшую между ними паузу девушка. – Мы не собирались причинить вам вред, мы лишь хотели…

Джек засмеялся.

– Причинить вред? Мне? Это не так просто, поверь, девочка.

– Я чувствую себя неловко… – честно созналась Дженни. – Минут двадцать назад я бросалась на вас с ножом, а вы не только не выдали меня этому Мэрлоку, но еще и угощаете кофе… Почему?

Джек перестал смеяться, однако его глаза оставались веселыми.

– Мне понравилась твоя решительность и смелость. Это необычно для такого юного возраста и весьма похвально. Не стоит ничего бояться в этой жизни – запомни на будущее. А ваша попытка убежать… Ты же сама понимаешь – у вас не было никакого шанса. Выдавать вас Мэрлоку – это даже как-то унизительно для меня. Не смог старина Джек справиться с двумя ребятишками… А ножи… Да разве это ножи! – вдруг скривился Джек, и в его голосе зазвучало непонятное разочарование. Он не поленился подняться со своей бочки, чтобы снять с магнитной ленты один из ножей. – Вот, посмотри на него! – Джек положил нож на ладонь и поднял к свету. – Видишь, какое кривое лезвие! Никчемная сталь. А еще у него совершенно не уравновешен центр тяжести. Это просто кусок железа, которым только и можно, что рубить ботву для свиней! – Мужчина смотрел на нож почти с обидой, так, словно тот был виноват в своей никчемности.

Однако Дженнифер не заметила в этом ноже никакого видимого изъяна.

– Нож как нож, – пожала плечами девушка. – А каким он должен быть?

– Вот! Вот именно – каким он должен быть?! Это правильный вопрос! – непонятно почему обрадовался Джек. – Настоящие ножи, Ножи с большой буквы, делают исключительно в Японии! Поэтому тамошние мастера могут творить на кухне невероятные чудеса вместе с этими произведениями высокого искусства. Действительно вкусную еду можно приготовить лишь с помощью таких ножей! – Джек наклонился к девушке и тихим голосом, словно кто-то мог подслушивать их разговор, признался: – Я долго высматривал в разных каталогах, сравнивал цены и качество, пока нашел то, что искал. Есть одна японская фирма, их ножи – совершенство! Они не намного хуже прославленных японских мечей, а по некоторым параметрам – даже лучше! Я уже выбрал для себя набор ножей и как только накоплю на него денег… – Джек, вздохнув, мечтательно прикрыл глаза.

Дженнифер непонимающе уставилась на него. Полчаса назад она готова была рискнуть жизнью этого человека ради собственной свободы. А сейчас он рассказывал ей о своих мечтах…

– Спасибо за кофе, – сказала девушка, поднимаясь. – Я, наверное, пойду, пока снова не прибежал Мэрлок.

– Этот цепной пес… – протянул Джек с плохо скрываемым презрением. – Ладно, беги. Как, кстати, тебя зовут?

– Дженни, – улыбнулась она, протягивая руку.

Повар с улыбкой пожал ее ладонь.

– Я – Джек, будем знакомы. Можешь заходить ко мне на кухню. Только… – Он, не выпуская руку Дженнифер, еще раз пристально посмотрел ей в глаза. – Только с ножом на меня больше не бросайся, ладно? Даже, если бы у вас и вышло скрутить меня, это все равно ни к чему не привело бы – у меня нет ключа от дверей наружу. И у Саймона тоже. Дверь на улицу открывает лишь охрана, когда привозят продукты либо забирают мусор. Здесь все предусмотрено, так что не делай глупостей, девочка.

– Я поняла… – прошептала Дженнифер. – Спасибо…

– А ты не вешай нос, Дженни. Я вижу, ты – девушка очень даже сообразительная. Думаю, наш доктор примет насчет тебя правильное решение и скоро ты присоединишься к нам.

– «К нам»? – удивилась она. – О чем это вы?

Джек, отвернувшись, сделал вид, что вдруг вспомнил о важном деле и теперь очень занят.

– О том, что все будет хорошо, – пробормотал он, уставившись на холодильник. – Вот, возьми, это тебе и твоим «налетчикам», – повар протянул ей небольшой сверток. – Там бутерброды с ветчиной и швейцарским сыром. Неудавшийся побег следует заесть чем-нибудь вкусненьким… А теперь тебе и вправду пора идти.

– До свидания, Джек!

Кухню Дженни покидала со смешанными чувствами – облегчения и смятения. Да, их побег с треском провалился, но благодаря ему она приобрела друга, свободного от тюремных законов, распространяющихся на пациентов. Это могло бы им очень пригодиться…

– Что ж… Теперь я хотя бы знаю, что через кухню выйти не получится, – самой себе прошептала девушка. – Но что он хотел сказать своей последней фразой?

Глава 20
Розовые таблетки

Угнетенное настроение чувствовалось во всей палате. Макияж Эммы был изрядно подпорчен следами слез, а София лежала на своей постели и, свернувшись калачиком, демонстрировала полное безразличие ко всему. Джастин замер у окна словно большая неподвижная статуя. Но едва Дженни переступила порог, как все взгляды обратились к ней.

– Слава богу… – прошептал Раян.

– Что это у тебя? – с любопытством спросила Эмма, указав на сверток с бутербродами.

Однако ответить Дженнифер не удалось – тут же в проеме двери выросла Игла; девушка едва успела спрятать сверток в тумбочку.

Игла обошла всех с подносом, на котором красовались их обычные коробочки с лекарствами. К удивлению Дженнифер, каждая порция состояла из одинаковых пяти таблеток розового цвета.

– Глотать и спать! – скомандовала медсестра, хмуро наблюдая, как все пятеро по очереди принимают лекарство.

– Странно, нам дали одинаковые таблетки, – пробормотал Раян, едва за Иглой успела захлопнуться дверь.

Но больше сказать он ничего не успел, да и слушать его никто не мог – сон тут же начал сковывать тела всех обитателей палаты номер восемнадцать. Неподъемная тяжесть сковала их веки.

Дженни лишь успела удивиться такому быстрому действию таблетки и тут же погрузилась в темноту…

…Темнота была мягкой, убаюкивающей, как руки родного человека. Свернуться клубочком, качаясь на волнах тихой радости, и ни о чем не думать, не вспоминать. Вспоминать – о чем? Словно разрывая пузырь заботливой тьмы, холодным и резким лучом пробилась мысль – «кто я?» Вслед за ней – «где я нахожусь?» И тут, будто загрузка файлов в компьютер, понеслось со страшной скоростью мелькание картин. Солнечные качели, зеленый луг, папина улыбка, розовая и липкая воздушная вата на тонкой палочке, радостный смех, шум морского прибоя, следы на мокром песке. А дальше – ослепительный свет в глаза, силуэт женщины под белой простыней, чуждые запахи морга, палата для душевнобольных… Дженни дернулась, словно выпрыгнув из непонятного видения, обволакивавшего мозг паутиной, и открыла

глаза.

В палате было темно; как ни странно, фонарь за окном не горел. Тьма, клубящаяся вокруг, казалась живим существом, заполнившим собой пространство между узкими больничными кроватями.

Девушка пошевелилась – движения давались ей с трудом, а во всем теле чувствовалась свинцовая тяжесть. Наверное, это от лекарств. Все соседи спали, даже Джастин, который чаще смотрел в окно, чем видел сны.

Дженнифер снова закрыла глаза; с подступающей сонливостью бороться было тяжело, да и не нужно: совсем не лучше проводить ночь в невеселых мыслях, прислушиваясь к чужому дыханию. Но в палате что-то неуловимо изменилось; это не был звук, скорее – просто ощущение, что рядом кто-то есть. Кто-то живой.

Снова открыв глаза, девушка увидела нечто такое, что заставило ее тут же, не раздумывая вскочить с постели: прямо над ней в воздухе завис светящийся сгусток, похожий на шаровую молнию.

Не зная, что делать дальше (из палаты не убежать!), Дженни схватила подушку, как будто таким образом могла бы отбить атаку этого непонятного нечто, вздумай оно напасть. Сгусток висел неподвижно; однако едва девушка успела чуть-чуть успокоиться, как из его середины вытянулся дымчатый лепесток.

«Не бойся, – зазвучал голос прямо у нее в голове. – Я не причиню тебе зла».

Дженнифер только судорожно вздохнула, изо всех сил сжимая подушку, и набралась храбрости, чтобы ответить:

– Кто или что ты такое? И почему ты здесь?

«Мне надо кое-что тебе показать. Это очень важно. От этого может зависеть твоя жизнь», – прозвучал голос, а тускло святящееся нечто снова приобрело форму шара размером с апельсин. «Сюда», – сказал голос, и шар поплыл по направлению к двери. Удивленная, Дженни отправилась следом, прекрасно зная – дверь заперта. Что будет делать дальше странный говорящий шарик? Превратится в ключ?

Однако этого не потребовалось – дверь открылась сразу же, как только дивный шар коснулся ее.

Дженнифер лишь сейчас обнаружила, что второпях забыла надеть тапочки, но это было даже к лучшему – босыми ногами она могла ступать по полу почти бесшумно. А шарик уже виднелся далеко впереди; он вел ее к лестнице парадного входа. Затаив дыхание Дженнифер огляделась по сторонам: никого – ни санитаров, ни охранников – видно не было. Но еще более

странным оказалось то, что все двери – и ведущая из центрального коридора, и та, что закрывала переход к лестнице, – всегда запертые, если только возле них не стояла охрана, сейчас были распахнуты, словно манили девушку к опасному путешествию.

Устав удивляться, она послушно следовала за странным объектом. Минуя дверь второго этажа, они поднялись выше и зашли на третий. Здесь было темно, ни одна лампочка не горела. По обе стороны от коридора прятались двери комнат, и никакие звуки не нарушали окружающую тишину.

Тело Дженнифер била мелкая дрожь. Девушка изо всех сил всматривалась в темноту, чтобы вовремя заметить опасность. Но ее проводник светлым пятном маячил уже в самом конце коридора. Осторожно ступая по мягкому ворсистому ковру, поглощающему звуки шагов, Дженни поспешила догнать свой шарик, который просто исчез возле входа в крайнее помещение. Собравшись с духом, Дженнифер толкнула дверь – если, действительно, здесь есть для нее нечто важное, она должна это увидеть…

Свет на миг ослепил ее; только слегка привыкнув к нему, она смогла осмотреться. Небольшая узкая комната была заставлена стеллажами и шкафчиками. Толстые пыльные папки на полках, пронумерованные под картотеку ящики. Видимо, здесь хранились архивы заведения. А светящийся шарик вдруг превратился в бледную высокую женщину с печальным и строгим лицом. Ее можно было бы даже назвать красивой, если бы она не была… полупрозрачной, словно сотканной из тумана. Глядя на женщину, Дженни вдруг поняла, что испугалась бы куда больше, будь та настоящей – а призрак, что плавно покачивался в воздухе чуть выше пола, особого страха не вызывал.

Медленно двигаясь, женщина молча подошла к одному из ящиков.

– Достань две верхние папки, – прозвучал голос, и Дженни так и сделала.

Папки были обыкновенные, ничем не примечательные. «*История болезни. Оливия Винстон, 1991 год*», – значилось на обложке первой.

Дженни раскрыла ее и пробежалась глазами по строчкам, выискивая что-либо значимое.

– Оливия Винстон, 26 лет. Попытка суицида. Депрессия на почве неудовлетворенности своей внешностью…

Дженнифер посмотрела на фотографию девушки – хм… Действительно, у той была причина для нервного расстройства: более непривлекательного лица она, пожалуй, не видела.

Свисающие щеки, двойной подбородок, жиденькие волосы, торчащие соломой над узким лбом. Близко посаженные глаза и огромный рот с рыбьими губами… Кроме того, девушка явно страдала ожирением – насколько можно было судить по фотографии, весила она не менее ста килограммов. Дженни даже стало жаль ее. Она раскрыла вторую папку. С фотографии на нее смотрел угрюмый мужчина средних лет с обрюзгшим, темным лицом. Но что-то в этом лице показалось ей знакомым.

– Джек Макалистер, 42 года… Расстройства на почве алкоголизма… Агрессивный…

Девушка вглядывалась в худого сутулого мужчину на больничной фотографии, затем обратила внимание на его глаза, что показались ей знакомыми, и вдруг догадка словно ужалила ее: не может ли этот Джек-алкоголик быть тем самым Джеком-поваром, с которым она общалась на кухне? По возрасту они более-менее близки. Но вот только повар был сильным мужчиной высокого роста, а этот Джек с фото выглядел тщедушным и слабым. Ни намека на мускулатуру, испитое усталое лицо… Неужели речь может идти об одном и том же человеке? И, если такое чудесное преображение возможно, то, вероятно, и Оливия Уинстон – это ее новая знакомая, красавица-уборщица? Нет, это из области фантастики…

Призрак все так же молчал. Дженни положила обе папки на полку.

– И что ты хочешь мне сказать? Почему для меня так важно увидеть эти истории болезни?

Но вместо ответа женщина-призрак вдруг резко повернулась к двери.

«Поспеши! Они возвращаются!» – снова прозвучал ее голос в голове Дженни.

– Они – это кто? – шепотом спросила девушка, однако ответ опять не пришел.

«Они идут сюда! Скорее!» – почти кричал голос, и Дженнифер непроизвольно зажала уши, чтобы приглушить этот крик.

Попятившись к двери, она выскочила в коридор. Но, прежде чем дверь комнаты закрылась, на том самом месте, где только что стояли шкафчики и полки, показались обгоревшие обломки и закопченный черный потолок. Дверная коробка была такой же черной, словно пострадала от сильного огня.

Пытаясь совладать с нарастающим беспокойством, Дженни бросилась к лестнице. Единственное окно, что открывало вид на улицу из самого коридора, сейчас так ярко освещалось лунным светом, словно там, за этим окном, был день.

«Откуда взялась луна, если пару минут назад царила

сплошная тьма?» – подумала Дженнифер, невольно задержавшись – всего на миг, – чтобы выглянуть из окна.

Лунный свет заливал дорожки вокруг лечебницы; одна из них вела дальше в лес, виднеясь между стволами сосен, которые словно превратились сейчас в серебряные струны.

А по дорожке неспешной трусцой двигался огромный волк. И хотя луна подмешивала серебряной краски ко всем цветам, но даже ее блеск не мог облагородить грязно-бурый окрас шерсти нереального существа.

Не веря своим глазам Дженни забыла об осторожности и выглянула из окна еще больше, пытаясь лучше рассмотреть животное. И тут волк неожиданно замер на месте и повернул морду в сторону лечебницы. У девушки екнуло сердце: волчьи глаза смотрели прямо на нее… В следующее мгновение бежали уже оба – Дженнифер вниз по крутым ступеням, а волк – прямо к дверям больницы.

«Только бы успеть, только бы успеть первой», – пульсировало в голове Дженни. Промчавшись по пустому коридору, она добежала до двери своей палаты, рванула ее на себя и чуть не упала, когда дверь неожиданно легко открылась. Девушка ворвалась внутрь, подбежала к своей кровати, собираясь запрыгнуть в нее и притвориться спящей… Она отдернула одеяло и… увидела под ним спящую незнакомку. Но кто мог уснуть здесь? Дженни с силой схватила девушку за плечо, пытаясь разбудить ее, повернула к себе и… застыла, пораженная, глядя… на свое собственное лицо.

– Этого не может быть! – выкрикнула Дженнифер, напрочь забыв об осторожности, и… проснулась.

Лунный свет действительно заливал сейчас палату, мягко освещая каждый уголок. Все обитатели восемнадцатой спали. Дверь, как и положено, была закрыта. И только сердце девушки колотилось в бешеном ритме.

– Так это всего лишь сон? – пробормотала Дженни, вытирая вспотевший лоб. Руки не слушались ее из-за бившей все тело мелкой дрожи. – Какой странный кошмар! Призраки, волки… Бред. Продолжение галлюцинаций… Или я спала?

Она немного успокоилась, и ей удалось поверить в то, что это все-таки был сон. Дженни даже заставила себя встать и сделать попытку открыть дверь – конечно же, она оказалась запертой. Вероятно, во сне все перепуталось в голове Дженнифер – и мечты о побеге, и разговоры с поваром Джеком, и пережитое за долгий день… Вот и получилась такая причудливая мозаика из частиц несуществующих событий.

Но снова уснуть ей удалось только перед рассветом –

слишком тревожными были воспоминания о странном сне.

Глава 21
Под крыльями смерти

День снова покатился по накатанной колее, и все же что-то неуловимо изменилось. Нельзя было не почувствовать, как непонятное, темное напряжение звенело прямо в воздухе.

Наверное, именно от этого чуть ли не у всех буйных почти одновременно начались припадки – крики слышались из разных палат. И даже во время завтрака санитарам пришлось успокаивать некоторых пациентов, потому что те начинали биться о столы или кричать во весь голос. Остальные больные выглядели еще более вялыми, чем обычно. Все эти изменения настолько бросались в глаза, что их трудно было не заметить. Особенно, если наблюдаешь с двойным вниманием, как это делала Дженни. Скорее всего, причина происходящего крылась в лекарствах, которыми их напичкали.

Дженнифер тоже чувствовала себя усталой и разбитой, вялость и сонливость сковывали движения девушки. И хотя раньше она не замечала за собой приступов лени, в последнее время они стали появляться у нее все чаще и чаще. Словно что-то потихоньку выпивало из нее силы, оставляя опустошенную оболочку. И этой пустой оболочке не хотелось уже ничего, лишь бы ее оставили в покое…

Еще хуже выглядели остальные пациенты восемнадцатой: они не только едва переставляли ноги, но и с трудом были способны к связной речи.

Сразу же после завтрака произошло нечто неожиданное: санитары принялись разводить всех по палатам. Причем делали они это сдержанно, почти вежливо, без обычной ругани и зуботычин. Даже Лео сегодня не скалился и не строил глазки, а был необычайно молчаливым и собранным.

– Что произошло? Почему нас заперли? – обратилась Дженни к соседям в надежде услышать что-нибудь правдоподобное.

– Мне кажется, я видела полицейского, – робко сообщила Эмма. – Правда, я не уверена.

Раян сразу же упал на постель и по уши укутался одеялом, что было на него не похоже. За весь сегодняшний день он не проронил и пары слов. Дженни, приблизившись к нему, села рядом, осторожно заглядывая в лицо юноши, непривычно бледное и напряженное.

– Раян, что с тобой? Ты плохо себя чувствуешь? Или что-нибудь случилось?

Парень молчал и даже не повернулся к ней. Поняв, что не дождется ответа, Дженнифер уже поднялась, чтобы уходить, когда услышала его слабый голос:

– Прошлой ночью умер пациент. Опять.

Дженни вздрогнула.

– Ты уверен? Откуда знаешь об этом?

Раян лишь неопределенно дернул плечом.

– Нас потому и заперли, чтобы мы не мешали полиции. Они устанавливают причину смерти.

Девушка почувствовала, что у нее холодеют руки, но все же ответила как можно более бодрым голосом:

– Но ведь всякое случается. Может, он был…

– Это происходит каждый раз после того, как приходит почтальон. Старик всегда приносит смерть, – прошептал Раян, совсем не слушая ее. В его голосе звучали нотки страха.

– Я не хочу умирать. Я слишком молода, слишком любима, чтобы умереть вот так, – в своей обычной манере вдруг проговорила-пропела Эмма.

Наверное, она и впрямь обладала удивительным слухом, если смогла услышать из дальнего угла то, о чем почти шепотом говорили Дженни и Раян.

– Я не хочу умирать, слышите? Не хочу! – продолжала она, и с каждым словом ее голос становился все громче. – Мне нельзя… Меня ждет Алекс! Глупая, глупая девчонка! Ты всех нас подставила! Это из-за тебя мы не смогли убежать, из-за того, что ты предпочла любезничать с поваром, вместо того чтобы прибить его! Ты во всем виновата! – теперь ее тонкий вибрирующий крик перешел почти в вопль. Эмма подошла вплотную к Дженни и заглянула ей в лицо. – Алекс ждет меня, понимаешь? Он до сих пор ждет возле старой церкви, где мы должны были обвенчаться! Он ждет… А я не смогла прийти! – Девушка вдруг сжала зубы и с остервенением бросилась на дверь, замолотив по ней кулаками: – Выпустите меня, слышите! Выпустите! Я не хочу умирать! Я должна идти к Алексу, он меня ждет! Иначе он тоже умрет… от тоски!

Перепуганная таким неожиданным поворотом событий, Дженни лишь растерянно смотрела, как Эмма с воплями бросается на дверь, в кровь разбивая от ударов костяшки пальцев. Но София вдруг оказались куда сообразительнее остальных: с невозмутимым лицом она подошла к Эмме и, не стесняясь, изо всей силы залепила той оплеуху.

– Очнись, дура! Твой Алекс бросил тебя! Он давно живет с другой и забыл, как тебя зовут! Ты ему не нужна – прекрати вспоминать о нем!

Эмма смотрела на нее испуганными глазами. Словно воздушный шарик, из которого разом вышел весь воздух, она вдруг сникла, опустилась на пол, закрыв лицо руками, и заплакала.

София села там же, рядом с ней, обняв ее за плечи и склонив трясущуюся голову соседки себе на плечо.

– Прости меня, Эмма… Но ты же сама это знаешь. Не надо больше вспоминать того предателя. Ты найдешь свою любовь, свою настоящую любовь, вот увидишь… Как только мы выберемся отсюда…

Эмма, продолжая плакать, двумя руками обняла Софию, которая все еще гладила ее по голове.

Ошарашенная увиденным, Дженни вернулась к своей кровати.

– Господи, пошли мне сил! – вдруг, неожиданно для себя самой, она зашептала слова молитвы, что как будто бы вырывались из ее сердца. – Пошли мне сил, чтобы пройти все испытания, выпавшие на мою долю. Дай мне шанс вырваться отсюда, и забыть обо всем, и жить дальше нормальной жизнью. Помоги мне…

Слезинка покатилась по щеке девушки, которая сидела, закрыв глаза. А воображение, помимо ее воли, снова принялось рисовать мрачные картины. Картотека… Обугленная комната… Обугленная… Комната. Обгоревшая. Огонь. Огонь!

Будто от удара, Дженни вздрогнула. И когда она снова открыла глаза, в них больше не было слез. Там полыхал, разгораясь, самый яркий огонь – огонь надежды.

Глава 22
Эпизод, покрытый дымом

– А тебе никогда не снились пожары? – самым невинным голосом спросила Дженнифер, глядя на Джека.

Они сидели на кухне и пили чай с маленькими пирожными. Оставалось только удивляться, как Джек умудрялся готовить такие изысканные штуки своими огромными ручищами, которым впору было держать рукоять молота, а не поварешку. Однако между тем все приготовленное им было изящным и на удивление вкусным.

– Нет, – отрицательно замотал головой Джек. – А почему ты спрашиваешь?

– Мне сегодня снился очень странный сон… Словно нашу палату объяло пламя, а мы все внутри и не можем выйти. Вокруг дым, огонь, и нас никто не спасает… Это было очень реально, потому теперь я и вправду начала бояться, что подобное может произойти. Знаешь, говорят, все самые плохие предчувствия часто сбываются…

– Не переживай попусту, – улыбнулся Джек. – Ничего такого здесь случиться не может, успокойся.

– Но почему – не может? Мы ведь в сумасшедшем доме, – грустно улыбнулась она. – Вдруг кто-нибудь бросит спичку…

– Во-первых, это не так просто. Спичек нет даже здесь, на кухне, – все плиты автоматические. Но, если все же кто-то и умудрится что-нибудь поджечь, сразу сработает пожарная сигнализация и завоет сирена. Тогда все двери разблокируются автоматически – кроме тех, что заперты на ключ. Но такие есть только в палатах, а туда, конечно же, прибегут на помощь.

– Да? Это хорошо, – пробормотала Дженни, отводя взгляд. – А то я немного боюсь огня…

– Что, пришлось побывать на пожаре? – участливо осведомился Джек.

Дженнифер лишь кивнула, желая подыграть ему.

– Бывает… – вздохнул повар и долил себе чаю из круглобокого заварника с мелкими цветочками. – Мне тоже довелось такое пережить несколько лет назад. Тогда большой пожар приключился, едва успели загасить, а то пол-этажа сгорело бы к тому времени, как подоспела помощь…

– Странно, я не слышала о пожаре здесь…

– Горело на третьем, ночью – больные не видели. Тогда еще не было такой автоматики, а ключ… В общем, пришлось

ретироваться через окно, – осклабился Джек.

– Ничего себе! И ты прыгал с третьего этажа?

– Зачем? В этом нет необходимости, там пожарная лестница рядом.

– И никто не пострадал?

Джек на минуту сузил глаза, но Дженни смотрела на него с таким праздным любопытством, что он тут же успокоился. Однако ответил неохотно:

– Третий этаж нежилой. Сгорел архив и картотека… Причина пожара – неисправная проводка. Здание-то старое, а все перемонтировать… – Джек только махнул рукой, отставляя чашку.

Не злоупотребляя гостеприимством повара, Дженни поблагодарила его за угощение и сама вызвалась помочь Саймону убрать посуду.

Под пристальным взглядом Мэрлока девушка мелькала с подносом туда-сюда, изображая усердие, а в это время мысли гудели у нее в голове, как растревоженные пчелы в улье.

Неужели такое возможно? Неужели то, что приснилось ей, может быть правдой? Картотека и архив, третий этаж… Именно там она видела обгоревшую комнату. И в ней – дела двух пациентов. Но, даже если пожар и в самом деле был, – какое отношение это все может иметь к ней?

…А вот какое! Ведя разговор о пожаре, Дженни выяснила, что с третьего этажа можно спуститься по пожарной лестнице. Значит, на окне, сквозь которое она видела тогда волка, действительно нет решетки – иначе Джек так просто через него не выбрался бы. И при пожаре двери автоматически открываются. То есть…

А означает это очень многое. И теперь для нее, как когда-то для пещерных предков, жизненно важно добыть огонь!

Глава 23
Королевский подарок дракона

– Ты сегодня целый день рисуешь драконов. К чему бы это? – спросил Раян, внимательно рассматривая рисунок Дженнифер.

Они сидели за шатким столиком, на котором обычно нетронутыми лежали листы бумаги и стояли карандаши в деревянном стаканчике. Но сейчас Дженни взялась за них всерьез.

– А ты снова стал наблюдательным, – улыбнулась девушка. – А то пару дней назад я уж было подумала, что приближаешься к состоянию «овоща»…

– Это все из-за лекарств. Ты здесь еще слишком короткое время для того, чтобы по-настоящему делать выводы. Нас всегда накачивают таблетками, перед тем как… – Он вздохнул и резко сменил предмет разговора, сознательно не желая касаться больной темы. – Так что насчет драконов?

– Если нам удастся раздобыть источник огня, считай, побег у нас в кармане, – тихо ответила Дженни, прорисовывая прожилки на зеленых крылышках существа. – А дракон – символ…

– И что мы сделаем с этим, как ты говоришь, «источником огня»?

– Устроим пожар, конечно. В своей палате, – спокойно объяснила она. – Только надо будет поджечь так, чтобы получить побольше дыма. Сработает сигнализация, все побегут тушить палату и спасать нас… Когда поднимется суматоха, нам нужно будет лишь взбежать на третий этаж и через окно спуститься по пожарной лестнице. Только сделать это все следует очень быстро.

– Там же решетки! И двери закрыты…

– Двери автоматические. Но в палатах для подстраховки есть еще и обычные замки. Все остальное работает на автоматике и открывается по пропуску. Так вот, в случае пожара все автоматические двери разблокируются – это такая мера предосторожности. А решетки на окнах третьего этажа не ставили – туда никогда не приводят больных.

– Но откуда тебе обо всем этом известно? – удивился Раян, рассеянно разглядывая ее последний рисунок – жизнерадостного дракончика возле маленького костерка.

– Мне Джек рассказал, – не без гордости заявила Дженни и тут же спохватилась, увидев, как помрачнело лицо Раяна.

– Джек? Чего это он с тобой разоткровенничался? – с подозрением спросил парень. – Ты что, понравилась ему?… А может, и он тебе?

Дженнифер не смогла сдержать смех.

– Что это еще за выдумки? Мне нужно втереться к нему в доверие, чтобы узнавать обо всем, что здесь действительно происходит. Понимаешь?

– Понимаю, – выдохнул Раян, отводя глаза. – Извини.

«А он, кажется, ревнует! – подумала Дженни. – Какие же они, эти мужчины, все-таки самовлюбленные дети…»

Ее не оставляли мысли об огне. И дракончиков девушка рисовала неслучайно: они приходили к ней во сне – танцевали возле большого костра, и в этом костре сгорали решетки. Они горели так, словно сделаны были из бумаги, а не из железа.

Был ли это знак или результат навязчивого желания – так просто не скажешь. Дженнифер чувствовала, что после приема лекарств, за которым строго следила медсестра, реальность становилась какой-то размытой, будто грань между вымыслом и правдой начинала стираться. Мысли шатались, как душевнобольные, бредущие по коридору без цели… Чем дольше она тут находилась, тем слабее становился ее рассудок.

Раньше, в своей другой жизни, жизни *не-здесь*, ей когда-то попалась в руки книга о силе мысли. Там говорилось: чтобы «притянуть» что-то в свою реальность, нужно как можно четче представить, что ты уже владеешь этим. И сейчас был хороший случай испытать теорию на практике – в конце концов, ничем больше помочь себе она не могла…

Возможно, автор книги был прав. Или просто судьба еще не полностью отвернулась от Дженни, но счастливый случай представился раньше, чем она могла надеяться.

Они с Оливией убирали второй этаж. Девушка охотно брала ее себе в помощницы, и Дженни от такого предложения никогда не отказывалась. Обычно уборщица доверяла ей только протереть пол в коридоре поломоечной машиной, которая жужжала и выла, как волк в пчелином улье, хотя дело свое исполняла безотказно. Однако сейчас директорский кабинет был пуст, а Оливии поскорее хотелось закончить уборку. Весело болтая, она сунула в руки Дженни швабру и поручила протереть пол в кабинете, пока сама вытирала пыль и больше создавала вид, чем на самом деле работала.

В кабинете, наполненном казенными запахами, клетка с попугаем смотрелась немного не к месту и совсем не скрашивала обстановку. Большой белый попугай сидел, нахохлившись, на жердочке, внимательно наблюдая за движениями девушки. Птица была по-своему красивой, но почему-то вызывала у Дженнифер негативные эмоции. Что-то отталкивающее было в этом пернатом

питомце доктора… Как и в первый раз, возникло ощущение, что она уже встречала его когда-то и что эта встреча была не из приятных… Может быть, дело просто в том, что попугай принадлежал «хозяину» лечебницы, который являлся в ней не только «царем», но и всемогущим властелином судеб?

Наклонившись, чтобы передвинуть урну с бумагами, девушка вдруг увидела то, что заставило ее сердце забиться втрое чаще. На полу лежала… зажигалка. Самая что ни на есть обычная пластиковая зеленая зажигалка – недостающая частица мозаики в ее отчаянном плане побега. Скосив глаза, она заметила, что Оливия не смотрит в ее сторону. Еще миг – и вожделенная вещица оказалась внутри тапочка Дженни – более укромного места сейчас ей было не найти…

«Хррр! Хррр-авг!» – хриплый полукрик-полулай вырвался вдруг из глотки попугая так неожиданно, что Дженнифер, не успев разогнуться, ударилась затылком о крышку стола.

– Что случилось? – Оливия тут же оказалась рядом.

– Глупая птица, – пробормотала Дженни, потирая затылок. – Он испугал меня.

Оливия подозрительно взглянула на попугая, который уже не кричал, но принялся метаться взад-вперед по своей клетке.

– Август! Угомонись! – шикнула на него уборщица, однако попугай и не думал успокаиваться.

Все время, пока Дженни поспешно домывала пол, ей казалось, будто попугай вот-вот выкрикнет обвинение в воровстве и на этот крик примчится доктор… Но страхи, конечно же, были безосновательными. Быстро закончив уборку, девушки вышли из кабинета и прикрыли за собой дверь. Только сейчас, не видя бешеную птицу, Дженнифер смогла немного успокоиться.

Спускаясь в лифте, она едва сдерживала улыбку – в ее обуви теперь лежал подарок того самого дракона, что пришел к ней во сне, чтобы жечь решетки. Поистине королевский подарок.

Глава 24
Окно в ночь

Дженнифер едва смогла дождаться, пока утихнут звуки по ту сторону двери, что отделяла их палату от остального царства безумия. Все это время она сжимала в ладони спрятанный в больничной подушке маленький прямоугольник. Больше не в силах терпеть, девушка выскользнула из своей кровати и в два шага очутилась возле Раяна. Схватив юношу за руку, она приложила палец к губам, подав сигнал молчать, и тут достала свою драгоценность. Щелчок колесика, крутнувшегося по кремню, прозвучал неожиданно громко; взлетевший вверх крохотный язычок пламени казался самым большим из возможных чудес.

Ничего не понимая, уже немного сонный, Раян растерянно заморгал.

– Я достала! Вот! Зажигалка. Рабочая, – прошептала Дженни, пытаясь справиться с радостным и тревожным трепетом, что охватил ее сейчас от макушки до пят. Желание действовать немедленно двигало ею безудержно, поэтому приходилось прилагать большие усилия, чтобы не начать сейчас же поджигать все подряд.

– Да? И что теперь? – пробормотал еще не совсем проснувшийся парень.

– Мы устроим пожар! Наверное, лучше всего будет поджечь матрас, от него точно будет много дыма. А когда завоет сирена и двери автоматически откроются, побежим в коридор и – по лестнице – на третий этаж!

– А ты уверена, что мы сможем оттуда спуститься?

Дженни на секунду помедлила с ответом. Действительно, стопроцентной уверенности у нее не было. Даже больше – весь этот слегка безумный план, в котором главенствующая роль отводилась счастливой случайности, строился, по большому счету, на догадках и обрывочных сведениях. На третьем этаже она была… только во сне. Но ведь призрачная надежда – это лучше, чем вообще никакая?

– Надеюсь, мы сможем. Во всяком случае, попробовать стоит.

– Когда? – прошептал парень срывающимся от напряжения голосом.

– Сегодня. После полуночи, когда все уснут. Но надо, чтобы наши были готовы.

Синхронно кивнув, заговорщики так же одновременно бросились в разные стороны – Дженни переметнулась к

девушкам, которые уже готовились ко сну, а Раян побежал тормошить Джастина.

А дальше осталось самое тяжелое – ждать…

Бороться со сном не пришлось – Дженнифер была в таком напряжении, что сон ей не грозил. Она крепко сжимала в руке свое маленькое сокровище, словно кто-то мог отобрать его прямо сейчас. Мысли кружили в голове, бились как волны о берег, перекатываясь с одной темы на другую, не останавливаясь в своем беспорядочном движении. Чем вызваны были ее видения? Не слишком ли она рискует, опираясь на беспечно сказанные слова и собственные домыслы? В порядке ли ее психика, не придется ли снова столкнуться с теми кошмарами, из-за которых она попала сюда? Что ожидает их по ту сторону ограды? Куда она пойдет после того, как окажется на свободе?

Думать о том, что ничего не выйдет, девушка категорически себе запрещала. Не может не выйти. Все будет хорошо…

У нее не было ни часов на руке, ни какого-либо ориентира, чтобы определить время начала их «операции». Поэтому, когда ожидание показалось уже совсем невыносимым, Дженни решила: пора!

Она схватила свой матрац, сгребла постель и подушку в одну кучу. Раяна не пришлось долго будить – заслышав звуки возни, он тут же проснулся. Так же быстро присоединились к ней и девушки с Джастином – все вместе они сделали из одеял и подушек одну большую кучу.

Дженнифер еще раз обвела взглядом напряженные и радостные лица своих друзей, которые собрались вокруг нее, ожидая появления маленького язычка пламени так, словно это был огонь Прометея. И… щелкнула зажигалкой.

Еще несколько минут они суетились возле импровизированного костра, изо всех сил помогая крошечному оранжевому цветочку разрастись. Огонь, что весело принялся поглощать сухие тряпки, вскоре перекинулся и на матрас – вверх расползлись облака вонючего серого дыма.

– Прикройте лица одеждой! – скомандовала Дженни.

Сгрудившись возле двери, они стали ждать, когда включится сигнализация.

Но, вместе с размерами костра, что жарким кругом охватил уже всю кровать, рос и запоздалый страх – а что, если сигнализация не включится? Что, если никто не придет к ним на помощь? Треск огня и вонь горелой ткани заполняли собой все пространство палаты; от дыма резало в глазах. Первой не выдержала Эмма.

– Помогите! Спасите! У нас пожар! – Девушка отчаянно

забарабанила в дверь, пытаясь привлечь внимание, но по ту сторону по-прежнему было тихо. – Спа… Спасите нас!

И лишь когда от чада едва можно было продохнуть, щелкнуло что-то сверху, под уже порядком закопченным потолком, а в коридоре раздался вой сирены и топот ног. Дверь в палату открылась, выпуская вместе с «погорельцами» столб вонючего едкого дыма.

Вокруг суетились люди, что-то кричали, забегали в палату и выбегали обратно… Звуки сирены будоражили и без того натянутые нервы, двери других палат открывались тоже, выпуская из них пациентов, которые присоединялись к орущей, воющей, перепуганной толпе…

Все, что происходило дальше, Дженни видела словно в замедленном кино с прикрученной громкостью: звуки пролетали как бы мимо нее, не затрагивая рассудок. Взглядом отыскав четверых товарищей, она первой попятилась дальше в коридор. Остальные последовали за ней; сейчас, среди общей суматохи и криков, никто не обращал на них внимания.

Дженнифер добралась до двери в конце коридора, с замирающим сердцем рванула ее на себя и… дверь открылась! Не останавливаясь ни на секунду, девушка ринулась вверх по лестнице. Вслед за ней неслись остальные – спотыкаясь, перепрыгивая через ступеньки… Дверь на третьем этаже поддалась так же легко – Джек не обманул Дженни. Правдой оказалось и другое – едва залетев на третий этаж, она бросилась к окну – оно было именно там, где виделось ей во сне. Никакой решетки, но открыть его оказалось не так-то просто. Джастин тут же пришел на помощь – в его железных пальцах ручка окна лишь пискнула, словно жаловалась на свою нелегкую жизнь, и оно тут же распахнулось, впуская внутрь сырой холодный воздух.

Чуть в стороне от окна виднелись железные скобы пожарной лестницы.

– Я первый! – выкрикнул Раян хриплым от волнения голосом и решительно взобрался на подоконник.

За ним храбро последовали девушки: сперва – отважная София, затем – с причитаниями и вздохами – Эмма, потом – Дженни, и последним начал спускаться Джастин. Они часто дышали, и в холодной ночной мгле с их губ слетали облачка пара. Цепко хватаясь за скользкие железные скобы вмиг озябшими пальцами, Дженни старалась не смотреть вниз. С последней ступеньки пришлось прыгать; там уже стояли остальные. Большим пятном вверху темнела фигура Джастина.

Взбудораженные, едва верящие в свою удачу, беглецы переглядывались и обнимали друг друга. Их всех трясло – то ли

от радостного возбуждения, то ли от страха, то ли от холода – а может, от всего сразу. Дождавшись, пока Джастин тоже окажется внизу, Раян первым сделал шаг в сторону темнеющих поодаль стволов сосен – надо пробежать совсем немного, и начнется лес!..

Четыре грузные тени отделились от темнеющей сбоку больницы стены и неожиданно быстро оказались рядом. Не веря своим глазам пациенты из восемнадцатой палаты замерли на месте. Это не было случайностью. Их ждали. Мэрлок молча снял с пояса свою резиновую палку; ухмылка на его физиономии напоминала волчий оскал.

– Какая встреча!..

Глава 25
Душа в камне

Голова болела ужасно, и открыть глаза оказалось непросто. Вокруг царил полумрак, сквозь который пробивалось только темно-желтое свечение, струящееся откуда-то сверху. С трудом разлепив тяжелые веки, Дженни начала искать глазами источник света – им оказалась маленькая лампочка под толстым колпаком из мутного стекла.

«Наверное, оно непробиваемое», – подумала девушка, тупо глядя в потолок. Двигаться абсолютно не хотелось. Обведя глазами помещение, где она очутилась, Дженнифер поняла, что двигаться-то пока особо и некуда: ее сковывали сырые грязно-серые стены, а единственным предметом мебели была привинченная к полу железная полка с тощим рваным матрасом, на которой она и лежала.

Карцер. Одиночка. Какое время она здесь пробудет – зависит от того, насколько велико желание доктора Руффа наказать ее. И не только ее – остальные, надо полагать, сейчас находятся в таких же условиях.

Размер помещения – два на четыре метра. Изрытый крысиными норами бетонный пол… Почему-то даже мысль о крысах не вызвала у девушки должной реакции. Раньше она испугалась бы. Сейчас ей было все равно.

Тело предательски ныло, словно после тяжелого трудового дня. Но работы не было; была лишь порция неизвестной гадости, которая сейчас бродила по ее венам, и… сломанные надежды.

Между тем крушение одной надежды – это еще не полный крах. Дженнифер не оставит борьбу, вот только бы собраться с силами…

Шло время. Тусклая лампочка под потолком никогда не выключалась, и поэтому отличить день от ночи было невозможно. В углу, в цементном полу, обнаружилась дырка, откуда доносился ужасный запах – видимо, это был туалет… На том удобства заканчивались. Раз в день (или дважды – кто знает?) внизу двери открывалось небольшое железное окошко; из него появлялся поднос, на котором стояла железная кружка и миска с похлебкой. Изредка – кусок хлеба. Если она не успевала схватить еду и воду, поднос просто забирали – и тогда – до следующего раза. Голод был не таким мучительным, как жажда. Кроме того, Дженни подозревала, что ее усиливали еще и специально, чем-то, что подмешивали в еду, – пить хотелось нестерпимо, и это, наряду с

одиночеством, было одним из главных испытаний.

Она могла кричать, биться о дверь либо сидеть в углу неподвижно – от этого ничего не менялось. Время текло неумолимо медленно. Сколько она уже тут? Неделю? Месяц? Год? Дженнифер не знала. Все, что было ей доступно, – это мечты. Единственное, в чем она могла найти утешение, – это в грезах о свободе. И о море.

Вот оно – дикое, просторное, необузданное в своей первозданной силе. И прекрасное, таким прекрасным может быть дикий зверь. Странно, именно так она сейчас думала о море – как о диком, свободном звере, который ждет ее там, по ту сторону всех дверей и оград…

Несколько раз под дверью девушке чудился протяжный вой и звук скребущихся о камень когтей. Дженни не знала, насколько прочна дверь, что отделяет ее от кошмара, и насколько умны чудовища, которые рвутся, стремясь вонзить в нее свои железные когти… Наконец она устала даже от страха, и звуки за дверью, доводившие ее до исступленного плача, теперь вызывали только глухую пульсирующую боль в висках.

«Я или выберусь на свободу, или сойду с ума окончательно», – думала она, понимая, что уже недалека от того, чтобы что-то внутри надломилось, изменив ее мир навсегда…

Надежда, отчаянье, безразличие много раз менялись местами. И лишь когда безразличие почти накрыло собой полумертвую надежду, дверь наконец отворилась.

Это произошло так неожиданно, что девушка не сразу отреагировала. Только приподнялась на своей постели и посмотрела пустыми глазами на фигуру, занимавшую собой весь дверной проем.

– Поднимайся! Идем!

Голос Иглы показался ей странно незнакомым, словно она слышала его под каким-то совершенно иным «углом слуха». Либо Дженни просто отвыкла слышать звук голоса.

– Пошевеливайся! Или хочешь еще задержаться на курорте?

Откровенная насмешка никак не зацепила девушку; слегка пошатываясь, она подошла к медсестре, которая тут же с отвращением скривила нос.

– Сейчас же в душ!

По дороге в душевую Дженни шатало еще больше; каждый шаг давался через силу.

Переступив порог, Игла приказала ей раздеться и стать возле стены.

Тупо исполняя приказ, Дженнифер не сразу поняла, что наказания еще не закончены. Это дошло минутой позже – вместе

со струей холодной воды, которая отбросила ее на шероховатые плитки стены, заставив распластаться. Брандспойт в руках ухмыляющейся Иглы вибрировал от бешеного напора. До сих пор девушка не знала, что вода может по-настоящему избивать…

Когда пытка закончилась, Дженни просто упала на скользкий холодный пол, не в силах стоять на ногах…

…Игла, открыв дверь, грубо впихнула Дженнифер в палату.

Как же она была рада снова видеть всех своих собратьев по несчастью! Хотя выглядели они, честно говоря, жалко. Джастин похудел и осунулся, его глаза словно заволакивала мутная пелена. Он так же сидел на своей койке, только теперь смотрел не в окно, а в одну точку перед собой. Эмма и София – с затравленными глазами и впалыми щеками – цветом лица походили на больничное белье – серо-белое, и это не очень добавляло им привлекательности. Меньше всего, судя по внешнему виду, досталось Раяну – он хоть и был бледнее обычного, но все же выглядел лучше остальных.

Сложив руки на мощной груди, медсестра принялась по очереди сверлить взглядом всех присутствующих. От ее шумного дыхания жесткие усы над верхней губой покачивались, как трава на ветру.

– Запомните на будущее, – наконец изрекла она, пытаясь придать вес каждому своему слову, – это вы еще легко отделались. Больше поблажек не будет. Попытаетесь сбежать снова – вас привяжут, как буйных, и так нашпигуют уколами, что… – Она опять многозначительно посмотрела на Дженнифер и вышла, захлопнув за собой дверь.

Все молчали. Казалось, ни у кого не было сил просто вымолвить несколько слов.

Дженни медленно подошла к окну: за ним проплывали, качаясь в воздухе, лохматые крупные снежинки, напоминающие миниатюрные облака. Внизу, на земле, лежало белое покрывало из колючих чистых искр.

– Дженни… Как я рад, что ты снова с нами… – прошептал Раян и подошел к девушке. Осторожно, словно она была из стекла и от неловкого движения могла разбиться, он обнял ее за плечи.

Не говоря ни слова, к ним присоединились остальные – к Дженни бросились девушки, не сдерживая слез, и теперь уже все стояли, обнявшись. Даже Джастин переминался с ноги на ногу рядом, не решаясь присоединиться, и лишь смущенно улыбался.

Она столько хотела сказать, столько вопросов намеревалась задать, обдумывая свои слова в плену каменного мешка, но сейчас просто стояла и растерянно улыбалась, ощущая со всех сторон дружеские объятия.

– Я вернулась… Все будет хорошо… Мы ведь не сдадимся, верно?

Глава 26
Переживания Джека

В этот раз, идя в столовую, девушка словно заново знакомилась с ненавистной больницей: после тесноты душного карцера все выглядело немного по-другому. Даже стены стали как бы выше и светлее и не таким убогим казался мрачный коридор… Но ощущение тюрьмы, от которого хотелось просто выть или разрывать в клочья все, что попадется под руки, обострилось еще сильнее.

«Господи, я, кажется, действительно схожу с ума», – думала Дженнифер, пока заставляла себя проглотить хотя бы часть обеда. Вкус еды сейчас, после того, что ей доводилось есть в карцере, казался девушке насыщенным и приятным, но аппетит не появлялся. Уныло размешивая ложкой подливу в своей тарелке, Дженни размышляла о том, что начинает реально походить на сумасшедшую. Ведь если не сдерживаться изо всех сил, то она будет вести себя как буйно помешанная.

А может, так и сделать? Отпустить на волю все свое отчаянье? Кому нужна ее притворная покорность, напускное спокойствие, на поддержание которого уходит столько сил? Заорать сейчас изо всей мочи, запустить ложкой в кого-нибудь из этих живых-мертвых, что сидят, раскачиваясь, над своей посудой? Залепить в рожу подбежавшему Мэрлоку железной тарелкой с остатками каши… Возможно, она еще успеет огреть табуреткой кого-нибудь из подбежавших санитаров – этого противного Лео… Дженнифер почти увидела, как падает на пол долговязый ловелас и как красиво выливается жидкая каша за ворот обалдевшему Мэрлоку. И какой вытянутой от удивления становится его противная рожа… Представив себе такую картину, девушка улыбнулась, и на душе у нее стало даже немного легче. Только…

«Нет, сволочи, я не позволю вам опять скрутить меня и бросить в карцер или обкалывать лекарствами до полного отупения. Если с вами можно справиться лишь хитростью, я буду хитрой, словно змея, – думала Дженни. – Но я найду способ отсюда выбраться, чего бы мне это не стоило…»

Проходя мимо стойки раздачи, Дженнифер подскочила от неожиданности, когда чья-то сильная рука схватила ее за шиворот и потащила на кухню. И не успела она опомниться, как Джек сгреб ее в охапку – в его мощных руках Дженни сама себе показалась тряпичной куклой.

– Девочка! Что они с тобой сделали! Тебя что, морили

голодом?

На лице Джека отражалось искреннее переживание, и девушке стало даже приятно от такой заботы.

– Привет, Джек! Я тоже рада тебя видеть.

Повар выглядел действительно опечаленным.

– Зачем они так с тобой? Я был уверен, что доктор Руфф предложит тебе… – Джек только вздохнул и хлопнул себя руками по бокам. – Чего это я стою? А ну, садись быстрей! Я просто должен теперь тебя откормить! Ведь если подует хороший ветер, ты попросту улетишь!

– Я бы сейчас многое отдала за хороший ветер, – прошептала Дженни. – Чтобы почувствовать его, вдохнуть…

– Почувствуешь! Еще как почувствуешь! И более того, сможешь делать то, чего не могла раньше, – многозначительно улыбнулся Джек, усаживая свою гостью на все тот же единственный стул.

– О чем это ты? Рассказываешь мне сказки, чтобы успокоить? – грустно улыбнулась девушка.

– Никаких сказок! Иногда бывает так, что реальность круче любой сказки. И тогда, когда ты этого совсем не ждешь.

– Джек, ты говоришь загадками. Ты о чем-то знаешь, чего не можешь сказать прямо?

– Честно говоря – да, – вздохнул Джек и, захватив две большие тарелки, которые за это время успел наполнить чем-то приятно пахнущим и привлекательным на вид, поставил одну из них перед Дженни. – Ешь, пока не остыли. Я приготовил морские гребешки с авокадо, тебе понравится.

Дженнифер осторожно подцепила вилкой один золотистый кусочек и отправила его в рот. Это было необыкновенно вкусно.

– Для кого ты готовишь такие лакомства, Джек? Что-то я не видела в тарелках у больных морских гребешков.

– А кто ж им даст?… – широко улыбнулся Джек, видимо, довольный тем, что увел разговор в сторону от скользкой темы. – Для доктора Руффа, конечно, он у нас большой гурман. Да и остальные вкусно поесть не отказываются…

– А остальные – это кто? Его помощники?

– Точно, – кивнул повар, тоже налегая на гребешки. – Мы все ему помогаем. Ну что, тебе нравится?

– Превосходно, – честно призналась Дженни. – А где ты научился так готовить? И почему такой хороший повар пропадает в этой дыре, а не блещет в каком-нибудь популярном ресторане?

Лесть возымела действие – лицо Джека едва ли не светилось от похвалы.

– Да нигде я не учился, – сделал он неожиданное

признание. – Просто я чувствую вкусы и запахи очень четко. Тогда несложно и любое блюдо составить.

– Так ты не повар по профессии? – удивилась Дженни. – Но как ты вообще попал сюда, если не пришел работать поваром?

– Так же, как и ты, – вдруг буркнул Джек и в упор взглянул на девушку. – Только пусть это останется между нами, хорошо? Мне бы не хотелось, чтобы ты рассказывала об этом другим.

От изумления Дженнифер даже забыла про гребешки. Округлившимися глазами она смотрела на Джека; под ее взглядом он немного смутился.

– Ты тоже был здесь пациентом? – на всякий случай переспросила она.

– Ну, был, – не сразу сознался Джек. Видимо, он уже пожалел о своей откровенности.

– И тебя вылечили?

– Что-то вроде того, – усмехнулся повар, при этом почему-то отвернувшись. – Если бы не вылечили, никто меня на кухню не пустил бы, это понятно… Идти мне было некуда, вот я здесь и остался. Вначале помощником на кухне, а затем и сам неплохо освоил кулинарную науку. Вот так и живу тут, – вздохнул он.

– Но почему ты не хочешь уйти и поискать свое место в той, большой, жизни? – неуверенно спросила девушка. – Неужели тебе комфортно… здесь?

Повар пожал плечами.

– Может, когда-нибудь… Пока я еще не созрел. Но когда куплю японские ножи и научусь готовить действительно отменные блюда, тогда, возможно, и попробую, – неожиданно согласился он. – Кстати, совсем забыл тебе сказать: я уже почти собрал необходимую сумму! Думаю сделать себе подарок к Новому году…

И Джек с горящими от восторга глазами снова завел свою любимую песню о преимуществе японских ножей. Дженни, рассеянно слушая, кивала иногда в такт его словам, однако голова ее сейчас была занята другими мыслями.

Джек тоже был пациентом! Значит, он – первое «вещественное доказательство», что больных здесь все-таки лечат, а не просто «залечивают» до состояния «овоща», как до сих пор внушали ей соседи по палате. Он вылечился, это бесспорно – Джек совсем не выглядит сумасшедшим! Ну, есть у него, конечно, этот пунктик с ножами, но это ведь не показатель безумия. Сколько таких, увлеченных чем-нибудь! И японские ножи – это еще не самое худшее, на чем может зациклиться одинокий человек, которому некуда идти…

– Дженни, мне кажется, это произойдет очень скоро. Тогда,

если захочешь, я возьму тебя своей помощницей. А что? Саймон – лентяй и тупица. Я научил бы тебя готовить…

Дженнифер встрепенулась и удивленно заморгала. Видимо, она пропустила в его словах что-то важное, коль сейчас не понимает, о чем ей толкуют.

– Что ты имеешь в виду? – осторожно переспросила она.

– Я говорю о докторе Руффе. Думаю, он сделает тебе одно предложение, от которого ты не откажешься. – Широкая добродушная улыбка придала лицу Джека обаяния. – Так что все эти твои попытки побега – это пустое, поверь. Убежать отсюда не так просто, да и не нужно.

Он наклонился к Дженни и посмотрел прямо в ее глаза. Ей это лишь показалось, или зрачки Джека на секунду действительно вытянулись, как у кошки?

– Послушай мой дружеский совет, Дженни: не надо больше убегать и всякие поджоги и тому подобное тоже оставь – так ты только добавишь себе страданий. И это ни к чему доброму не приведет. Просто подожди немножко, все решится само собой. Будь умницей. Хорошо?

Девушка лишь кивнула, не зная, что ответить. Наваждение уже прошло, и перед ней сидел обычный Джек.

– Ну и ладно. А сейчас – беги, а то еще Мэрлок придет тебя искать…

Она торопливо вскочила со стула, отнесла тарелку в раковину и, поблагодарив Джека за вкусности, поспешила вон из кухни. Уже возле двери он молча сунул ей бумажный сверток с угощением. Поблагодарив сердобольного повара улыбкой, Дженнифер быстро припрятала сверток под полу больничной рубашки. И как раз вовремя: выходя, она нос к носу столкнулась с охранником Мэрлоком. Тот молча уставился на девушку с таким грозным видом, словно имел все полномочия арестовать ее и расстрелять на месте. Но Дженнифер, не испугавшись, ответила спокойным, уверенным взглядом.

Эта беззвучная дуэль продолжалась не меньше минуты; никто не собирался отводить глаза первым. И одному богу известно, чем бы она закончилась, не появись Оливия.

– О, Дженни, дорогуша! Куда это ты запропастилась? Что-то я давно тебя не видела, – затарахтела красавица, бесцеремонно протиснувшись между Дженнифер и Мэрлоком.

Охранник, тут же забыв о Дженни, повернулся к Оливии.

– Мэрлок, я заберу ее у тебя, хорошо? Мне как раз нужна помощь… – начала было уборщица, но страж порядка грубо прервал ее речь.

– Не положено, – буркнул он, не глядя на Оливию. – В палату,

быстро! – рявкнул уже на Дженни, и девушка поспешила поскорее убраться подальше с его глаз.

Оливия только пожала плечами, обиженно надув алые губки. Демонстративно отвернувшись от Мэрлока, она зашагала прочь.

Тот лишь обронил злое ругательство и тоже направился к выходу давно опустевшей столовой. Перед тем как скрыться за дверью, он быстро оглянулся, достал из кармана бутылочку с какой-то жидкостью, живо перевернул ее себе в рот, глотнул, и так же молниеносно спрятал в карман. Как ни в чем не бывало, охранник пошел дальше нести свою службу.

Глава 27
Картина из пазлов

Оливия неожиданно предложила Дженнифер: «Идем ко мне, посидим спокойно, посплетничаем». И Дженни восприняла это на ура. Они как раз закончили убирать второй этаж. Несмотря на придирки Мэрлока, Оливия уже несколько раз подряд брала девушку с собой, чтобы та по-прежнему помогала ей в уборке. И хотя Мэрлок что-то ворчал себе под нос, но реально препятствовать этому не стал.

Стены небольшой комнатки были настолько облеплены вырезками из журналов, плакатами и календарями с изображениями разных телезнаменитостей, что понять, какого цвета обои таятся под ними, оказалось нелегко. Когда Дженни переступила порог, ее ошеломил этот пестрый «парад звезд». Поэтому она не сразу заметила еще одну интересную деталь обстановки: три огромных зеркала в человеческий рост, что располагались в дальнем углу рядом со столиком, пестрившим разнообразными баночками, флаконами и коробочками.

– Ух ты! – только и смогла выдохнуть она.

Оливия довольно улыбалась.

– Нравится?

– Неплохо, – согласилась Дженни и подошла к столику. Ее мама тоже любила пользоваться косметикой, но чтобы этого было так много… Пушистые кисточки на специальной подставочке, мягкие пуховки, румяна и помады, пудра и кремы и еще много-много всего…

Дженни подошла к зеркалам. Сразу с трех сторон на нее взглянула худенькая девушка в рубашке серо-болотного цвета и таких же штанах. Настороженные глаза, темные круги под ними, бледное лицо… Понадобилось некоторое время, чтобы она привыкла к своему отражению.

Оливия наблюдала, как Дженнифер задумчиво созерцает свою внешность.

– О! У меня есть идея! – вдруг весело воскликнула она и тут же усадила свою гостью на единственный в комнате стул к зеркалам спиной. А сама замельтешила рядом.

Сначала она долго возилась с волосами Дженнифер, укладывая их разными способами, пока не остановилась на лучшем, на ее взгляд, варианте и уложила прическу с помощью своих специальных средств. Дальше принялась наносить косметику, несколько раз стирая макияж и пробуя заново.

Дженни безучастно покорилась ее прихоти, продолжая рассматривать плакаты на стенах.

– Ты любишь кино? – наконец спросила она.

– Не очень, – ответила Оливия, не отрываясь от своего занятия.

Дженнифер немного озадачил такой ответ.

– Не понимаю… Тогда почему ты собираешь все эти плакаты?

– Актрисы, – вздохнула Оливия. – Они такие красотки… Но ведь и я ничуть не хуже их! – Оливия подошла к зеркалам и придирчиво оглядела каждое из своих отражений, словно еще раз хотела убедиться в том, что имеет право так говорить.

– Конечно, – легко согласилась Дженнифер и не только потому, что хотела сделать собеседнице приятное, – это было чистой правдой. – Многим из них далеко до тебя, еще как!

– Я тоже буду сниматься в кино. Меня обязательно пригласят, вот увидишь! Мир еще узнает о новой звезде! – Оливия, картинно подняв подбородок, вскинула локоть вверх, отчего стала похожа на статуэтку, которую дарят во время вручения кинопремий.

– Так ты хочешь сниматься в кино?

– Конечно! Кто ж не хочет? – Она снова вернулась к прерванному занятию и замахала перед носом Дженни своей пуховкой.

– Я, например, не хочу…

– И очень даже зря! – вдруг заявила Оливия, а затем, явно довольная своей работой, потащила Дженнифер к зеркалу. – Посмотри! Узнаёшь себя?

Дженни часто заморгала: узнавала она себя опять-таки с трудом. Ее золотистые волосы были аккуратно уложены на затылке замысловатыми завитками; умелый макияж подчеркнул красоту юного лица, скрыв излишнюю бледность. На щеки вернулся девичий румянец; глаза стали словно ярче… Из зеркала на нее смотрела молодая девушка, похожая на Элисон Паркер… Воспоминание о маме кольнуло иглой, и Дженни отвернулась от своего отражения. Но Оливия поняла ее жест по-своему.

– Конечно, эта жуткая больничная одежда совсем тебе не идет! Когда ты выйдешь отсюда, я подарю тебе пару нормальных платьев, – великодушно пообещала она. – И вот еще что… – Несколько минут Оливия ходила взад-вперед по комнате, придирчиво рассматривая Дженни с разных ракурсов. – Да! Сгодится! – наконец вынесла вердикт. – Знаешь, когда я стану знаменитой актрисой, то и для тебя что-нибудь придумаю. Будем выступать вместе, – добавила Оливия тоном, не терпящим возражений, словно от сказанных ею слов до их воплощения в жизнь был один шаг.

Это казалось очередной прихотью взбалмошной красавицы, капризом, настолько далеким от реальности, что Дженни даже не стала спорить. Для того, чтобы вырваться отсюда, она согласилась бы на что угодно – даже стать актрисой…

– Но почему ты работаешь здесь, если мечтаешь о кино?

Оливия неопределенно пожала плечами.

– Ну, я пока не знаменитость и собственного жилья в городе не имею… Но все изменится, как только мне подыщут подходящую роль. И не сомневайся – тогда я утру носы всем этим звездам!

– Почему бы и нет, – примирительно вздохнула Дженни; ей не хотелось спорить с Оливией.

Однако уборщица не собиралась прекращать разговор на излюбленную тему:

– Ты не думай, что я это просто так говорю. Я действительно актриса! Пускай мои роли – только в моем любительском театре, но ведь надо же с чего-то начинать! Вот, сейчас покажу… – Оливия бросилась вытаскивать из нижнего ящика тумбочки стопки каких-то старых журналов, кидая их прямо на пол, пока не откопала между ними большой желтоватый конверт. – Вот, смотри! Узнаёшь?

Несколько качественных цветных снимков перекочевали из конверта в руки Дженнифер. На первом снимке на небольшой освещенной сцене стояла рыжеволосая красавица в старинном платье, а рядом с ней – с бутафорской шпагой на поясе…

– Это что… Саймон? – изумилась Дженни.

– Конечно, Саймон! А кто ж еще! – хмыкнула Оливия. – Видела б ты его в образе! Ни у кого так хорошо не получалось играть, как у Саймона…

Дженнифер с интересом рассматривала фото.

– Я тут исполняла роль Афродиты, – не без гордости призналась Оливия. – Чудесный спектакль получился! А вот и Саймон: здесь он – вестник богов. А вот это – Джек, правда, у него не слишком-то получалось. Зато он хорошо смотрится в образе Геракла…

– Неужели в этой больнице есть театр? – такая мысль казалась Дженни невероятной.

– Есть… Только он тайный. Правда, я думаю, доктор Руфф давно знает о нем, но просто закрывает на это глаза… Для него наш театр – всего лишь невинная шалость сотрудников, для меня же – воплощение моей мечты… Он в подвале. Идем, идем прямо сейчас, я покажу тебе мое королевство! – Она, взяв Дженни за руку, поспешно потянула ее в коридор, затем вниз, потом в подвал. Открыв дверь, Оливия приветственным жестом

пригласила Дженнифер. – Вот, вот мое королевство! Добро пожаловать!

Включив свет, она быстро подбежала к небольшой сцене. Дженни с интересом оглядывалась: обстановка театра выглядела очень просто и даже, можно сказать, бедно, однако от всего здесь веяло большой любовью.

– Я тут все сделала сама! – с гордостью произнесла Оливия со сцены. – Занавес шила из старых простыней… А костюмы – из цветных занавесок!

– А кто перенес сюда мебель? – спросила Дженни, разглядывая ряды старых стульев, явно требовавших ремонта.

– Вся тяжелая работа легла на плечи Саймона и Джека, – махнула рукой Оливия. – Знаешь, они такие милые!

Дженни не смогла сдержать улыбки.

– Как же ты их заставила? Таскать сюда мебель да еще потом играть на сцене?

Оливия очаровательно улыбнулась:

– Заставлять не пришлось… Если у тебя красивая внешность, то многие вопросы решаются сами собой. Все любят красивых людей. Красота – это то, что дает тебе возможность подняться над остальными, над толпой, которая будет тебя обожать, ловить каждый твой вздох, каждый взгляд…

Несостоявшаяся актриса произнесла свой монолог так страстно и артистично, что у Дженни зародилась мысль о ее несомненном таланте.

Оливия вмиг будто бы вся расцвела. Плечи распрямились, в глазах появился блеск – словно уже сейчас она стояла перед камерой и смотрела не на Дженни, а на своих настоящих зрителей.

– Если нет красоты – ты никому не нужен. И тогда – незачем жить… – тихо сказала она, отстраненно глядя куда-то сквозь стену. Однако тут же стряхнула с себя грустные мысли и улыбнулась Дженнифер: – Но нам с тобой подобное не грозит! Мы обе – красотки. Толпа поклонников будет целовать наши следы…

– Хорошо бы для начала просто выбраться отсюда, – вздохнула Дженни.

– Я не знаю, чего ждет доктор Руфф, – промолвила Оливия с некоторым раздражением. – Я уже говорила с ним о тебе, но он считает, что еще не время…

– Время – для чего? Чтобы выписать меня? – едва выдохнула Дженнифер, хватаясь за блеснувшую вдруг перед ней лучиком надежды призрачную соломинку.

– Нет. Не совсем… – уклончивый ответ Оливии тут же погасил тлеющую надежду. А то, что она промолвила дальше,

было вообще не к месту: – Ну вот скажи, чего бы ты хотела? Чего тебе больше всего не хватает?

– Папы и мамы, – быстро, не задумываясь, ответила Дженни. – И свободы.

– Ну, родителей вернуть тебе никто не сможет… А вот что-то для себя, такое, ради чего стоило бы пожертвовать чем-то ценным…

– У меня нет ничего ценного… Чем я могу пожертвовать? – грустно улыбнулась Дженни. – Конечно, кроме этой дурацкой пижамы. Ее могу отдать с радостью.

– Смешно, – кивнула Оливия, хотя и тени улыбки не было на лице девушки. – Но это только ты так думаешь, что нечем… – она загадочно улыбнулась и приложила палец к губам, словно сама себя успокаивала.

– Расскажи мне, я чего-то не понимаю… – начала было Дженни, однако Оливия остановила ее жестом.

– Еще не время… Думаю, скоро ты все узнаешь. – Она принялась искать что-то в большой шкатулке на столе, как бы говоря, что разговор закончен.

Вздохнув, Дженни подошла к стоящей возле стены кровати. Конечно же, и эту стену тоже украшала гора плакатов и постеров. Но среди них были также фотографии в простых дешевых рамках. На одной из них красовалась Оливия во весь рост; в роскошном вечернем наряде она и впрямь походила на кинодиву. Следующий снимок оказался групповым: мужчина в центре с попугаем на плече был, бесспорно, доктором Руффом. Вот и медбратья, толстая Игла и еще какая-то медсестра, Оливия же немного сбоку, возле высокого молодого человека с усами, а рядом – девушка, чье лицо тоже показалось Дженнифер отдаленно знакомым.

– Мне, наверное, пора идти, – обратилась она к Оливии. – А то меня еще начнут искать.

– Да, конечно, я провожу тебя, – согласилась та.

Но уже у самых дверей Дженни вдруг вернулась к фотографии.

– Слушай, ты тут отлично смотришься! А кто этот, усатый? Небось, воздыхатель?

Откровенная лесть, видимо, пролилась бальзамом на сердце Оливии.

– Ну, он, конечно, меня добивался, – улыбаясь, кокетливо ответила девушка. – Эти мужчины такие самонадеянные…

– А это кто, с другой стороны?

– Одна из сотрудниц, – пожала плечами Оливия. – Зачем она тебе?

– Не могу вспомнить, где я ее видела…

– Это Люсиль, и ты не могла ее видеть. Она… Она здесь уже больше не работает.

– А почему? – Дженни продолжала изучать фотографию с самым невинным видом. – Она стоит рядом с тобой, улыбается. Вы смотритесь как подруги.

Лицо Оливии вдруг помрачнело; видимо, эти воспоминания угнетали ее. Но все же она ответила:

– Мы никогда не были подругами, хотя к ней все относились хорошо. Ее направили сюда на практику. Люсиль была врачом и, кажется, хорошим – пациенты, с которыми она работала, быстро привязались к ней. Сначала она помогала доктору Руффу, а потом… Что-то произошло между ними. Мне не известно, что именно, однако Люсиль собралась уходить. В последний день перед ее отъездом на третьем этаже произошел пожар, и… Я не знаю, почему она не смогла выбраться… – Оливия замолчала, неподвижно уставившись на фотографию. Потом тряхнула волосами, словно сбрасывая с себя тяжелые воспоминания. – Забудь об этом! Это было давно… И вообще, тебе пора возвращаться, – добавила она уже с явным раздражением в голосе. Ее недавнее хорошее настроение испарилось без следа.

Но Дженни совсем не жалела, что расстроила приятельницу, – то, о чем она узнала, оказалось еще одной страницей мрачной истории клиники доктора Руффа.

Вернувшись обратно, чтобы снова крутиться в унылом колесе больничных будней, Дженнифер все-таки мысленно время от времени возвращалась к той фотографии. Что-то притягивало к ней внимание, словно это была очередная деталь странной головоломки, которую предстояло разгадать.

Раньше, еще в той своей счастливой жизни, она любила собирать картины из пазлов. Ей нравилось наблюдать, как частицы с беспорядочным, казалось бы, набором цветных пятен и линий, занимая свое место, превращаются в элементы единого узора. И, только сложив их все в правильном порядке, можно увидеть всю картину целиком…

Уже поздно ночью, погружаясь в темные глубины сна, Дженни вдруг вспомнила, где видела лицо той молодой женщины с фотографии… И от этого понимания ей снова стало страшно…

Глава 28
Сколько стоит надежда

Напрасно Дженнифер надеялась, что инспектор – та самая мулатка, которая раньше показалась ей неискренней, придет снова. Повторного визита не было; то ли социальная служба сочла, что Дженнифер Паркер в надежных руках, то ли по иной причине, однако больше в клинику для душевнобольных никто не наведывался. Не вспоминали о девушке и дальние родственники, имена которых она иногда перебирала в памяти ночами, словно нанизывала стеклянные бусины на ниточку надежды. Но ниточка оставалась слишком тонкой…

Возможно, социальный работник, имя которой теперь почему-то затерялось в глубинах памяти Дженни, не выполнила свое обещание напомнить родственникам о ее существовании. Либо судьба Дженнифер не интересовала их. Но какой бы ни была причина, до сих пор безнадежно унылое существование девушки никто извне не тревожил.

Подсказка, подарившая еще один лучик надежды, пришла, как всегда, неожиданно…

Вместо обеденного сна Дженни слушала болтовню Эммы, изображая вежливый интерес к ее бесконечным рассказам о хитросплетении вымышленных судеб из какого-то очередного сериала, о котором та вспомнила почему-то именно сейчас и тут же решила рассказать подругам. Но когда среди пустых звуков обычных имен вдруг мелькнуло имя Николь, Дженни едва не подпрыгнула на кровати.

– Конечно – Николь! – воскликнула она во весь голос.

И Эмма, и София удивленно оглянулись в ее сторону, однако Дженнифер не собиралась ничего им объяснять.

Конечно же, Николь! Почему она раньше не вспоминала о ней? Может, потому, что та часто была в разъездах и в последние годы редко наведывалась к ним? Но ведь сейчас она могла быть в городе. Близкая подруга мамы, еще, кажется, и дальняя родственница… Они виделись нечасто, однако Элисон сама не раз говорила, что Николь – «единственная подруга, которая заслужила так называться». Что их связывало и насколько давней была эта дружба, Дженни точно не знала. Но если дочь близкой подруги в беде, та никогда бы ее не оставила. По крайней мере, Дженнифер очень надеялась на это…

Текст письма возник как-то сам собой, и девушка еле дождалась часа досуга, чтобы, не привлекая лишнего внимания,

схватить в руки карандаш и бумагу. Дженнифер была немногословна, однако вложила в свое послание все, что умела сказать. Вспомнить адрес она тоже смогла легко, ведь несколько раз вместе с мамой ходила в гости к Николь и хорошо помнила ее дом. Проблемой оказалось другое – у нее нет ни марки, ни возможности отправить письмо.

Сложив лист бумаги конвертиком и наскоро нацарапав адрес, Дженни поспешила спрятать свое сокровище. Но что делать с ним дальше? Разве что найдется хоть один друг. А что, если…

– Джек, я могу попросить тебя об одной услуге?

– Конечно, – с готовностью отозвался повар, не прерывая своего занятия – огромным ножом он резал листья салата.

Дженни протянула ему сложенный листок.

– Я очень хочу увидеть одного человека. Это женщина, подруга мамы. Но отправить письмо не могу – у меня даже марки нет. Ты сможешь сделать это за меня?

– Конечно, Дженни, о чем речь! В воскресенье я как раз собирался прокатиться в город. Давай сюда свое письмо.

Чуть поколебавшись, девушка вложила листок в протянутую ладонь Джека.

– Только… Пусть это останется между нами, хорошо? – наверное, в ее голосе звучали тревога и надежда, потому что повар, наконец оставив салат, внимательно посмотрел на нее.

– Я друзей не обманываю. Тем более что не вижу в твоей попытке связаться с внешним миром ничего такого… Всем хочется, чтобы кто-то о них помнил. Я бы тоже написал кому-нибудь… Только некому, – добавил он тише и снова вернулся к своей работе.

Уходя из кухни, Дженнифер уже не сомневалась – он выполнит просьбу. Но будет ли от этого польза?

Однако не прошло и нескольких дней, как рядом с одной призрачной надеждой появилась другая, такая же неожиданная.

Это случилось ночью. Яркий свет ударил в лицо – и резкий звук чужого голоса грубо ворвался в ее сон.

– Вставай! Доктор Руфф ожидает тебя.

От ослепительного света Дженни заморгала, абсолютно не понимая, что с ней происходит. Лишь когда Лео отвел луч фонарика в сторону, она увидела лицо санитара, склонившегося над ней.

– Быстрее, спящая красавица, или мне придется нести тебя на руках…

От масляной усмешки местного ловеласа девушку

передернуло. Заехать бы ему хоть раз по роже…

Дженни решительно сбросила со своего плеча цепкую руку санитара и встала с постели. Быстро нащупав халат, набросила его себе на плечи и впрыгнула в тапочки.

Все соседи по палате спали. Храп Джастина зависал в воздухе подобно звучанию неисправного двигателя – ссс-чах-чах-чах-чах…

Странно. За окном еще темно.

– Вы уверены, что доктор ждет меня? Вроде бы рано. Или – уже поздно…

Но Лео, подхватив девушку под локоть, потащил ее к выходу.

– Уже не поздно, девочка. Как раз вовремя, – засмеялся он, и Дженнифер не поняла, что именно его смешит.

Поднимаясь на второй этаж и на ходу окончательно стряхивая с себя сон, она вдруг вспомнила все странные намеки со стороны Джека и Оливии. Они говорили о том, что доктор Руфф что-то должен ей предложить. Но что именно? Что такого есть в методах Руффа, о чем могут знать повар и уборщица в его лечебнице?

Дверь в кабинет врача оставалась приоткрытой.

– Прошу! – Лео галантным жестом открыл ее перед Дженнифер и захлопнул, как только она переступила порог.

В кабинете доктора царил полумрак. Свет излучала лишь низенькая настольная лампа, громоздившаяся на столе и напоминавшая блеклый желтый гриб. Уловив в воздухе знакомый запах, Дженни удивленно подняла глаза и удивилась еще больше: доктор Руфф, небрежно развалившись в своем кресле, курил сигару, пуская вверх круглые колечки дыма. Безупречный черный смокинг, в который сейчас он был одет, настолько же странно и не к месту смотрелся в кабинете главврача психбольницы, как и его сигара. Необычную картину завершала полупустая бутылка виски на столе.

Был ли доктор пьян, определить Дженнифер не смогла – его лицо, по обыкновению, гладко выбритое, выглядело как обычно. Разве что непонятная полуулыбка блуждала на тонких губах.

– Дженнифер Паркер? Проходи, проходи, – он посмотрел на девушку через стеклышки очков и тут же снял их, будто они мешали ему видеть. Жестом предложил присесть в кресло.

Дженнифер нерешительно опустилась на краешек. Несколько минут доктор просто молчал, глядя поверх ее головы, словно видел где-то там, в глубине комнаты, нечто чрезвычайно интересное, зримое только для него.

– Как ты себя чувствуешь, Дженнифер? – наконец он остановил взгляд на Дженни, отчего ей стало еще более неуютно.

– Спасибо, хорошо, – пробормотала она и тут же поспешно

добавила: – Мне кажется, я совершенно здорова. Мои галлюцинации прошли, и…

Доктор махнул рукой, прерывая разговор, затем скорчил презрительную гримасу.

– Девочка, у меня нет желания выслушивать эти бредни. Поверь мне, я знаю, что твои видения НЕ прекратились, и тебе не получится убедить меня в обратном.

От подлой усмешки на его лице Дженни захотелось плакать. В то же время волна обиды и злости поднималась в ней, захлестывая сознание. Почему, почему он обращается с ней, словно с бесправной пленницей, или – что было бы точнее – больным животным, над которым разрешено ставить опыты?

«Потому что здесь ты и есть подопытный зверек», – сказал вдруг внутренний голос. Соглашаясь с ним, она тут же растеряла всю свою прежнюю решительность.

Заметил ли доктор, какая буря чувств завладела в этот момент его пациенткой, или нет, но продолжал он уже более спокойным тоном:

– Сейчас мы будем говорить о другом. Понимаешь ли, девочка… В нашей клинике применяется один экспериментальный метод лечения. О нем известно мало за стенами лечебницы, но это не делает его менее эффективным. Данный метод очень действенный. Больше никаких галлюцинаций, никаких страхов – никогда. Только свобода делать все, что ты хочешь. Не оглядываясь на прошлое, – он выделял каждое слово, но это было излишне – девушка и так ощущала силу его речи – кажется, всей кожей.

Доктор Руфф неожиданно оказался рядом с ней, заглядывая в глаза так, словно хотел заглянуть в самую душу. От его «осмотра» хотелось спрятаться, между тем поступить так она была не в силах. И, преодолевая страх, Дженни ответила смелым взглядом. Зрачки доктора вдруг вытянулись и сверкнули, будто у дикого животного.

«Как у Джека», – мелькнула мысль в голове Дженни.

– Ты не только избавишься от своих проблем, ты обретешь новые способности, о которых сейчас и мечтать не смеешь. Самое заветное твое желание будет исполнено. Но, как ты понимаешь, за все надо платить…

Доктор наконец оторвался от Дженни, и его глаза снова стали нормальными.

«Крррр-кхх!» – громкий скрипящий звук долетел вдруг со стороны клетки, заставив девушку вздрогнуть. Большой белый попугай, к ее удивлению, сейчас не сидел в клетке, а разгуливал по краю книжной этажерки. Его когти, царапая лакированную

поверхность, производили неприятный скрежещущий звук.

Птица взмахнула крыльями, неуклюже пролетела пару метров и тяжело опустилась на плечо доктора.

Руфф, протянув руку, достал из-под стола небольшую тарелочку с кусочками сырого мяса. Один за другим, он скармливал их странному попугаю. Тот ел с невероятной прожорливостью, чуть ли не выхватывая куски из рук своего хозяина. Сцена произвела на Дженни гнетущее впечатление.

– А в чем состоит такое… лечение? – осторожно спросила она, обращаясь к доктору, но глядя почему-то на попугая. Грузная белая птица показалась ей зловещей.

– Ну, скажем так, это мое ноу-хау… – доктор улыбнулся, и его улыбка не понравилась Дженни. Во всем ощущался скрытый подтекст, которого она пока не понимала. – Это что-то вроде гипнотерапии. Один сеанс – и пациент чувствует себя и даже выглядит совсем по-другому. Он становится не только здоровым, но и сильным.

– Как Джек? – вдруг само собой сорвалось с уст Дженни, и доктор удивленно приподнял брови.

– Да, как Джек, – осторожно ответил он.

– И как… Оливия? – еще тише спросила Дженнифер. Она сейчас, возможно, рисковала, но знать правду было важнее.

– Хм… А ты знаешь больше, чем следовало бы, – промолвил Руфф. – Ладно, тогда и я скажу больше, чем собирался. Мне нравится твоя смелость и твое любопытство. Думаю, от тебя будет больше пользы как от моей помощницы, а не пациентки. Я предлагаю тебе пройти один особый сеанс и стать частью нашей команды.

– А какова за все это… моя плата?

– Насколько мне известно, тебе принадлежит неплохой дом на улице Канталь… Ты откажешься от своего имущества. В пользу благотворительного фонда, возглавляемого мной, – лицо Руффа расплылось в ухмылке. – Я в курсе, что ты являешься единственной наследницей. Вернее, вступишь в свои права, когда станешь совершеннолетней.

– А если я… откажусь?

Он с деланным безразличием пожал плечами.

– Конечно же, ты имеешь на это право. И можешь оставаться обычной пациенткой, далее принимая лечение. Но ведь душевные заболевания – вещь очень ненадежная. И лечиться можно годами… А еще вероятны разного рода осложнения… – Руфф снова выразительно посмотрел на Дженнифер.

– Мне надо подумать.

– Конечно, это тоже твое право. Думай. Я тебя не

ограничиваю во времени. А когда надумаешь, просто скажешь мне о своем решении. Хорошо?

Дженни, кивнув, поднялась со своего кресла. Не оглядываясь на доктора, она пошла к двери, где ее уже ждал Лео. Схватив девушку под локоть, словно они были закадычными друзьями, санитар повел ее к лифту.

«Так вот, чем занимается доктор Руфф! Путем шантажа, он заставляет пациентов передавать ему свое имущество… Наверняка не я первая в этой схеме, если Руфф говорит обо всем так легко. А в случае неповиновения… Что тогда? Он намекнул об осложнениях, случающихся в лечении. Да и такая «терапия» может длиться годами. Иначе говоря – пока он сам не захочет, мне отсюда не выбраться…»

Не в первый раз Дженнифер остро пожалела о том, что там, в огромном свободном мире, до сих пор не нашлось ни единого человека, кто волновался бы о ее судьбе…

Глава 29
Второй визит почтальона

Все продолжалось пока без изменений – таблетки, головокружения, полубредовые сны, и в них ей снова и снова мерещился то бурый волк, воющий в лесу, то ворон, долбящий клювом обледеневшее после ночных заморозков окно.

Белый снег покрыл дорожки во дворе, поэтому желтый свет фонаря по ночам казался еще более слабым.

Зимнее замедление жизни перешло и на всю больницу: меньше стало криков буйных и куда больше – безразличных взглядов пациентов, безвольно позволяющих санитарам возить себя на каталках. Они смотрели куда-то прямо перед собой, ничего не замечая вокруг. Казалось, души этих людей улетели в лучший, теплый мир, подобно перелетным птицам. Мир, в котором они кому-то были нужны…

Общаясь и дальше со своими друзьями, Дженнифер не без удивления узнавала подробности их историй. Раян сказал тогда правду – ни у кого из них, действительно, не было близких родственников. Или просто того, кто взял бы на себя заботу о не совсем здоровых молодых людях. Осторожно, чтобы не вызвать лишних вопросов, Дженни попыталась разузнать, не делал ли доктор Руфф им каких-либо предложений. Но ответы убедили ее в обратном – никто не слышал от врача ничего подобного. Неужели только ей выпала такая «честь»? Или она просто находится ближе прочих к выздоровлению и доктор поспешил перестраховаться?

Конечно, Дженнифер, ставшей сиротой, совсем не хотелось лишиться жилья. Должен быть другой выход – как обрести свободу без таких потерь… Об этом ли говорили ей Джек и Оливия? Неужто они тоже остались без гроша за душой и сейчас именно потому и жили в клинике?

Девушка хотела было расспросить Джека, но он просто ушел от разговора, объяснив, что сейчас «не самый лучший момент». Действительно, в последнее время повар становился все более раздражительным, и это затрудняло общение с ним.

Однако Дженнифер замечала и еще одно: с каждым днем, проведенным в больничных стенах, все меньше сил чувствовала она в себе, словно кто-то невидимый по капельке выпивал из нее жизнь. Будто паук, прячась в незримом темном царстве, отравленном собственным дыханием, заставлял ее сердце биться все медленнее, опутывая, словно липкой паутиной, тяжелым

сном. И, если достаточно в ней увязнуть, из нее не выбраться, не вынырнуть наружу…

Она не торопилась с ответом доктору. Пока не увидела почтальона – снова. Он спускался по лестнице, осторожно шагая со ступеньки на ступеньку ногами, обутыми в большие меховые ботинки. Широкополая шляпа скрывала пышную седую шевелюру; небольшого роста аккуратный старичок, он по-прежнему походил на Санта-Клауса. Но, увидев его, Дженни почувствовала, как мгновенный озноб пробежал по ее спине и ледяные щупальца страха заползли под кожу. Вот он, вестник чьей-то смерти!

Почему-то, она больше не сомневалась: почтальон не мог принести обычное письмо или газету. Она ясно представила, как он достает из заплечной сумки там, перед дверью директора, плотный голубой конверт… И вскоре кто-то снова умрет.

Дженни решила не делиться новостью о почтальоне с Раяном; парень и так сник, словно скованный морозом молодой стебель; что-то надломленное ощущалось в нем. Даже говорить он стал тихим голосом, казалось, у него уже не хватало сил на то, чтобы произносить слова нормально.

Один раз она проснулась в палате от того, что услышала голоса – его и Джастина. Джастин плакал, как маленький потерявшийся ребенок, а Раян пытался его утешить. Ведь он и был потерявшимся – если забываешь себя, разве можно потеряться еще больше? Спокойным, тихим голосом Раян, будто знакомую сказку, рассказывал о победах и титулах Джастина, известного боксера. О толпах поклонников, которые сейчас забыли своего кумира. О том, каким отличным бойцом он был там, в своей другой жизни. И о том, что один неудачный бой оборвал эту жизнь и привел его сюда… Джастин, всхлипывая, слушал; и было невероятно жаль этого большого и сильного человека, вместе с ненадежной памятью потерявшего себя в качестве бойца.

Одиночество – вот те невидимые узы, связующие пятерых, таких непохожих друг на друга людей. Чувство, понятное им всем. И лишающее их будущего…

И сейчас, глядя вслед уходящему почтальону, Дженни вдруг приняла решение.

Глава 30
Непрошеный совет

Доктора Руффа не оказалось на месте – по крайней мере, так сказал санитар, к которому она обратилась с просьбой отвести ее к главврачу.

– Придется ждать утречка, милая, – проворковал Лео, скользящим жестом прикасаясь к ее талии.

Дженни одернула его руку, но старый ловелас только усмехнулся, закатив глаза, словно всем своим видом говорил «ох уж эти женщины…»

Общаться не хотелось, да и другие были не настроены на разговоры. Приняв обычные лекарства, Дженни вскоре почувствовала, что проваливается в сон.

Но заснуть ей помешали: дверь открылась, и на пороге вырос Айвен, вооруженный фонариком. Никому ничего не объясняя и явно чувствуя себя на своей «охотничьей» территории, медбрат начал обшаривать тумбочки – спокойно и деловито, словно он был сейчас в палате один, а вся еда – то, что пациенты припрятали после обеда или им передал сердобольный Джек, принадлежала только ему.

– Как вам не стыдно, Айвен! Вы же обкрадываете больных! – подала было голос Эмма, но луч фонарика тут же впился ей в лицо, ослепляя его.

– Заткнуться всем! – рявкнул Айвен, однако не с обычной раздражительностью, а как-то даже лениво. – И спать! Не положено в больничных тумбочках хранить еду, понятно? Нам тут только мышей не хватало…

Спорить с ним никто не стал – это было точно бесполезно, и Айвен спокойно обыскал остальные тумбочки, выгребая оттуда все съестное в большой пакет. Закончив свое дело, он так же не спеша, вразвалочку, потопал обратно, опять скользнув лучом по лицу Эммы, которая лишь приглушенно охнула, закрываясь руками.

Когда дверь за ним защелкнулась и тяжелые шаги проскрипели по коридору, в тишину палаты вплелся звук приглушенных рыданий. Дженни приподнялась на своей кровати; возле плачущей Эммы уже сидела София и успокаивающе гладила ее по плечам.

– Ну что ты в самом деле? Первый раз, что ли? Он регулярно еду выгребает, так что ж теперь – вешаться? Да пусть он ею подавится, гадина такая! Ну, не плачь…

– Да я не из-за еды, – сквозь всхлипывания подала голос Эмма. – Просто… Обидно. Нас за людей тут не считают, делают, что хотят… Ведь мы – никто! Зайцы в ловушке…

– Не такие уж и зайцы… – начала было София, но Эмма лишь отмахнулась, зарывшись поглубже в одеяло.

Дженни хотела подойти к ней, однако Раян остановил ее жестом:

– Пускай! Она так быстрее успокоится…

Говорить и в самом деле было не о чем – правота слов Эммы казалась настолько очевидной, что оспаривать ее никто не посмел.

Разделяя невеселые думы, обитатели восемнадцатой снова устроились на своих постелях.

Минут через десять палату уже наполнили звуки ровного дыхания четырех людей – из всех пока не удалось уснуть лишь Дженни. Но когда она, повернувшись лицом к стене, решила-таки заставить себя уснуть, возле ее кровати появился светящийся сгусток. На глазах светлый шар стал менять свою форму, растягиваясь паутинками, пока не превратился в женский силуэт.

Еще раз взглянув в лицо женщины, Дженни больше не сомневалась – перед ней была Люсиль – врач с фотографии в комнате Оливии.

– Зачем ты пришла? – не поднимаясь с кровати, первой заговорила Дженни. Сейчас ее не волновало, услышат ли разговор соседи – наверняка они давно привыкли к странностям друг друга.

– Ты не должна соглашаться на то, что он тебе предложит, – тихий голос прозвучал у нее в голове. – Он обманет тебя.

– Он уже предложил, если местные призраки еще не в курсе, – непонятно почему съязвила она. – И какого еще ждать обмана, коль он хочет просто лишить меня всего, что у меня есть? Но взамен я получу свободу.

– Он обманет тебя. Ты не выйдешь отсюда живой, – продолжала женщина-призрак, с грустным выражением лица глядя куда-то сквозь Дженни.

– Откуда ты знаешь? Он и тебе предлагал это?

Словно не услышав вопроса, женщина-призрак продолжила свой сбивчивый рассказ:

– Демон забирает души… Почтальон, приносящий конверт, – это посланник ада. Он приходит тогда, когда демону нужна новая жертва… И он ее непременно получит, таков уговор… Мне тоже была уготована подобная судьба – увы, я поняла это слишком поздно. Демон не принял мою душу – такое случается… Но и уйти я не могу – чары черного мага держат меня здесь взаперти…

Не повтори моей участи.

Женщина-призрак начала таять, ее очертания истончались, словно стирая с себя многослойный дым.

– Скажи мне: как нам выбраться отсюда?!

В ответ – молчание…

– Люсиль, помоги мне, прошу!

– Розовая таблетка, – ответила уже почти невидимая женщина-призрак. – В ночь ритуала, в полнолуние, в больнице никого не будет, кроме одного стража…

Силуэт продолжал таять, и в воздухе над головой Дженни висел только маленький язычок дыма. В этот миг она крикнула:

– Могу ли я помочь тебе?

Но ответа не было…

Дженнифер не пришлось открывать глаза – они были широко открыты, когда женщина-призрак исчезла совсем. Ущипнув себя за руку, Дженни почувствовала боль, но безнадежно поняла, что даже своим ощущениям доверять больше не может. Наверное, она еще спит и ей снится сон. Кто приходил к ней? Кем была сейчас эта странная женщина, и можно ли доверять ее словам?

Подумав еще, Дженнифер с горечью осознала, что не доверяет Люсиль. Ни ей, ни кому-то другому. Она одна должна принимать решения. И лишь на ней будет ответственность. А все иное… Такой же обман, как и невнятный дым, который то ли снился, то ли был на самом деле.

Плевать на то, что думают призраки. Если у нее есть шанс, она должна попробовать. А деньги… Разве может быть что-то дороже свободы?

И утром Дженни снова стояла в кабинете главврача.

– Я согласна, доктор Руфф, – произнесла девушка, едва переступив высокий порог. – Но только при одном условии.

Сложив руки на груди, Руфф молча наблюдал за ней, словно она была занятным диким зверьком, который неизвестно что сейчас выкинет.

– Я откажусь от своего наследства в пользу вашего фонда, если вместе со мной вы отпустите и четверых моих друзей. Я говорю о пациентах из восемнадцатой палаты.

Руфф улыбнулся – Дженни еще не видела, чтобы он улыбался так – широко и весело, словно она только что поведала ему нечто очень смешное.

– Пожалуй, в моей работе есть один бесспорный плюс: иногда можно услышать такое, что не лезет ни в какие ворота… Это исключено, Дженнифер Паркер. Не-воз-мож-но. Или как ты себе представляешь подобную затею? Из ворот выходят пятеро пациентов и под звуки фанфар идут прямо к алеющему закату? А

дальше? Всех твоих друзей уже на следующий день снова доставят сюда. Либо в другую больницу.

– В другой больнице, возможно, им окажут реальную помощь. А здесь… Их по-настоящему никто не лечит, – негромко, но твердо ответила Дженни, храбро глядя прямо в глаза доктору.

Он тут же нахмурился.

– А это не вам судить о моих методах лечения. Уходите. Будем считать, что нашего разговора никогда не было.

– Даже если я расскажу о нем социальному работнику? – так же негромко, но уверенно произнесла девушка.

– Особенно, если вы о нем кому-нибудь расскажете, – проговорил доктор с ударением на каждом слове.

Дженни молча повернулась, чтобы выйти из кабинета. Руфф ей не препятствовал. Но когда возле самой двери их взгляды встретились снова, девушка пожалела о сказанном. Кроме того, она поняла, что с этого момента уже не может ручаться за собственную безопасность.

Глава 31
Игра

– Таблетки… Если я не ошибаюсь – а я более чем уверена, что это так, – нам сегодня принесут розовые таблетки, – говорила Дженни, собрав вокруг себя других обитателей восемнадцатой.

Один Джастин не изъявил желания присоединиться, поэтому они все стояли возле его кровати.

– Луна, – вдруг сказал бывший боксер, не отрывая задумчивого взгляда от окна.

– Что? – переспросила Дженни. Слышать от Джастина какое-либо высказывание, даже если оно совсем не в тему, было неожиданностью.

– Луна. Она теперь полная. Сегодня полная луна.

Дженни только раздраженно отмахнулась.

– Мы сейчас говорим не об этом. Розовые таблетки! Придумывайте, что хотите, но глотать их нельзя! Иначе мы упустим свой шанс.

– Какой шанс? – усталым голосом спросила Эмма, которая продолжала стоять со скучающим видом, словно говорили здесь о вещах ужасно нудных и опостылевших.

– Я говорю о шансе на побег! – почти выкрикнула Дженнифер, и выражение лица ее собеседницы тут же изменилось.

– Алекс? Это Алекс передал тебе весточку? Он нам поможет, да? – залепетала девушка, а Дженни с сожалением поняла, что некоторая доля истины в словах доктора Руффа все же была: до выздоровления им еще ой как далеко…

– Пусть будет Алекс, – неожиданно согласилась она. – И вот что он просил нас сделать…

…Накрашенная, что уже стало привычным для нее, и на редкость красивая Эмма шла по коридору, томно опираясь на руку санитара Лео, словно ей трудно было идти самой.

– Вот они! – шепнула Дженни Софии, которая быстро кивнула. Обоих парней девушки предусмотрительно выпроводили из палаты.

«Какая же она все-таки хорошенькая!» – мимолетно подумала Дженнифер, невольно любуясь своей соседкой. Сейчас, с горящими глазами и чуть излишним румянцем на круглых щеках, Эмма действительно выглядела настоящей красавицей. Стоило ей всерьез погрузиться в мир своих грез, в котором где-то там, возле

старой церкви, ее ждал возлюбленный Алекс, ждал ее – свою любимую, как она моментально преображалась, превращаясь из унылой бледной пациентки в привлекательную девушку.

Но и Лео был сейчас погружен в свои грезы не меньше Эммы: наверное, рядом с ней он представлял себя этаким Дон Жуаном, страстным мачо, похищающим девичьи сердца. Его походка, взгляды, которыми он откровенно раздевал девушку, даже слегка дрожащий голос, когда, склонившись над ней, шептал на ухо что-то забавное, от чего Эмма еще больше улыбалась… Сам себе он, должно быть, казался неотразимым мужчиной… не подозревая, что со стороны полулысый долговязый санитар рядом с хихикающей пациенткой выглядел просто смешно.

Девушки подбежали к окну, делая вид, будто рассматривают там, на заснеженных тропках, что-то крайне интересное, когда Эмма и Лео вошли в палату.

– Я не могу, дорогая. Только не сегодня. Сегодня вечером я буду очень занят. Так жаль… – ворковал Лео, схватив Эмму в свои цепкие объятия.

– У… – она капризно надула губки, словно и вправду была огорчена. – А я надеялась, что ты придешь ко мне сегодня вечером. Мы могли бы посмотреть на луну…

– Обязательно, крошка. Но не сегодня. Это разбивает мне сердце, но я не могу быть с тобой этим вечером. Долг превыше сердечных порывов…

Прикрыв рот рукой, чтобы не прыснуть от смеха, Дженни еле сдерживала себя, одновременно восхищаясь выдержкой Эммы. Это ж надо – такое терпение! Вот кто настоящая актриса!

– А когда? Когда мы сможем увидеться? – продолжая улыбаться, Эмма бросила в сторону подружек выразительный взгляд.

– Что? Свидание? Лео назначил тебе свидание? Как интересно! – воскликнула София, подбегая к парочке в углу. – Расскажи нам!

– Мы тоже хотим посмотреть на луну! – подключилась к игре Дженни. Преодолев отвращение, она подбежала к Лео и кокетливо склонила голову ему на плечо. – Почему только Эмма пойдет с тобой на свидание? А мы?

– Лео, дорогой, неужто мы хуже Эммы? – промурлыкала София, обнимая старого ловеласа за шею.

С другой стороны на нем тут же повисла Дженни.

– Да, Лео! Посмотри на нас! Мы тоже красивые!

– Девочки, девочки, не все сразу! – обалдевший от такого внимания, санитар принялся беззастенчиво обнимать девушек. – Конечно, вы все мне нравитесь, но я же не могу пригласить

одновременно троих…

– А почему – нет?

– Ты хочешь нас обидеть? – София и Дженни принялись игриво трепать ему волосы и щекотать шею.

Эмма, наблюдавшая всю эту сцену молча, вдруг сердито топнула ногой и схватила обеих за руки.

– Нечего приставать к моему парню! Лео назначил свидание мне! Уходите!

– Хм… Ну и ладно! – махнула рукой Дженнифер, изображая разочарование.

– Но далеко мы не уйдем… Правда, Лео? – София лукаво подмигнула санитару и, схватив Дженни за руку, опять потянула ее к окну.

Счастливый Лео остался в объятиях Эммы. Он, конечно же, не заметил, как за его спиной Эмма подала знак Софии.

– Они завидуют нам, Лео! При них ни слова! Поговорим позже… – девушка выскользнула из рук санитара и вытолкала его в открытую дверь. – Поговорим позже…

– Как скажешь, милая… – проворковал он и скрылся.

Едва Лео вышел, Эмма тут же замахала руками, словно стряхивая с себя его взгляды и прикосновения.

– Ну что? – шепнула она двум другим, которые уже бежали к ней.

– Вот он! – София, сияя как утреннее солнце, помахала у подруги перед носом заветной штучкой, ради которой и был устроен весь этот цирк.

Пропуск санитара оказался в ее руках. Лео всегда таскал его пристегнутым к рубашке под халатом. Видно, у Софии были и другие таланты, помимо продажи никому не нужных цветов-чувств… И куда более полезные, раз небольшой прямоугольник таился сейчас в ее ладони.

– Одна маленькая победа есть, – выдохнула Дженни. – Молитесь, чтобы она была не последней…

Глава 32
Волна удачи

Наверное, успех все же благоволил им: вечером с подносом лекарств вместо Иглы в палату ввалился улыбающийся Лео. Дженни не ошиблась: на подносе стояло блюдце с уже знакомыми розовыми таблетками. От одного их вида девушку передернуло, но она тут же взяла себя в руки, продемонстрировав обольстительную улыбку.

– Так как насчет прогулки, Лео? – спросила кокетливо, забирая стакан с подноса и устремив на противную рожу санитара игривый взгляд. – Может, пригласишь меня?

– Не сегодня, солнышко, только не сегодня, – торопливо шепнул он, быстро оборачиваясь в сторону Эммы.

Этого мгновения оказалось достаточно, чтобы таблетка нырнула за воротник пижамы. Сделав вид, будто она послушно приняла лекарство, Дженни поставила стакан на место и быстро забралась в свою постель.

Беднягу Лео, пожалуй, еще никогда так отчаянно не обольщали сразу три девушки. Дженнифер оставалось лишь надеяться, что их чары сработали и все остальные тоже успели спрятать лекарство, а не глотать его.

– Кто проглотил таблетку? – тут же спросила Дженни, едва за Лео успел щелкнуть дверной замок.

– Я – нет, – быстро ответила София. – Вот она.

– И я тоже, – вздохнула Эмма.

– А ты, Раян?

– Нет, я держал ее под языком…

– Это хорошо, их надо спрятать, вдруг еще пригодятся… Ну а ты, Джастин?

Парень не ответил, только поднял вверх кулак и тут же его опустил. Наверное, это должно было означать, что все в порядке.

– Хорошо. Теперь будем ждать, пока все уйдут…

Дженнифер и сама не полностью верила словам женщины-призрака. Но часть их уже оказалась правдой – им действительно принесли розовые таблетки. О каком ритуале в полнолуние говорила бывшая врач, девушка не знала, но это было сейчас не так важно. Если все действительно уйдут…

Минуты тянулись нестерпимо медленно, как всегда, когда ждешь. На небо из пелены облаков выкатилась круглая, будто свежий блин, луна, и стала беззастенчиво заглядывать в окно.

– Пора? – спросила Дженнифер у ночного светила, но оно тут

же скрылось в наплывшем облаке. – Пора… – прошептала Дженни про себя и поднялась.

Никто больше в палате не шевельнулся.

– Раян! – Дженнифер коснулась плеча парня, однако тот будто застыл. – Джастин! – Та же тишина. – Эмма, София!

Никакого ответа. Все спали. Может, они обманули ее, рассказывая, как спрятали таблетки, а может, иная напасть накрыла их беспробудным сном, однако растормошить хоть кого-то из них не удавалось. А вдруг все напрасно? Что, если их мечты о побеге так же не имеют под собой оснований, как и прежде? Вдруг весь персонал, как всегда, на своих местах, а пришедший призрак – лишь очередная иллюзия? Тогда стоит ли подвергать риску остальных?

Девушка, решительно сунув руку в карман пижамы спящей Софии, выудила оттуда пропуск. Она сама должна узнать, что ждет их по ту сторону.

Ответив негромким писком на прикосновение, крошечный экран на двери мигнул зеленым светом – и щелкнул замок.

Дрожащими руками Дженни как можно тише приоткрыла дверь и выскользнула в коридор.

Тишина. Ее шаги по коридору показались ей самой необычайно громкими – на этот шум, вероятно, должны сейчас прибежать все, кто тут есть… Никого. Еще одна дверь отворилась так же легко.

Очутившись в общем коридоре, Дженни на цыпочках прокралась к лестнице. Пусто. На привычном посту дежурного никого нет. Девушка была уверена, что камеры наблюдения все так же работают – будь там кто-нибудь, ей навстречу уже давно бы кто-то выбежал. Но вокруг по-прежнему тихо. Приглушенный свет льется из продолговатой лампы под потолком. Тускло мигают огоньки пульта в кабинке охраны.

Собрав все мужество – будь что будет! – Дженнифер уже без промедления ринулась к выходу. Еще один щелчок – и дверь открылась перед ней. Холодный воздух зимней ночи жгучей свежестью ударил в лицо.

Девушка в халате и больничной пижаме стояла на пороге больницы, а над ней, высоко вверху, в черном небе, плескалась в тучах торжествующая луна.

Глава 33
Зов свободы

Не веря своему счастью, Дженни сбежала вниз по ступенькам и бросилась в сторону темнеющего вдалеке леса. Неужели так просто? Неужели она на свободе? Невероятная и невозможная удача пьянила. То ли от свежего воздуха, то ли от радости голова кружилась, словно весь мир принялся танцевать сейчас вокруг девушки. Тонкая ледяная корка под ногами хрустела; пласты неглубокого снега поблескивали в лунном свете. Вперед, дальше по этой тропинке, и бежать, бежать без остановок…

Но Дженни все-таки остановилась. Мрачная громада здания высилась уже в стороне, хищной темнотой окон жадно всматривалась в каждое движение Дженнифер. Удача. Невозможное счастье, о котором они так мечтали… Мечтали вместе. А на дорожке к этому счастью стоит сейчас она одна.

Это неправильно. Безрассудно. Безумно. Сдерживая подступающие слезы, Дженни все-таки возвращалась, чтобы разделить надежду с другими. Они не должны оставаться ТАМ. Она обязана спасти их тоже…

Весь обратный путь оказался таким же легким – никто не остановил, не вырос перед ней преградой. Она влетела в палату и увидела все ту же картину – мирно спят, черт бы их побрал!

– Просыпайтесь! Подъем! Путь свободен! Слышите!

Дженни бросалась от одного к другому, но ответа не было – такой же, как раньше, беспробудный сон сковывал тела ее друзей. Неужели все напрасно?!

– Да проснитесь же вы! – Выкрикнула она это вслух, или это был только шепот, Дженнифер не знала. В сердцах топнув ногой, она словно всколыхнула невидимое поле, над которым отозвалась гулкая луна и, разбиваясь от ее бешеного натиска, рассыпалось мириадами колючих осколков. – Просыпайтесь!

Первым открыл глаза Раян. Непонимающим взглядом он смотрел на девушку, словно не мог сообразить, где оказался.

– Раян, миленький, вставай!..

Парень подхватился, неуклюже путаясь в одеяле, и упал с кровати. Тут же подал признаки жизни и Джастин, неожиданно легко спрыгнув с постели, словно и не он только что сотрясал воздух мирным сопением. И девушки тоже просыпались, потирая сонные глаза. Еще не совсем веря в реальность происходящего, Дженнифер отчаянно замахала руками, указывая на дверь и призывая их молчать.

Не прошло и минуты, как вся пятерка была уже в коридоре. Дженни бежала первой, сжимая в руке заветный кусочек пластика так крепко, что его край до крови врезался в ее ладонь, но она даже не заметила этого. Быстрее. Еще быстрее. Драгоценные секунды…

Они выскочили к пульту охраны возле входа так быстро, что застали врасплох полусонного Мэрлока. Он все-таки снова был там, где ему положено… Опешив лишь на секунду, Дженни тут же почувствовала, как налетевший было страх сменяется в ней решимостью. Неужели эта гнусная крыса сможет отнять их свободу? Не ожидая других, девушка первой бросилась на оторопевшего охранника. Не успел он даже выхватить свою резиновую дубинку, как на него накинулись уже все пятеро – звуки борьбы и приглушенный хрип смешались в единую какофонию. Пара точных ударов со стороны Джастина – и трепыхающийся Мэрлок мешком осел на пол. Затащив его в кабинку, парень просиял словно рождественская гирлянда.

– А вдруг он очнется? – София с недоверием уставилась на неподвижное тело в серой униформе.

– Еще не скоро, – произнес бывший боксер с неожиданной уверенностью в голосе.

Дженнифер удивленно увидела сейчас перед собой иного Джастина – похоже, таким спокойным и решительным был тот, другой, забытый чемпион, который вернулся сейчас, подобно небесному ангелу, чтобы выручить их в трудную минуту.

– Пошли!

Теперь уже нет времени останавливаться и оглядываться назад. Кажется, все отлично понимали это – задержек больше не было, и вся команда мчалась по направлению к лесу; иногда кто-то из них поскальзывался на обледенелой тропинке. Вот уже кроны сосен тяжело сомкнулись над головами ошалевших беглецов. Пронзительный холодный воздух врывался в легкие, но Дженнифер давно уже не чувствовала ничего приятнее такого неприветливого лесного ветра и ночного холода – это был ветер свободы. Его порывы свистели у нее в ушах; натужное дыхание других, бежавших рядом, скрип снега и топот ног… Они убегали все дальше, в прозрачную от лунного света ночь, и тени деревьев путались у них под ногами, свиваясь в причудливом танце.

Неизвестно, сколько длился такой бег в звенящей холодом темноте, однако зов свободы согревал сильнее, чем их могла бы греть одежда. Сейчас им не хватало ее, но этого, кажется, не замечал никто…

Чем дальше, тем гуще лес впереди… Вот уже им приходится продираться сквозь растопыренные ветки и вязнуть в снежной

каше. Лес становился все темнее, что только радовало – ведь если их будут искать, преследователей встретит такая же темнота…

Одна из девушек остановилась первой; остальные тоже замедлили движение. Переминаясь с ноги на ногу, беглецы наконец дали себе возможность выровнять дыхание и оглядеться. Вокруг была густая ночная чаща; сбежавшая в облака луна бросала им лишь жалкие обрывки случайного света.

– И куда теперь? – хрипло спросил Раян.

Кажется, он устал больше других; с трудом пряча гримасу боли на изможденном лице, юноша мужественно держался, не выказывая своего состояния.

Дженни вдруг захотелось подойти и обнять его, но она сдержала себя. Не теперь. Не время.

– Через лес проходит дорога. Если будем идти дальше прямо, мы выйдем на нее, – неожиданно спокойно заявила София. Сейчас, разгоряченная от бега и, кажется, уверенная в себе, девушка выглядела вполне здоровой. И верзила Джастин оглядывался по сторонам с такой счастливой улыбкой, будто находился на банкете в собственную честь, а не в ночном холодном лесу.

– Идемте! – решительно скомандовала София и первой пошла напрямик, словно ей одной была известна дорога.

Спорить никто не стал – остальные бодрыми шагами поспешили за ней.

Сколько еще продолжался этот марш через лес, неизвестно, но когда впереди наконец забрезжил долгожданный просвет, луна окончательно спряталась в грязные копны снежных облаков. Уже порядком уставшие, беглецы поднялись по склону небольшого холма, всматриваясь в даль между мачт вековых сосен.

Дорога впереди действительно была видна. И немного поодаль от нее на фоне сереющего неба нелепо громоздилось… знакомое трехэтажное здание психиатрической клиники.

Глава 34
Когда мечты обращаются в пыль

Грязно-желтая полоса рассвета уже рассекала хмурое ледяное небо, когда в третий раз выбившиеся из сил путники вышли все к той же больнице. Теперь зимний ветер игнорировать было невмоготу: он полностью сковывал их движения, неподъемным грузом падал на трясущиеся от холода плечи. Снег забивался в промокшую обувь, совсем не рассчитанную на длительные прогулки по зимнему лесу. Выхода отсюда нет – куда бы они ни поворачивали, неизменно выходили к больнице, словно все дороги сплелись в тугое кольцо и не было другого пути.

Говорить не хотелось. Брошенные слова неизвестно кому адресованных проклятий не согревали тоже. Измученные, продрогшие, утомленные, беглецы считали, что сил не осталось вовсе. Но это было не так: когда впереди послышались громкие крики и замелькали фигуры в зимних куртках, оказалось, что силы на то, чтобы повернуться опять к предательскому лесу и броситься вперед без оглядки, нашлись у всех…

Далеко убежать им уже не дали. Первым попался Раян – юноша просто рухнул под ноги преследователям, поскользнувшись на древесном корне, и его тут же схватили. Следующей оказалась София.

Дольше всех сопротивлялся Джастин; когда девушек скрутили и поволокли по направлению к больнице, он бросился их защищать. И если бы не электрошокеры, санитарам и охране пришлось бы туго…

Как сквозь туман, видела и слышала Дженни все, что происходило дальше. Боль от ударов, крики и ругань, искаженные от злости лица персонала… Будто в бреду проносились обрывки фраз, не достигая сознания, которое не хотело принимать жуткую правду – не хотело отчаянно! Им не удалось. Их опять поймали. Они снова пленники в лапах у монстров… И боль от жгучего укола, и стремительно вслед за ней налетающая чернота показались почти желанными – ведь это было избавлением от понимания…

Проснувшись, Дженни еще долго не могла прийти в себя. И еще больше времени ей понадобилось, чтобы сквозь мутную пелену нечеткого сознания уяснить, почему не получается двигаться. Она привязана к своей кровати плотными ремнями, и двигаться практически нереально. Только повернуть голову из

стороны в сторону оказалось возможным, но и это давалось с трудом – наверное, из-за лекарств Дженни чувствовала себя так, словно была живой лишь наполовину.

В таком же положении находились и остальные – насколько смогла она разглядеть, привязали всех…

Теперь таблеток больше не было – исключительно уколы, невыносимо жгучие, которыми с большой охотой награждала их ухмыляющаяся Игла. Казалось, созерцание чужих страданий лишь добавляло ей жизненных сил. Убийственная доза неизвестной мути, бродившая сейчас по жилам Дженни, была сродни проклятию, отбиравшему возможность ясно мыслить. Но она же была и спасением, не дающим реально сойти с ума от унижения и бессилия, которые душили хуже любой болезни.

Дженнифер приходила в сознание и снова отключалась; кормление – через силу вдавить в себя несколько ложек какой-то жижи, болезненный укол – и снова зависание в холодном пустом пространстве на грани *не-бытия*…

Вокруг нее кружили неведомые птицы. Наверное, они могли быть воронами, если бы не ослепительно-желтый цвет их крыльев. Беззвучно летали они над Дженни, осыпая ее ворохом солнечных искр, что, попадая на кожу, оставляли на ней свои болезненно горячие прикосновения. Хаотичное кружение безголосых птиц и шум далекого моря – он то приближался, то отдалялся, и невозможно было определить, откуда доносятся эти звуки. Дженни бросалась бежать то в одну, то в другую сторону, вслепую, больше всего на свете желая вдохнуть в себя запах пенистой морской волны… Однако море лишь дразнило ее, прячась за крыльями желтых птиц, и солнечный свет становился порой таким невыносимым, что она просыпалась, чтобы через несколько минут снова провалиться в танцующий калейдоскоп настороженных шорохов и призывного морского шума…

– Дженни! Дженни, ты слышишь меня? Открой глаза, детка!

Этот голос – был ли он на самом деле или же это продолжение сна? – сродни шуму морского прибоя.

– Ну же, детка, не пугай меня!

С трудом разлепив тяжелые веки, Дженнифер тут же прищурилась от яркого света. В центре светлого круга вырисовывалось женское лицо с красивыми правильными чертами. Оно выражало беспокойство и тревогу.

– Все будет хорошо, ты слышишь меня? Я вытащу тебя отсюда, – прозвучало в голове девушки, и Дженни обреченно закрыла глаза.

Теперь она знала, что это точно был только сон.

Глава 35
Когда находишь то, что не должен был терять

Волшебные звуки далекой музыки доносились откуда-то сверху. Мелодия плавно кружилась, а ритму ее волн вторили редкие удары сердца. И таким размеренным и крепким был покой, что открывать глаза решительно не хотелось. Но именно об этом уже в который раз просил встревоженный женский голос:

– Дженни! Открой глаза, детка…

Волшебный аромат экзотических цветов витал в воздухе, призывая к тому, что следует все-таки послушаться. Хотя она была почти уверена – если открыть глаза, приятное наваждение пропадет. И над ней снова нависнет усатое лицо ухмыляющейся Иглы…

– Дженнифер! Возвращайся! – теперь уже более решительно приказал голос, и девушка покорно разлепила веки.

Увиденное заставило ее снова удостовериться, что видения бывают ничуть не менее яркими, чем сама реальность. Над ней склонилась красивая женщина лет тридцати пяти. Кулон на ее шее раскачивался из стороны в сторону, поблескивая в лучах дневного солнца. Но, хотя Дженнифер уже несколько раз опускала и снова поднимала веки, видение не исчезало.

– Николь? Это действительно ты? – пробормотала Дженни, с трудом веря собственным глазам.

Видение улыбнулось, однако улыбка показалась девушке грустной.

– Ну наконец-то ты пришла в себя. А то я думала, что буду вынуждена нести тебя на руках.

– Куда нести?

Дженни попыталась встать, и, только когда ей это с трудом удалось, она вспомнила, что должна быть привязана. Однако ремни теперь просто висели с двух сторон кровати.

Девушка осмотрелась: свободна от ремней была она одна. Остальные все так же находились на грани полусознания и были обездвижены. Перехватив ее взгляд, Николь резко покачала головой:

– Ничего больше не бойся. Я забираю тебя отсюда.

– Ка-а-ак?

– Просто. – С хмурой решительностью женщина поднялась. – Я забираю тебя под свою ответственность.

– А как же… доктор Руфф?

– Он уже подписал все бумаги.

Дженни только хлопала глазами, опять начав сомневаться, что все происходящее не плод ее больного воображения. Неужели такое возможно? А как же…

– Доктор предлагал мне…

Николь резко остановила ее жестом.

– Обо всем мы еще успеем поговорить, но не сейчас и не здесь. Ты можешь идти сама?

Дженнифер осторожно коснулась ногами холодного пола и сделала несколько шагов. Ноги казались ватными и слегка дрожали, но это было терпимо.

– Могу, – ответила девушка, все еще до конца не веря в происходящее.

Однако, в подтверждение слов Николь, дверь в палату открылась и вошла хмурая Игла с одеждой Дженни в руках.

– Спасибо, – сухо отозвалась Николь, забирая вещи из рук медсестры. – Дженни, помочь тебе переодеться?

– Нет, я сама.

– Тогда я жду тебя в кабинете доктора.

Николь под пристальным взглядом медсестры покинула палату, оставляя девушку в недоумении. Она столько ждала этой минуты, столько мечтала о ней, но теперь, когда мечта наконец сбылась, никаких бурных эмоций не было. Торопливо срывая с себя больничную пижаму, Дженни чувствовала только то, что расставаться с этими унылыми, пропахшими болью лохмотьями было чертовски приятно.

Игла молча ждала, пока она переоденется. Непослушными пальцами кое-как зашнуровав ботинки, девушка только сейчас начала всерьез допускать мысль, что для нее действительно закончились все испытания. Но вместо облегчения и радости по-прежнему щемило и кололо в сердце от разочарования и горечи, словно от шипов давно увядшей розы. Четыре безвольных тела, туго привязанных к своим кроватям… Она не смогла помочь им, хотя обещала. И сейчас ничего не может для них сделать. Пока не может…

Когда Игла отвернулась, девушка подошла к кровати Раяна и склонилась над ним.

– Я вернусь, слышишь? Вернусь обязательно. Я вытащу вас всех отсюда, – быстро шепнула она и тут же зашагала прочь.

Дженнифер не знала, слышала ли Игла сказанные ею слова. Но девушке было на это наплевать.

Когда она переступила порог кабинета Руффа, то опять увидела Николь, спокойно сидевшую в кресле напротив доктора.

Он заполнял какие-то бумаги; по его застывшему бесстрастному лицу нельзя было прочесть совершенно ничего.

– Подпишите здесь, Дженнифер Паркер, – обратился он к ней, даже не глядя в ее сторону.

Дженни послушно приняла ручку из его рук и немного неуклюже, с дрожью в пальцах, поставила свою подпись в нужной графе. Доктор захлопнул журнал и отдал какие-то бумаги Николь.

– Всего доброго…

Николь не ответила словами благодарности, причитающейся по такому поводу. Она просто встала и, высоко подняв голову, направилась к двери. На миг растерявшаяся Дженни тут же бросилась за ней.

Даже спускаясь вниз по гулким ступеням лестницы, даже остановившись у пульта охраны, пока Мэрлок со злобным лицом несколько минут внимательно копался в ее бумагах, Дженни все еще не верила…

И только когда хранитель порядка, с трудом скрывая недовольство, вернул бумаги невозмутимой Николь и нажал на кнопку автоматического замка, заставив дверь с тихим всхлипом отползти в сторону, бешеным биением сердца правда просочилась в сознание девушки. Она свободна! Как, каким образом, какой ценой? Все это больше не имело значения.

Дженнифер остановилась на пороге. Ей пришлось приложить немало усилий, чтобы просто не опуститься на эти ступеньки в изнеможении. Николь, видимо, поняла это, потому что вовремя подхватила девушку под руку.

– Ну, дорогая, еще чуть-чуть… Вон там моя машина, мы сейчас дойдем туда, ладно?

Дженни лишь молча кивнула, досадуя на свою, так не вовремя подступившую слабость и с большим трудом делая шаг за шагом. Но чем больше шагов отделяло ее от этого страшного места, тем больше сил она, кажется, чувствовала в себе. А возле не нового, но еще довольно солидно выглядевшего автомобиля Николь ее уже не пришлось поддерживать.

Пискнула сигнализация, и женщина открыла перед Дженнифер дверцу машины. Ничего не говоря, девушка упала на пассажирское сидение.

Николь еще раз внимательно посмотрела на нее, словно желая убедиться, что Дженнифер нормально перенесет дорогу, и села за руль.

Когда машина с тихим шумом двинулась с места и за окном качнулся силуэт лечебницы-тюрьмы, глаза девушки закрылись сами собой, словно она была не в силах больше видеть все это.

– Поспи, тебе полезно… Отдыхай. Теперь все будет хорошо…

Глава 36
Старый дом

Дженнифер и в самом деле сразу же задремала. Наверное, давали о себе знать лекарства, которые все еще оставались в ее крови. Сквозь сон она слышала шум дороги, тихую музыку из магнитолы. И снова чувствовала запах экзотических цветов – откуда он? Однако открыть глаза и убедиться в том, что она все же не в опутанных лианами джунглях, а в автомобиле тети Николь, ей удалось только, когда машина остановилась.

Вздрогнув, Дженни тут же быстро огляделась – приобретенная за время пребывания в клинике привычка была сильнее усталости.

Машина припарковалась возле большого каменного дома. Это был дом Николь – Дженни узнала бы его из тысяч других. Да, наверное, и любой другой запомнил бы его – он выделялся среди прочих.

Высокие стены песочно-серого цвета, старинная лепнина под изгибами крыши, две колонны возле входа. Дикий виноград, который не одно десятилетие обживал эту территорию, крепко оплел своими объятиями южную стену особняка. Здание окружали деревья, простирающие над ним свои ветви, как сильные руки, словно готовые каждую минуту защищать его от любой напасти.

Дженни любила этот дом на улице Липовой – такой же тихой, как и ее родная Канталь. Приезжая сюда иногда вместе с матерью, она часами могла пропадать в саду, что тянулся сразу же за домом, или разглядывать старинные вещи, которых в комнатах было немало… И сейчас, казалось, дом приветствовал ее как старую знакомую.

Чуть пошатываясь, девушка шла рядом с Николь. Двери им открыл мужчина лет пятидесяти. Наверное, так и должен был выглядеть типичный дворецкий: среднего роста, с тонкой полоской усов над верхней губой, в костюме и с галстуком-бабочкой.

– Мисс Дженни! Рад снова видеть вас, – мягко улыбнулся он, однако на его добром лице мелькнули одновременно растерянность и жалость.

– Здравствуйте, Антонио, – в ответ попыталась улыбнуться Дженнифер.

«Неужели я и вправду так ужасно выгляжу, если даже у дворецкого вызываю сострадание?» – думала она, пока

передавала в руки Антонио свою, не по сезону тонкую куртку.

Покорно следуя за хозяйкой дома, Дженнифер, не без некоторых затруднений, поднялась по лестнице на второй этаж, где ее уже ждала одна из гостевых комнат.

– Теперь это твоя комната, располагайся. Думаю, ты захочешь принять ванну. В ванной – халат и полотенца. В шкафу – одежда для тебя. Не стесняйся, чувствуй себя как дома…

Николь тихо прикрыла за собой дверь, оставляя Дженни в уютной комнатке со стенами золотисто-медового цвета и деревянной светлой мебелью.

Еще с трудом веря, что все происходящее с ней не сон, Дженнифер обошла свои новые владения, осторожно ступая по мягкому ковру.

Большое окно выходило в сад; даже сейчас, зимой, он выглядел опрятным и ухоженным.

Девушка вошла в просторную ванную; и только остановившись у большого зеркала, она поняла, почему так смотрел на нее дворецкий. Да уж… Бледное настороженное создание со спутанными волосами и темными кругами под глазами. Худое лицо с полосками потрескавшихся губ…

– Неужели это я? – пробормотала она, касаясь зеркала. – Для съемок в фильме ужасов мне бы грим не понадобился…

Какое же это блаженство – горячая ванна! Погрузившись в кружева ароматной пены, Дженни только сейчас начала верить, что все это – реальность. Тонкие ароматы и теплые объятия воды словно стирали с ее тела воспоминания о пережитых лишениях. Докрасна растирая кожу жесткой мочалкой, она смывала с себя ненавистные больничные запахи и тоску безнадежности. Въевшиеся в тело страхи растворялись в мыльных хлопьях нежной пены…

Прошел, наверное, не один час, пока девушка наконец привела себя в порядок. Мягкое темное платье – первое, что Дженнифер нашла в шкафу, показалось ей по-королевски роскошным после больничной убогости. Как все-таки прекрасно вернуться снова к нормальной жизни!

Прихорошившись, Дженни почувствовала себя значительно лучше. И поняла, что ужасно голодна. Обув легкие домашние туфли, она решилась спуститься вниз.

Николь сидела у камина с книгой в руках. Увидев Дженнифер, женщина поднялась ей навстречу.

– Ты как раз вовремя – стол уже накрыт. Антонио приготовил нам ужин.

Девушку не пришлось долго упрашивать; оказавшись за круглым обеденным столом, покрытым белоснежной скатертью,

она еле сдерживала себя, чтобы не наброситься на еду. Николь ободряюще улыбнулась ей.

– Ешь, набирайся сил. Это сейчас – твое главное занятие.

– Я еще не успела поблагодарить вас…

– Не стоит благодарности. Поговорим обо всем позже.

Ужин оказался на высоте. Наслаждаясь простыми, но вместе с тем удивительно вкусными блюдами, Дженнифер невольно вспомнила о Джеке. И о своих друзьях, лишенных сейчас даже надежды на свободу…

Перемена в настроении девушки не ускользнула от внимания Николь. Дженнифер сидела, задумавшись, и вдруг почувствовала на плече руку женщины.

– Дженни, что-то не так?

– Извините… Я не могу забыть о своих друзьях, оставшихся там. По-моему, я просто обязана им помочь, хотя еще не знаю как. Может, вам это покажется странным, но они вовсе не настолько больны, чтобы оставаться связанными в той ужасной лечебнице. То, что вы видели в палате, – это наказание за нашу попытку побега. И они… – Дженнифер не договорила, чувствуя, как слезы подступают к горлу.

– Я понимаю тебя. И вовсе не считаю это странным, – мягко сказала Николь. – Правда, одними только волнениями ты помочь им не сможешь. Однако я могу предложить тебе настоящую возможность спасти их. И, вероятно, не только их.

Дженни подняла на нее удивленные глаза.

– Но что я могу сделать?

– Ты очень многого не знаешь о себе, Дженнифер. И о своей семье. Эти знания помогут тебе сделать выбор.

– Выбор? Какой еще выбор?

– Обещаю, что обо всем мы поговорим с тобой завтра. Я отвечу на все твои вопросы. А теперь давай попробуем не думать ни о чем и просто будем друзьями, которые давно не виделись.

Дженни благодарно улыбнулась тете Николь. Какая же она все-таки замечательная! Девушка счастлива была лишь находиться сейчас рядом с ней, за длительное время впервые чувствуя себя в безопасности.

– Если ты не возражаешь, продолжим вечер у камина.

Высокий старый камин встретил их теплом и веселым потрескиванием поленьев. Язычки огня танцевали под музыку, звучащую только для них… Картина, на которую никогда не устанешь смотреть…

Глядя на огонь, Дженнифер устроилась просто на полу перед очагом, на ворсистом мягком ковре. Неожиданно к ней присоединилась еще одна обитательница дома – черный юркий

клубочек, неслышно ступающий точеными лапками, оказался рядом, едва она успела сесть. Ткнувшись мордочкой в руку Дженни, кошка тут же запрыгнула к ней на колени и уселась так спокойно, словно была уже давно знакома с гостьей.

– Ой… Какая прелесть! Как тебя зовут? – Девушка осторожно провела по мягкой пушистой спинке ладонью.

Кошка довольно заурчала, нисколько не противясь ласке Дженни.

– Это Молли. Видимо, ты ей понравилась – она так запросто никогда не идет к чужим.

Поглаживая пушистый черный комочек возле дышащего теплом камина, Дженнифер вдруг почувствовала, что больше не одинока.

Глава 37
Потрясения и открытия

Несмотря на небольшой страх, что ее ночные кошмары повторятся, Дженни все же была рада возможности провести ночь в отдельной комнате, в чистой и мягкой постели. Молли составила ей компанию; с самого момента знакомства кошка почти не отходила от девушки. И последовала за ней, когда та после приятного вечера наконец отправилась в свою спальню. Присутствие рядом живого существа действовало успокаивающе, поэтому девушка быстро уснула…

Привыкшая за последнее время чутко прислушиваться к своим ощущением, Дженни проснулась от того, что почувствовала на себе чей-то взгляд. Открыв глаза и приподнявшись на постели, она увидела прямо перед собой светящийся золотистый шарик размером с апельсин. Его вполне можно было принять за шаровую молнию, если бы шарик, тихо пискнув, не отскочил в сторону, явно испуганный резкими движениями девушки.

– Ты… Ты кто такой? – первой спросила Дженни, разглядывая непрошеного гостя.

Шарик казался живым и немного напоминал ей одно из проявлений женщины-призрака там, в больнице. Но этот был куда ярче.

– Я – Лучик, – ответил он чистым и тонким голоском, прозвучавшим у нее в голове. – А ты кто?

– Я Дженни… Что ты тут делаешь?

– Я тут живу. Хотя могу находиться в любом месте…

Рассматривая своего незваного гостя, Дженнифер немного успокоилась. Это существо, кем бы оно ни было, казалось весьма дружелюбным. Шарик продолжал кружить у нее над головой, отбрасывая во все стороны золотистые искры.

– Давай поиграем! – предложил он вдруг.

– Спасибо за приглашение, но… Поиграем в следующий раз. Сейчас я устала, и…

Лучик, видимо, обиделся, потому что больше ничего не сказал и просто растаял прямо над головой Дженни. Пожав плечами – что это такое было? – девушка снова плюхнулась на подушку.

Остаток ночи прошел без приключений, и она сумела хорошо отдохнуть…

Спускаясь утром вниз, Дженни поняла, что чувствует себя намного лучше. Кажется, этот дом и все его обитатели делились с

ней своей спокойной, дружественной энергией, а ее собственные силы стремительно восстанавливались.

– Доброе утро! Как ты спала? – Николь улыбнулась, завидев Дженни. – Вижу, вы с Молли подружились.

– Доброе утро! – девушка тоже улыбнулась в ответ. – Она меня охраняла всю ночь, и я спала как убитая. Хотя сначала боялась, что… – Дженнифер не договорила, засомневавшись, стоит ли рассказывать Николь о своих кошмарах.

Но та продолжила сама:

– Хотя сначала боялась, что твои кошмарные видения вернутся? – Николь пристально посмотрела на нее. – Расскажи мне о них. Что ты видишь?

Дженнифер на мгновение опешила. Откуда об этом известно тете Николь? Неужели ей рассказал обо всем доктор Руфф?

– Поверь, я спрашиваю не просто так. Доверься мне, – попросила Николь. – От этого многое будет зависеть.

Вздохнув, Дженни села в кресло напротив Николь. Молли тут же оказалась у нее на коленях.

– Это началось сразу же после того, как… Когда разбились мои родители…

Возвращаться памятью в те страшные дни было нелегко, но все-таки Дженнифер нашла в себе силы рассказать тете Николь обо всем. О том, что заставило ее покинуть родной дом и почему другие люди сочли ее сумасшедшей. И о видениях уже в больнице.

Николь слушала внимательно, храня молчание, и только иногда качала головой, сопереживая рассказу. На вопрос, не видела ли Дженнифер еще что-то необычное в больнице, девушка отвечала сперва осторожно: меньше всего ей хотелось, чтобы и тетя Николь думала о ней как о сумасшедшей. Но ту, кажется, совсем не смутил рассказ о женщине-призраке, подсказавшей им время для побега.

Ободренная вниманием, Дженни решилась поведать все – и о подмеченных странностях, и о предложении доктора Руффа. Умолчала она только о почтальоне – сейчас, в другой обстановке, иррациональный страх перед этим человеком ей самой показался надуманным. А рассказы призрака… Можно ли им доверять, если это только плод ее разбушевавшегося воображения? Дженни решила пока не рисковать и откровения Люсиль оставить в тайне.

Выслушав ее, Николь некоторое время молчала, словно никак не решалась продолжить разговор.

– Я хотела бы успокоить тебя, Дженни, – наконец вымолвила она. – Сказать, что все твои страхи напрасны, а видения – лишь плоды фантазии под воздействием пережитого стресса. Мне

хотелось бы, но… это было бы неправдой.

Николь внимательно посмотрела на Дженнифер, и от ее взгляда девушке вдруг стало не по себе. Женщина, протянув руку, сделала в воздухе несколько едва уловимых пассов: неожиданно над ее пальцами полыхнуло голубоватое свечение. Над ними – просто из ниоткуда – свитый из голубоватого прозрачного дыма, застыл удивительной красоты цветок. Прямо перед глазами открывшей от удивления рот Дженни цветок так же неожиданно растворился в воздухе.

– Что ты знаешь о магии?

Вопрос застал девушку врасплох еще больше, чем этот фокус.

– Я? Ничего… почти. Это, наверное, такая же выдумка, как и зеленые человечки в летающих тарелках.

– А если я скажу, что ты ошибаешься?

Николь поднялась со своего кресла. Она ничего не говорила – кажется, ее губы вообще не шевелились, когда руки ловко замелькали вверху, и в следующий миг перед глазами удивленной девушки вырисовалось в воздухе ее имя, сотканное из маленьких язычков огня.

– Я – огненный маг, – улыбнулась Николь так спокойно, будто говорила о каких-то совершенно обыденных вещах. Буквы в воздухе погорели еще несколько секунд и начали таять…

Глава 38
Давняя история

Дженни, широко открыв глаза, смотрела на тетю Николь. Между тем та продолжала говорить, словно не замечая изумленного взгляда девушки.

– Взаимодействие с огнем дается мне проще всего. Но для того, чтобы по-настоящему овладеть волшебством, нужно уметь обращаться с разными стихиями, прежде чем ты определишь свою. По-твоему, какая из стихий тебе ближе всего?

Дженнифер невольно ущипнула себя за руку – как тогда, когда увидела женщину-призрака. Неужели все это тоже может ей мерещиться? Или это…

– То, что ты видишь, – правда. Глаза тебя не обманывают, – мягко улыбнулась Николь, садясь рядом с изумленной девушкой. – Скажу даже больше: то, что другие, да и ты сама, считают плодом своего нездорового воображения, тоже было правдой. Ты можешь видеть то, чего не замечают остальные.

– Но… почему? И почему я не видела этого раньше?

– Потому что другие маги охраняли тебя. Они считали, что ты еще не готова знать правду. Все это должно было открываться тебе понемногу, естественно, не разрушая рассудок. Но вышло иначе…

– Другие маги? Тетя Николь, ты говоришь о… моих маме и папе?

Николь утвердительно кивнула.

Дженни, подхватившись, заметалась по комнате взад-вперед, скрестив руки на груди, словно хотела защититься от новой невероятной правды, которая обрушилась сейчас на нее подобно лавине.

– Другие маги… Значит, и я тоже?

– По-другому просто и быть не могло. У двух сильных магов могла появиться на свет дочь только с такими же способностями. Мы часто спорили о тебе с твоей мамой. Я считала, что ей надо было рассказать тебе обо всем гораздо раньше – дети воспринимают подобное естественно, без особых потрясений. Но Элисон хотела, чтобы у тебя было «нормальное» детство. К сожалению, вышло так, что, когда их не стало, ты оказалась не готова к этому – а я была далеко и не смогла помочь. – Николь внимательно взглянула на Дженни. – Что ты помнишь о той аварии?

– Все случилось так неожиданно. Мы возвращались из театра,

ехали домой, когда… Автомобиль двигался за нами с включенным дальним светом, очень ярким. Отец увеличил скорость, чтобы оторваться от него, а дальше… В нас врезалась другая машина. Больше я ничего не помню – очнулась уже в больнице.

– А если я скажу, что эта авария не была случайностью? – тихо спросила Николь, все так же глядя в глаза Дженни.

Девушка вздрогнула.

– Как? Почему?

– Не все люди, обладающие даром, остаются на стороне добра. И некоторые, в погоне за властью и могуществом, заходят слишком далеко. Так далеко, что теряют человеческий облик… Есть один человек, маг, который обладал исключительной силой. Ему были доступны разные области этого искусства. Он мог созидать и разрушать с одинаковой легкостью – редкая способность, потому что, овладевая своей силой, человек определяет, что ему ближе, и развивается уже в этом направлении. Но Бенджамину было доступно все. Пока… – Николь, вздохнув, подошла к окну. Уже не глядя на девушку, она продолжала свой рассказ, словно так ей было легче делиться давними воспоминаниями. – Ты должна знать, Дженни: обладая силой, надо в первую очередь научиться управлять собой, своими желаниями. Если это не учесть, можно превратиться в марионетку собственных страстей… Такая страсть погубила и Бенджамина. Молодая ведьма, столь же чистая сердцем, как и красивая, стала для него камнем преткновения. Ее пугала та неудержимая страсть, от которой сгорал Бенджамин с их самой первой встречи; ей нужна была другая любовь – дарящая радость, а не разрушающая все на своем пути… Она, как никто, умела ценить красоту и творить гармонию… – Женщина снова повернулась к Дженни. – Элисон, твоя мама, предпочла ему другого – твоего отца. Но Бенджамин не хотел сдаваться. Он напал на Патрика – подло и неожиданно, не вступив в честный поединок, а нанеся гнусный, коварный удар. Однако это стало его ошибкой. Ты должна знать – зло имеет большую власть над тем, кто сам носит его в себе. Чистая же душа способна отразить нападение темной силы, ведь подобное притягивается к подобному, а не наоборот. Бенджамин проиграл; зло, посланное им, возвратилось к нему же. Смертельно раненный, он на время исчез… А когда появился снова, это был уже другой человек. Вернее – человек только наполовину.

– Что же с ним случилось?

– Чтобы продлить свою жизнь, он заключил сделку с силами тьмы. И вместо себя приносил в жертву других людей, укрепляя

свой союз и приумножая силы. Зная, что рано или поздно ему придется расплачиваться за это, он создал свое маленькое королевство, в котором стал властвовать безраздельно, окружив себя живыми мертвецами, вампирами и оборотнями. А чтобы вершить безнаказанно свои темные дела, в жертву выбирал тех, кто не мог оказать сопротивления. Но он не забыл о своей обиде, в неожиданный момент нанес удар, и… Его враги погибли, а их единственная дочь оказалась в его власти.

Дженни удивленно захлопала глазами.

– О ком вы говорите? Неужели это…

– Бенджамин Руфф. Доктор Руфф, который пытался обманом завладеть и твоей душой, чтобы превратить тебя в покорную исполнительницу его воли. Если бы ты согласилась пройти обряд, ты стала бы такой же зависимой марионеткой, как и твои знакомые Джек и Оливия, с которыми ты успела даже подружиться.

– Но как? Почему? Неужели они тоже…

– Больница – это прикрытие. Бенджамин Руфф сделал так, что к нему попадают несчастные люди, о которых некому позаботиться, или богатые наследники, которые с его помощью остаются сиротами. Их имущество идет ему в карман, а их души… Из темного царства Руффа нет выхода – попавшие в его руки либо теряют всю свою энергию, что подпитывает его чары, либо становятся зависимыми от него злыми сущностями, присоединяясь к его личной армии.

– Значит, Джек…

– Джек – один из пациентов, который принял его условия. И взамен получил силу, о которой всегда мечтал. Так же, как та девушка получила красоту, которой у нее никогда не было. Но принесло ли это им счастье? Они обязаны постоянно оставаться рядом со своим повелителем в полной готовности защищать его и выполнять любые его приказы.

Пораженная услышанным, девушка некоторое время молчала.

– Значит, мои друзья… Их ждет та же участь? Или погибнуть, или превратиться в нечисть… Выходит, Раян был прав в своих опасениях? А я считала его слова глупой выдумкой. И даже смеялась над его страхом перед почтальоном, который приносил для доктора Руффа письма в голубых конвертах.

– Раян чувствовал в нем его истинную суть, поэтому почтальон и вызывал у него страх. Он видел просто человека, но душа Раяна знала, кто он на самом деле – посланник зла, дух тьмы, прикрывающийся человеческой оболочкой. Адский почтальон, приносящий письма от демона – хозяина, которому служит черный маг Бенджамин Руфф…

Дженни закрыла лицо руками. Головоломка из частиц, картина из пазлов, что до сих пор разбросанными обрывками всплывала в ее сознании, теперь стремительно приобретала свои очертания. Все становилось на место – все, чему раньше она не могла найти объяснения.

– Значит, я никогда не была сумасшедшей! И все, что я видела, происходило на самом деле… Но тогда… Мои друзья в опасности! Они сами до конца не знают, в какую беду попали, и я должна помочь им! – Дженни вскочила, глаза ее светились решимостью. – Я должна спасти тех, кому надеяться больше не на кого.

Николь смотрела на девушку почти с восхищением.

– Дженни… Как ты сейчас похожа на свою мать! Элисон тоже не терпела несправедливости. Но, чтобы справиться с Бенджамином Руффом, нужна сила, способная бросить ему вызов. Ты можешь пробудить в себе эту силу и научиться управлять ею, коль действительно этого хочешь.

– Да, я хочу этого, – в голосе Дженнифер не было и тени сомнения. – Что я должна сделать?

– Ты должна будешь раскрыть в себе силу и научиться управлять ею с помощью специальных техник, заклятий и собственной воли. А еще тебе не обойтись без некоторой боевой подготовки, если ты хочешь сражаться с самим Руффом и его армией.

– Мы поможем тебе в этом, – раздался еще один голос, и Дженни только сейчас заметила Антонио, который до сих пор стоял немного поодаль и не мешал их разговору.

– Антонио… Вы – тоже?

Дворецкий лишь улыбнулся, отчего усы мужчины задорно приподнялись вверх.

– Такие люди, как мы, всегда ищут общества себе подобных. Мы можем отличаться своей силой и своими умениями, но все же между собой сходны в большем, чем с другими людьми.

– И не только мы, люди, но и другие существа… – добавила Николь.

В тот момент Молли, гордо прошествовав через комнату, застыла возле Дженни. Показалось ли ей это, или на мордочке кошки, успевшей стать любимицей девушки, действительно появилась улыбка?

Глава 39
Книжный бум

Уплетая за обе щеки воздушные круассаны с ароматным какао, Дженни спешила поскорее закончить завтрак. В последнее время она сознательно старалась плотно питаться, ведь пополнять силы было такой же важной задачей, как и все остальные, стоящие перед ней.

Молли давно уже крутилась у ее ног, поджидая девушку. Николь намекнула, что кошка тоже присоединится к уроку, причем в качестве учителя. Это занимало Дженнифер больше всего – чему можно научиться у кошки? Разве что мурлыкать… Все происходящее казалось каким-то невероятным, сказочным, и сейчас Дженни, получив ответы на основные вопросы, готова была поверить во что угодно… Однако кошка-учитель – это уже слишком…

Аккуратно поставив в мойку пустую посуду, Дженни вместе с Молли, отправилась в библиотеку. Николь была уже там. Она рассеянно листала страницы толстой книги, лежащей на ее коленях. Книги были везде: их стопки громоздилась на столе, на кресле и прямо на полу; между ними виднелись какие-то свитки и тонкие брошюры. Некоторые по виду были старыми, даже древними, другие же поблескивали ламинированными обложками. Взглянув на такое обилие всевозможной литературы, Дженнифер насторожилась – чтобы все это перечитать, понадобится несколько лет…

– У тебя будет первое задание и немедленно, – сразу же заявила Николь, отрываясь от своей книги. – Ты выберешь для себя учебники.

– Но каким образом? – удивилась Дженни. – Тут так много книг, и я понятия не имею, какие из них мне нужны.

– Вот именно, – кивнула Николь и захлопнула книгу. – Используя логику, мы застрянем на этом вопросе надолго. Значит, придется призвать на помощь чутье. Закрой глаза и протяни руки вперед, словно собираешься двигаться в темноте, – сказала Николь, и Дженни так и сделала. – А теперь позови мысленно – именно те книги, которые смогут пригодиться тебе сейчас для ускоренного курса обучения.

– А сколько нужно времени, чтобы стать магом? – Дженнифер, открыв глаза, повернулась к тете Николь, по губам которой скользнула немного снисходительная улыбка – слишком уж наивно прозвучал вопрос девушки.

– Смотря что ты под этим подразумеваешь. В среднем на знакомство и овладение силой уходит несколько лет. А потом – вся жизнь, для того чтобы совершенствовать свои знания и умения. Магия – это не ремесло, это стиль существования. И как бы ты ни хотела, не сможешь научиться всему, потому что за каждым пройденным горизонтом будут открываться новые.

Но Дженни сейчас было не до философии. Услышав про несколько лет, она сразу же огорчилась.

– Как? Значит, пока я буду учиться…

– Вот поэтому я и говорю об ускоренном обучении. Сейчас для тебя важно в кратчайшие сроки пройти базовую подготовку. Поэтому закрывай глаза и делай то, что я тебе говорю!

Дженни снова зажмурилась и выставила вперед раскрытые ладони. Ее губы чуть подрагивали, хотя вслух она не произнесла ни слова. Какое-то время девушка стояла неподвижно, а затем начала осторожно поворачиваться, словно нащупывая в темноте звенящую ниточку.

Медленно и слегка неуклюже двинулась она к столу, взяла из стопки одну книгу, затем вторую. Подержала их в руках и положила обратно. Ее руки скользили дальше, зависая над обложками книг как трепещущие белые птицы. Наконец она уверенно потянулась к еще одному тому, подержала его в руках и обратилась к Николь:

– Вот, кажется…

Тетя забрала книгу из ее рук, снова предоставляя девушке свободу действий. Теперь дело пошло немного быстрее, и в следующие пять минут Дженни выудила с пола, кресла и со стола следующие четыре книги.

– Наверное, всё.

Девушка подошла к сидящей в кресле тете Николь и стала с любопытством разглядывать свои находки. Женщине это было интересно не меньше, нежели ей самой. По одной рассматривая книги, она, прежде чем отдать их Дженни, комментировала каждую.

– Посмотрим, что ты выбрала… Так, «Биоэнергия и карма» – хорошая книга, теорию сможешь почерпнуть. «Вампиры и оборотни – как распознать и защититься» – неплохо, это тебе будет особенно полезно. «Равновесие стихий» – тоже то, что нужно. «Символы и знаки» – хм… может, не очень вовремя, но лишним не будет…

Последняя книжечка была совсем тонкой и потрепанной, однако на ней Николь, как ни странно, задержала взгляд дольше всего. Она даже немного нахмурилась, словно размышляя, стоит ли отдавать книгу своей ученице.

– Не знаю, почему на твой призыв откликнулась именно эта книга. Я бы сама не советовала тебе заниматься по ней, пока ты полностью не овладеешь своей силой. Но раз ты почувствовала ее… Вероятно, сможешь найти в ней нечто полезное. Возьми. Только приступай к ней тогда, когда поймешь, что готова.

С обложки на них смотрело человеческое лицо, изображенное в темных тонах, словно отпечаток на пленке негатива. «Танец с тенью» – название нисколько не раскрывало сути.

– О чем она?

– О темной силе магии. О страхах, ненависти и возможности использовать это себе на пользу. Но чтобы у тебя получилось… – Николь покачала головой. – Думаю, ты сама многое поймешь, начав заниматься. А теперь расскажи мне, как ты выбирала книги?

– Я почувствовала тепло, исходящее от некоторых из них. От других веяло холодом, – призналась Дженни. – А возле выбранных мной пальцы словно покалывало маленькими иголочками – будто бы самим книгам не терпелось попасть ко мне в руки…

– Что ж… Думаю, информации в них для начала достаточно. Полистай, изучи. Если будет непонятно – спрашивай. О теории лучше расскажут книги. А мы с Антонио – это уже практика. – Николь, улыбнувшись, встала со своего кресла. – Так что библиотека теперь в твоем распоряжении. Удачи!

Легкой походкой, делавшей ее стройную, красивую фигуру еще грациознее, женщина направилась к двери. В последнюю минуту, видимо, вспомнив о разбросанных книгах, она остановилась и, повернувшись, несколько раз взмахнула руками – книги тут же мелькнули в воздухе, пролетев мимо Дженни. Через секунду они уже заняли свои прежние места на книжных полках, будто никогда и не покидали их.

Дверь медленно затворилась, и девушка осталась одна. Обложки книг смотрели на Дженни, словно изучая свою новую хозяйку.

Глава 40
Танец силы

– Знания – это хорошо. Но книжкой оборотня не убьешь, – заявил Антонио, появившись в дверях библиотеки.

Дженни даже обрадовалась ему – после длительного изучения книг у девушки уже кружилась голова от обилия новой информации – о силе, энергетике и разных сущностях.

Последовав за дворецким в большую комнату, вся обстановка которой состояла из нескольких гобеленов на стенах и пары кресел под ними, Дженнифер послушно приняла из его рук длинную гладкую палку.

– Оружие давать тебе пока рано, – деловито начал он, – а отработать базовые приемы вполне можно и на этом. Значит, так: три основных комплекса движений, следи за мной. Нападение, отступление, блок. Повторяй…

Дженни наконец-то поняла, каково назначение этой комнаты. Раньше ее удивляло, что большой красивый зал с широкими окнами стоял почти пустым. Но сейчас, пытаясь правильно повторять движения вслед за своим новым учителем, она была рада свободному пространству.

– Дженнифер, сосредоточься! – одернул ее Антонио. – От любого упражнения можно получить пользу, вред или не получить ничего – в зависимости от того, что ты в это вкладываешь. Мысли важны не меньше, чем движения тела. Представляй себя воином, чувствуй себя им, приступая к овладению боевым искусством, и, когда это ощущение станет для тебя привычкой, тогда действительно начнет что-то получаться. Если бездумно махать руками, шест останется шестом. Но если вкладывать в движения понимание того, к чему стремишься, любая палка в твоих руках превратится в оружие.

Неожиданно Антонио сделал выпад в ее сторону, и Дженни пришлось защищаться – она успела поставить блок прежде, чем орудие Антонио опустилось на ее плечи.

– Внимание и осознанность! Ты должна не просто видеть и предугадывать движения противника, но и чувствовать их всем телом. Позволь своему восприятию расшириться. Чувствуй, что я буду делать сейчас.

– Но как? Я ведь совсем не знаю… – возмутилась было Дженни.

Однако Антонио спокойно остановил ее жестом:

– Попробуй почувствовать свое тело, все целиком. А потом –

энергетическую оболочку вокруг себя, похожую на большое яйцо или кокон. Для начала просто представь себе это.

Успокоив дыхание, Дженни зажмурилась и сделала попытку представить. Выходило не очень хорошо, возможно, потому что она волновалась, – все ее ощущения спутались.

– А теперь представь, как этот кокон расширяется, заполняя собой пространство. Сначала на шаг, потом на два… Сейчас ты должна заполнить им всю комнату. Почувствуй это, как продолжение себя – высоту, предметы, существа. Опять же, для первого раза достаточно просто представить…

Когда и второй урок подошел к концу, Дженни была озадачена не меньше, если не больше, чем после изучения книг. Как можно чувствовать пространство? Не оборачиваясь, знать, что делается у тебя за спиной? Наверное, чтобы достичь такого мастерства, нужны месяцы упорных тренировок… Если у нее вообще что-нибудь выйдет. Неужели она тоже сможет двигаться так же уверенно, как Антонио? Несмотря на свой, уже далеко не юный возраст, тот отличался необычайной легкостью и скоростью движений, что для нее пока было недостижимо.

«Бой – это танец силы. Наполни силой свои движения! Стремлением без эмоций, осторожностью без страха – и тогда ты сможешь превратиться в воина. Не так уж важно, насколько силен твой противник, важно – что ты чувствуешь в себе…» – эти загадочные слова наставления продолжали кружиться в ее голове. Но если со страхом было более-менее понятно, то как все-таки может стремление к победе существовать отдельно от желания победить? Разве это не одно и то же? Или, возможно, Антонио нарочно запутывает ее, чтобы Дженни поняла – ей нельзя даже помышлять тягаться с таким опасным противником, как доктор Руфф…

Слегка разочарованная, она решила немного побыть наедине и поднялась в свою комнату. Ей никто не препятствовал, однако, едва Дженнифер присела на стул у окна, появилась Молли.

– Все это очень сложно, – вздохнув, сказала девушка то ли самой себе, то ли кошке. – Я начинаю думать – а по плечу ли мне это? Что, если я не сумею раскрыть свою силу, как написано в книге? Тогда мне не удастся помочь моим друзьям…

Тоска и горечь вдруг разлились в ее сердце. Об острые края этих чувств, казалось, можно было пораниться, и слезы непроизвольно появились у нее на глазах.

«Стоя у подножья горы, очень трудно поверить, что до скалистой вершины можно добраться, – пришла вдруг ясная и четкая мысль в голову Дженнифер, и она даже вздрогнула от неожиданности. – Но, когда начинаешь делать хотя бы маленькие

шаги по направлению к цели, все меняется. Путь состоит из шагов, которыми ты ступаешь по своей дороге. И каждый шаг делает заветную вершину все ближе. Надо просто идти…»

Дженни даже замотала головой, чтобы отогнать наваждение. Неужели это она сама придумала? Таким четким, мудрым, а главное – своевременным было ее озарение. Нет, она не почерпнула мысль из книги.

Взглянув на сидевшую рядом Молли, девушка удивилась спокойному сиянию ярко-желтых умных глаз кошки. В этот момент та лучезарно улыбалась.

Глава 41
Необычные беседы

– Это что, ты… говоришь со мной? – осторожно пробормотала Дженни, сама удивляясь тому, что разговаривает с кошкой. – Это твою мысль я слышала?

«А ты сообразительная, – прозвучал в голове тот же голос. – Хорошо, что тебя насторожила чужая мысль и ты восприняла ее как инородную. Вами, людьми, так легко управлять – достаточно лишь вовремя подбрасывать нужные мысли. В своей гордыне человек примет такую мысль за собственную».

– И этого достаточно, чтобы управлять? – удивилась Дженни.

«Мысль – как зерно. Брось его, и со временем появятся плоды. Раньше или позже, но появятся обязательно».

– Да ты – кошка-философ! – восхищенно воскликнула Дженни. – А я-то думала, что кошки умеют только молоко из миски лакать и спать на диване, – созналась она.

«Неужели? – теперь голос был слегка насмешливым. – Думать так о кошках – все равно, что думать о людях, будто они умеют лишь менять одежду, опустошать холодильник и смотреть телевизор».

Дженни до сих пор не осознала, каким образом кошка может говорить с ней. И не просто болтает при этом, а изъясняет умные вещи. К тому же у той, оказывается, было еще и чувство юмора!

– А ты, случайно, не заколдованная принцесса? – осторожно спросила девушка, еще внимательнее присматриваясь к чудо-животному.

«Значит, ты уверена, что кошки способны лишь лакать молоко и гоняться за клубком шерсти? – Молли одним легким движением оказалась рядом с Дженнифер. – Тебе тяжело принять то, что существо другого вида может быть не глупее тебя?»

– В общем-то, да, – честно созналась Дженни. Она протянула было руку, чтобы погладить черную спинку Молли, но вдруг застыла. Кошка улыбнулась снова.

«То, что я спорю с тобой, еще не значит, что я не хочу, чтобы ты меня погладила. Это мне очень нравится», – в подтверждение своих слов Молли перепрыгнула на колени к девушке и замурлыкала уже совсем по-кошачьи. Поглаживая мягкую шерстку, Дженнифер немного успокоилась.

«У тебя уже есть два хороших учителя. При усердии, ты сможешь быстро овладеть основами боевого искусства и магии. Но есть еще кое-что, чему тебе не мешало бы поучиться», –

продолжала кошка, повернув к Дженни умные желтые фонарики глаз.

– Что же это?

«Умение доверять себе. Слышать голос интуиции, отличать мимолетные страхи от ощущения настоящей опасности… Обычно люди не относятся серьезно к своим снам, считая их чем-то вроде забавного кино. Однако именно во сне мы можем путешествовать между мирами и получать информацию прямо из космоса», – вещала дальше Молли, и девушка не переставала удивляться, как складно она говорит.

– Да, но в снах не так просто разобраться… и в предчувствиях тоже. Как узнать, чему можно верить, а чему – нет?

«Научиться можно всему… Если позволишь, я помогу тебе в этом. Ведь кошки тоньше, чем люди, слышат голоса природы и ощущают присутствие Силы. Я научу тебя бродить между мирами, задавать правильные вопросы и получать на них ответы…»

– Буду тебе очень благодарна, – чистосердечно призналась Дженни. – Столько открытий в один день… Что меня ждет дальше?

«Новые открытия! Ведь это – лишь начало… Ты должна научиться воспринимать мир без ограничений», – прозвучал у Дженни в голове все тот же спокойный голос.

– Но как же другие люди? Почему они не беседуют с кошками и не видят оборотней? Получается, они не способны на это?

«Совсем нет! Просто они неосознанно решили, что не могут этого делать, потому исправно отгораживаются от всего чудесного и непонятного. Согласись, намного проще жить так, словно человек – единственное мыслящее существо, а тени в темноте – только тени. Проще считать, что все, что с людьми случается, происходит по воле судьбы, не зависящей от личного выбора», – Дженнифер отчетливо услышала вздох, а сама Молли свернулась в клубок.

Пораженная ее рассуждениями, девушка умолкла. Глядя на этот аккуратный пушистый комочек, Дженни поняла, что совершенно неожиданно обрела еще одного учителя.

Глава 42
Новые знания

…Желтые, красные, синие пауки отовсюду протягивали к Дженнифер свои липкие, покрытые ворсинками лапки. Некоторые из них были огромными, другие же могли поместиться на ладони. Пауки не прятались и не исчезали, наоборот, ей пришлось скрываться от них, чтобы не угодить в цепкие сети паутины, что таилась в самых неожиданных местах. Это она была их добычей, и это на нее охотились…

С громким возгласом Дженни проснулась, оглядывая в темноте еще непривычные очертания стен. Молли далеко не уходила; кошка спала на кресле рядом, в ее комнате. И, проснувшись от крика Дженнифер, поспешила к ней.

«Плохой сон?» – мелькнуло в голове девушки, и она только кивнула в ответ.

Ощутив присутствие друга, Дженни постепенно приходила в себя. Молли устроилась рядышком. Прислушиваясь к ее ровному дыханию, Дженнифер тоже вскоре смогла уснуть. Засыпала она с чувством невыразимой благодарности: как все-таки хорошо, что рядом есть надежные друзья, готовые защитить ее от любой опасности! В этих стенах ей не страшны никакие оборотни и черные маги…

А утром сон казался уже чем-то нереальным, и Дженни совсем бы о нем забыла, но Молли, видно, думала иначе. Неизвестно, о чем говорили они с Николь, однако, едва девушка спустилась к завтраку, женщина тут же принялась расспрашивать ее:

– Дженни, тебя тревожат страшные сны? Что тебе снилось?

Немного смущенная таким пристальным вниманием, Дженни рассказала свой сон о пауках. И хотя она обозвала все это «пустой ночной белибердой», Николь не сочла сон пустяковым.

– Это он… Ищет возможности воздействовать на тебя, подчинить твое сознание. Он будет пробираться в него всеми возможными путями… Ты должна быть предельно осторожна и внимательна.

Не выдержав, Дженнифер задала вопрос, который не давал ей покоя с тех пор, как она вышла из больницы:

– Тетя Николь… Если Бенджамин Руфф так ненавидит меня, почему тогда… Почему он дал мне уйти? Почему не задержал? Ведь в клинике я была бы полностью в его подчинении! А властям сказал бы, что я опасна для общества…

Николь поставила чашку на блюдце; ее губы тронула грустная улыбка.

– Тут дело не в объяснениях. Конечно, он нашел бы основания и дальше удерживать тебя силой. Просто… – Она вздохнула. – Руфф – мой должник. Когда-то я сделала для него то, что не захотел сделать никто другой. В благодарность он пообещал мне исполнить любую мою просьбу… И вынужден был, пускай и спустя много лет, сдержать обещание.

– Но разве такие, как он, остаются верны своему слову? Что ему стоило обмануть тебя?

– Клятвопреступление для мага – это самая большая из всех мыслимых провинностей. За такой проступок можно и дара своего лишиться; это признаёт и самый отпетый злодей… Нам тоже не известно все о силах, руководящих этим миром. И незыблемость слова мага – один из законов, которые нарушать нельзя. За такое всегда будет кара… Поэтому и Бенджамин предпочел большей угрозе меньшую.

Дженнифер задумчиво накручивала на вилку спагетти, не замечая этого. Ее мысли были сейчас далеко.

– А другие темные? Они могли бы… измениться, если бы захотели?

Николь еще раз вздохнула.

– Теоретически – да, хотя подобное редко случается. Когда-то я и сама в это поверила, потому дала Бенджамину второй шанс, в то время как все другие сочли его опасным и недостойным помощи… Я помогла ему. И зря.

Наблюдая за Николь, которая с задумчивым видом отдавала должное уже успевшему остыть кофе, девушка поняла, что говорила та не только о книжных истинах. Скорее всего, тетя Николь проверила это на собственном опыте – возможно, и горьком.

У Дженни такого опыта пока не было. Что ж, тете Николь стоит верить…

Еще один день, как и предыдущий, минул в занятиях. Девушка изо всех сил старалась: она прилежно сидела над книгами, выписывая в тетрадь все, что могло оказаться полезным. Кто бы мог подумать – усердной ученице Дженнифер Паркер придется посвящать себя такой учебе!

Но теперь она с удвоенным старанием осваивала новое. Правда, многое из этого оказалось совершенно неожиданным, потому девушка чувствовала – ей нужно время, чтобы принять иную сторону того мира, который прежде казался знакомым и предсказуемым. Теперь она вынуждена была на многие вещи смотреть по-другому, с неожиданного ракурса.

Например, Дженнифер немало удивилась тому, что наряду с говорящими кошками существовали и другие сущности, также способные к телепатии. Способностью общаться мысленно, оказывается, обладало большинство животных; просто люди не хотели их слышать. Или принимали сигналы животных за свои собственные, как и сказала вначале Молли…

Не только звери, но и все живое могло передавать и принимать информацию. Более того, даже неживой предмет можно было напитать определенной силой, придавая ему нужные качества.

Этим они и занялись тем же вечером: Дженни помогала Николь мастерить хитрый прибор, именуемый «ловцом снов». Молли всячески способствовала им советами, рассказывая о снах и способах «заказывать» сновидения.

На круглый каркас они намотали кожаные и тряпичные ленты, соорудив нечто наподобие паутины с завязанными в определенных местах узелками. Получилось очень необычно и даже красиво; особенно после того, как в довершение дела Молли принесла им несколько птичьих перьев и Николь поместила их снизу, в качестве своеобразного украшения.

Затем с помощью специальных заклинаний Николь зарядила ловушку для кошмаров. Дженнифер и Молли помогали ей мысленно – представляя защитное поле, окружающее этот предмет.

Под конец Дженни даже смогла действительно его увидеть – голубые сверкающие паутинки тоненькими лучиками протягивались от ловца во все стороны. Женщина лишь одобрительно улыбнулась, отметив первые успехи своей подопечной.

И хотя ловец снов, призванный теперь оберегать ее от наведенных кошмаров, повесили над кроватью Дженни, Молли все равно осталась ночевать рядом с девушкой.

То ли общая магия в самом деле оказалась мощной, то ли присутствие кошки действовало настолько успокаивающе, но ни в эту, ни в последующие ночи кошмары больше не возвращались.

Глава 43
С закрытыми глазами

– Ты делаешь некоторые успехи.

Такая, пусть и сдержанная, похвала Антонио оказалась для Дженнифер весьма значимой. Она прекрасно отдавала себе отчет, что от его умения учить, как и от ее способности учиться, зависело очень многое.

– Но этого недостаточно.

Голос учителя нисколько не изменился, однако его слова подействовали как ведро холодной воды, мгновенно стерев с лица Дженни улыбку.

– Ты все еще не доверяешь своим ощущениям, надеясь лишь на зрение. А видимость, как я тебе уже говорил, часто бывает обманчивой… Это мы и будем исправлять.

Сдерживая вздох, с неприятным предчувствием, девушка следом за Антонио спустилась к дверям подвала. Молли сопровождала их; кошка часто держалась рядом и во время занятий.

«Хорошо ей! Вот кого темнота нисколько не пугает», – с некоторой завистью подумала Дженнифер, на минуту забыв о том, что кошка не только прекрасно делится своими мыслями, но и ловит чужие. В ответ в голове Дженни раздался смех Молли, что немного разрядило атмосферу. И очень кстати, потому что идти в темный подвал девушке абсолютно не хотелось. Она была уверена – ничего опасного там нет, но все же давняя, еще детская нелюбовь к темноте заставляла ее излишне напрягаться. Кто знает, что придумает Антонио? Дженнифер старалась держать себя в руках, не желая выглядеть перед своим учителем трусихой, однако справиться с извечным страхом у нее не получалось.

– Вперед! – коротко скомандовал Антонио, останавливаясь возле открытой двери.

Девушка взглянула на него почти умоляюще, но лицо дворецкого оставалось бесстрастным, словно он и не заметил ее смятения.

– Что я должна… сделать? – со вздохом спросила она, поняв, что отступить не получится.

– Найти выход, всего-навсего, – почти весело заявил учитель.

Между тем Дженнифер отнюдь не разделяла его легкого настроения – наоборот, с каждой секундой заминки ощущения делались все тягостнее.

– А разве выход здесь – не там же, где и вход? – девушка изо

всех сил пыталась прикрыться удивлением, чтобы не подпустить ближе мысль, которая уже стала неотвратимой: «И какого же размера должен быть подвал?»

– Считай это небольшим испытанием. А для чистоты эксперимента я завяжу тебе глаза.

– Тогда как же я…

– Используй все другие чувства. Ощущения, внутреннее зрение – что угодно, только не обычный взгляд. Учись доверять себе.

– Угу… Учиться доверять… – девушка вздохнула почти обреченно и позволила Антонио прикрыть ей глаза плотной темной повязкой. – А можно… Молли пойдет со мной? – с надеждой спросила она, однако сразу же поняла, каким будет ответ.

– Одиночество тоже бывает полезным, если относиться к нему как к уроку, а не как к проблеме… Удачи!

Уже сделав шаг вперед, Дженнифер почувствовала руку Антонио на своем плече.

– Главное – не бойся.

– Постараюсь, – кивнула она и теперь более решительно сделала несколько шагов вперед. Если это испытание, значит, ей следует пройти его достойно. Кроме того, вряд ли бы ей дали задание, с которым она не смогла бы справиться…

Но, когда звук закрывающейся двери прозвучал за ее спиной, Дженнифер невольно вздрогнула и поежилась. На несколько минут девушка застыла, пытаясь прислушаться к своим ощущениям, однако ничего хорошего из этого пока не получалось. Вытянув руки вперед, она сделала несколько шагов наугад.

Помещение было не очень широким – вскоре Дженни коснулась ладонью шершавой поверхности стены. Камень оказался прохладным и сырым, но никакой подсказки ей это дать, конечно же, не могло. Кроме одного: если, придерживаясь стены, двигаться вперед, то рано или поздно придешь к выходу. Если он не там, где вход, тогда…

– Просто идти вперед, всего-навсего, – самой себе сказала Дженнифер, и звук собственного голоса успокоил ее. – Тут должен быть выход…

Стараясь держаться поближе к стене, девушка двинулась дальше. Подвал был почти пустым – по пути ей попадались какие-то препятствия, но она обходила их без особых усилий.

– Это легче, нежели я думала. Просто не бояться темноты…

Но чем больше проходило времени, тем тревожнее становилось у нее на душе. Подвалы не бывают такими

длинными! В который раз споткнувшись о невидимую преграду, Дженни решила считать шаги.

– Один, два…

На пятьсот пятьдесят четвертом шаге она окончательно поняла: что-то здесь не так. Вздохнув, чуть-чуть (ведь никто не видит!) сдвинула повязку. Но это ничего ей не дало – темнота была такой же всепоглощающей: даже слабенький лучик света не просачивался в этот каменный лабиринт. Решительно надвинув повязку на глаза, девушка внутренним усилием поборола подкатывающую панику.

– Ладно. Значит, тут задание с секретом. Только вот с каким?

Прислонившись спиной к стене, она начала вспоминать то, что недавно почерпнула из книг. Однако все, что приходило в голову, никак не могло помочь ей сориентироваться в темноте. Разве что…

Дженни распрямила спину и выполнила разминку, с которой начиналось каждое ее занятие с Антонио: почувствовать свою оболочку и расширить ее до границ пространства комнаты. Мысленно девушка потянулась сразу во все стороны, и, к ее удивлению, ощутить границы сверху (не более двух метров) и снизу получилось почти сразу. А вот в стороны восприятие растягивалось, словно растекаясь. Если возвращаться назад нет смысла, значит, надо двигаться вперед…

Сосредоточившись на робком смещении восприятия, Дженнифер удивленно отметила, что длинный и не очень широкий проход впереди постепенно меняет направление, плавно сворачивая вправо. И вдруг – вся картина вырисовалась у нее перед глазами, будто сотканная из тонких, струящихся серебряных паутинок. Длинный-предлинный проход, ведущий… по кругу!

– Так вот что за секрет! Значит, я уже несколько раз могла пройти мимо цели!

Приободренная своим открытием, Дженни двинулась вперед теперь почти уверенно. И вдруг услышала… зов.

Он был тихим, едва различимым, похожим скорее на смутное ощущение, чем на голос, но все-таки здесь находилось живое существо. И оно звало ее к себе.

– Наверное, это Молли; она волнуется за меня, поэтому решила дать знак, чтобы я поскорее выбралась! – обрадовалась Дженнифер, и тут же мысленно ответила: «Я слышу! Я уже иду к тебе!»

Зов на несколько мгновений умолк, словно в некотором удивлении, а потом возобновился с новой силой. Однако вместе с этим добавились и другие ощущения: существо, звавшее Дженни

было небольшим и почему-то – холодным. От него исходили волны силы, но это была непонятная, даже чуждая сила. А еще одно понимание, пришедшее словно из ниоткуда, заставило девушку вновь заволноваться. Это не могла быть Молли. Взывающее к ней существо не дышало… Оно не было живым!

– Становится все интереснее, – пробормотала девушка сама себе. – Похоже, мне назначили свидание с призраком…

Однако, чем или кем бы ни являлось скрытое в темноте существо, враждебности в нем не чувствовалось, скорее, это был нейтральный настрой. Зов дошел до четкого ощущения, а потом вдруг стал слышен со спины, уже отдаляясь.

Стоп! Выходит, она его миновала?

Дженнифер остановилась и опять повернула лицо по направлению к зову. Сигнал возобновился и снова стал нарастающим. Теперь уже осторожнее ступая по чуть скользкому камню, она двигалась с остановками. Шаг. Еще шаг. Где-то здесь, впереди…

– Привет! – услышала вдруг она жизнерадостный голосок.

Свет от желтого шарика был таким сильным, что он пробивался даже через ее повязку.

– Ты играешь в прятки?

Сначала Дженни удивилась – ведь она почти забыла о странном госте, навестившем ее в первую ночь у тети Николь, посчитав увиденное просто странным сном. Но теперь была рада даже такому неожиданному союзнику.

– Что-то в этом роде, – согласилась девушка. – А ты что тут делаешь?

– Смотрю, как ты играешь, – сознался Лучик. – Я часто за тобой наблюдаю.

– Почему? – искренне удивилась Дженни.

– Просто так, – ответил шарик и вдруг стал стремительно таять.

– Подожди! – крикнула ему вслед Дженнифер, однако напрасно – Лучик больше ничем не выказывал свое присутствие. – Как только выберусь отсюда, надо будет узнать, что же ты такое…

Окончательно смирившись с условиями игры, она не стала опять подглядывать. Вместо этого просто протянула руку вперед, коснувшись пальцами неровностей каменной кладки. Тут, где-то близко… Пальцы скользнули по изгибу камня и четко ощутили контур овального углубления – просто ниша в стене. Может, тут проход в еще одно помещение?

Но вместо провала в пустоту Дженни нащупала что-то твердое и холодное. Она поспешно отдернула руку, прислушиваясь, однако ничего больше не произошло. Зов

прекратился. И его источник был прямо перед ней. Девушка осторожно обвела рукой контуры предмета – холодная полоска стали, кость сверху и чуть ниже – грубая плотная кожа и дерево. Чуть помедлив, она сняла со стены меч в ножнах. Это был просто предмет, вовсе не живое существо, однако ощущение, что клинок тоже изучает ее, не только не прошло, но и усилилось.

Не зная, как поступить дальше, Дженнифер намеревалась уже вернуть находку на место и тут ощутила смутный протест со стороны предмета.

– Ты хочешь, чтобы я взяла тебя с собой? – осторожно спросила она.

Меч ответил согласием, оно ощущалось как удовлетворение пополам с любопытством.

– Тогда ты должен подсказать мне, куда идти.

В следующую секунду к серебряным паутинкам, из которых было соткано ее восприятие, добавилась еще одна четко различимая упругая нить, тянущаяся исключительно вперед. Наверное, меч лучше знал направление, и Дженни решила ему довериться – тем более она сама до встречи с ним двигалась туда же.

Сжимая находку в руках, девушка уверенно пошла вперед. Преграды ей были уже не страшны – ощущение предмета появлялось прежде, чем она успевала до него дотронуться. Без особых проблем минуты через три она добралась до дверного проема. Была ли это та самая дверь или другая – теперь не имело значения.

«Я прошла испытание», – не без гордости подумала Дженни, с удивлением ощутив, что темнота больше не смущает ее. Страх девушки исчез – «пал побежденным».

Последняя мысль могла быть как ее собственной, так и принадлежать найденному мечу, странное родство с которым она начинала ощущать. Дженнифер испытала удивительное чувство: ей казалось, что вместе с ним она может пойти куда угодно – и в огонь и в воду.

– И в огонь и в воду, – почему-то вслух произнесла Дженни, протянув руку к двери, которая с неожиданной легкостью поддалась, поток свежего воздуха коснулся щеки девушки.

– Испытание пройдено!

Дженни, осторожно сняв повязку с глаз, тут же зажмурилась от света, хотя он и не был ярким.

Внизу сверкнули янтарем чуть прищуренные круглые, уже знакомые ей глаза.

– И почему так долго? – спросила Молли со своей обычной улыбкой. – Еще немного, и обед безнадежно остынет.

Глава 44
Одно целое

Отдавая должное правилам хорошего тона, призывавшим не решать за едой насущных вопросов, Дженнифер наскоро проглотила пищу – ей не терпелось расспросить у тети о тех вещах, которые казались непонятными. Николь, почувствовав это, не стала томить девушку ожиданием:

– Спрашивай! Слова так и готовы посыпаться из тебя…

– Меч, найденный мной… Это испытание – ради него, да?

– И ради него тоже. Но в первую очередь – ради тебя. Судя по тому, что ты уже не ищешь выхода, с заданием справилась удачно.

– Это вышло не сразу, – честно созналась девушка. – Поначалу мне было не по себе. Пока я не поняла, что хожу по кругу.

Антонио лишь довольно улыбался, наливая себе в чашечку кофе из фарфорового кофейника.

– Но чего я не могу понять, так это – почему я чувствовала меч как живое существо, а не как предмет? Мне даже показалось, будто он говорил со мной.

– Это необычный меч. Он магический. А сила, заключенная в нем, делает его почти живым. Он не только может, но и должен общаться со своим владельцем, что делает их обоих сильнее.

– Владельцем? Так он… мой?

– Теперь – да. Ты нашла его, он откликнулся. Если бы меч не почувствовал в тебе силу и готовность следовать вместе с ним одним путем, то не дал бы найти себя.

– А кто был его прежним владельцем?

Этот простой вопрос, кажется, застал Николь врасплох – они с Антонио многозначительно переглянулись, прежде чем хозяйка дома дала ответ.

– Думаю… Он лучше сам расскажет тебе об этом. Пусть это будет твоим следующим заданием.

Дженни вздохнула, но тихая радость и некоторая гордость тронули ее сердце. Все-таки у нее есть способности, раз магический меч признал ее! Такая дорога неожиданных открытий нравилась ей все больше, и смущало только одно – у нее не так много времени, чтобы развивать и укреплять свои силы. Пока ее друзья остаются в опасности, она обязана пройти обучение как можно скорее. А потом у нее еще будет время, чтобы спокойно наверстать упущенное… По крайней мере, девушка на это очень

надеялась.

– И еще об одном, тетя Николь, я хотела тебя спросить… В самую первую ночь здесь мне приснилось странное существо в виде сияющего шарика. А сегодня я увидела его опять. Оно называет себя Лучик…

– Лучик?

Дженнифер не могла не заметить, как дрогнула рука Николь и как поспешно женщина поставила на блюдце чашку с недопитым кофе. Складка скорби пролегла между ее бровей.

– Я… Что-то не так, тетя Николь?

– Нет, дорогая, извини… – Ее улыбка показалась девушке немного вымученной. – Просто Лучик… Мне тяжело вспоминать об этом. Лучик – это моя дочь Лиза. Вернее – душа моей маленькой девочки, которая умерла, прожив всего лишь годик… Даже моих сил не хватило на то, чтобы удержать ее на этом свете… Я не знаю, почему она осталась здесь. Догадываюсь только, из-за чего называет себя Лучиком, – это я так называла ее, «мой маленький лучик»…

Дженни судорожно вздохнула – откровения женщины поразили ее. Девушке было неловко, что она задела в душе тети Николь больную струну. Извинившись, Дженнифер поскорей отправилась заниматься, мысленно поклявшись, что больше, без особой на то причины, не станет говорить о Лучике – слишком грустными были эти воспоминания для ее матери…

Остаток дня Дженни под чутким руководством Молли посвятила знакомству с базовыми заклинаниями. Только поздно вечером девушка отправилась в свою спальню. Меч она захватила с собой.

Сидя на кровати, Дженнифер бережно достала его из ножен, аккуратно погладила пальцами рифленые завитки на рукоятке, коснулась острого прямого лезвия. От меча по-прежнему веяло холодом и уверенной силой. А кроме того – чем-то таким, что она пока еще определить не могла. Словно остатки чужих переживаний, как и отпечаток чуждой могучей силы все еще хранились в нем.

– Кто был твоим прежним хозяином? – тихо спросила девушка, обращаясь к мечу, но ответа так и не дождалась. То ли она ожидала слишком многого, то ли магический предмет не счел ее достойной ответа…

Подчиняясь неожиданному импульсу, Дженни положила меч под подушку. Сегодня она будет спать как настоящий воин, не расставаясь со своим оружием.

Молли так и не появилась – девушка вспомнила о ней,

засыпая. Видимо, умная кошка решила не мешать ей в экспериментах.

«И зря», – подумала Дженнифер уже сквозь сон. Она чувствовала себя по-прежнему защищенной, однако некоторое сдержанное беспокойство, исходящее от меча, все же ощущала. Или ей лишь так казалось? Уже несколько дней являясь ученицей магов, девушка уяснила для себя, что своим ощущениям следует доверять. Однако всегда ли стоит на них опираться, – этого она пока не знала.

…Существо стояло, держась из последних сил, но все же не позволяя себе просто пасть к ногам победителя. Это был огромный волк с горящими глазами, однако сейчас в них, исполненных предсмертной тоски, угадывалась еще и затаенная мольба. Волк был сильно ранен; кровавый след тянулся за ним по траве. В предутренней прохладе дрожал от весеннего ветра лес, пронизанный криками обеспокоенных птиц. Они, как и все живое вокруг, внимали творящейся в этом лесу битве. И бой подходил к концу.

Застыв в полете на долю секунды, лезвие сверкнуло, рассекая жидкий воздух, а тишина приняла в себя хриплый вздох умирающего волка. Мечу не остановить руку хозяина. Мечу неведомы сострадание и сомнения. Между тем произошедшее теперь не должно было случиться – и ощущал это даже меч…

…Когда его достали из ножен в следующий раз, вокруг все было укрыто полуночной мглой. Заброшенный пустырь поглощал осторожные звуки крадущихся движений. Жаркое пламя костра бросало отблески на отполированный до блеска жертвенный камень. На алтаре, сжавшись от страха в трясущийся комок, лежал ребенок. Мальчик был пяти-шести лет, с покрасневшим от слез лицом и лихорадочным блеском больших испуганных глаз, в которых страх уже утопил под собой надежду.

И эта обреченность била еще больнее, чем нужда пропеть над маленьким тщедушным телом его последнюю песню – песню смерти…

И вздрогнула вдруг сталь, и огнем протеста ударила руку мага, шепчущего заклятия у алтаря. Суть меча – во встрече с достойным противником, в нападении и в защите своего хозяина. Однако для такой жертвы нужен не меч… Радостно купаться в крови врага – подобающая награда, придающая сил, но кровь этого существа превратит его в клинок с отравленной душой…

Может, коварный кинжал согласится исполнить твою волю, господин, или бездушное копье карателя, но не благородный меч, созданный для битвы!

Маг вскрикнул, выпустив меч из рук, – он не ожидал такого поворота событий. В следующую секунду уже снова склонился над своим, вдруг ставшим непокорным, орудием, однако этого мгновения оказалось достаточно – за его спиной прозвучал чей-то уверенный голос:

– Как же ты низко пал, Бенджамин! До меня доходили слухи, но я не сразу смог в них поверить… Неужели стремление к власти превратило тебя в зверя, алчущего крови?

Бенджамин в ответ прерывисто засмеялся. Его глаза сверкали диким азартом, и даже огонь костра не сравнился бы с ожившим в нем жаром ненависти.

– Конечно же, Патрик, я был уверен, что ты придешь, и ждал тебя.

Патрик достал из ножен свой меч, а клинок в руке черного колдуна поднялся в ответ. Но Бенджамин не получил от своего оружия долгожданного отклика – его меч сейчас был просто мечом, готовым выполнить свое предназначение, и всё.

Меч больше не был его слугой.

Два меча как две белые молнии сухо рассекли черные лохмотья ночи и встретились в диком танце. Еще и еще… Это был бой, настоящий бой, однако меч теперь не вкладывал свою силу в исход битвы. Он был просто оружием – исполнителем чужой – и сейчас уже почти чуждой – воли. И когда он, выбитый из рук хозяина мощным ударом противника, упал в траву возле костра, то не чувствовал горечи поражения. Ему было все равно.

Он ощущал острый запах крови – это была кровь его господина. Ребенок на каменном алтаре больше не дрожал – мальчик впал в ступор и теперь вместе с мечом молча наблюдал, как вслед за каплями пролитой крови тяжело падает на землю сам черный маг, взмахнув подолом своей длинной мантии, словно ворон черным крылом. Когда над ним склонился высокий темноволосый мужчина, его дыхание все еще оставалось прерывистым – то ли от недавнего боя, то ли от страшного гнева, который он всеми силами пытался не выпустить на волю.

За их спинами тихо выросли другие тени. Не нужно было слышать слов, чтобы почувствовать их осуждение и презрение – они окружили им лежащего на земле человека. Да и человека ли? Его недавний противник, названный Патриком, отступил в сторону, позволяя другим приблизиться к своему поверженному врагу. Он не хотел больше принимать в этом участие.

Заклинания падали на голову раненого, обездвиживая его поврежденное тело, заставляя силы вместе с кровью покидать его. Каждый добавил свой удар, не жалея того, кто сам забыл о жалости… И только одна женщина, чье лицо было скрыто под

темной вуалью, не сделала ничего.

Кто-то забрал ребенка; закончив расправу, пришедшие так же тихо покинули место недавнего боя, что перерос в побоище, оставив меч и его хозяина лежать в осквернённой, измятой траве. Поверженный маг все еще дышал, но он был слишком слаб, чтобы бороться со смертью. До ее прихода оставались часы – или минуты. Ночь близилась к рассвету, и небо бледнело все больше, вспухнув на горизонте кучами серых дождевых облаков…

А потом появилась та женщина. Она пришла бесшумно; так же бесшумно плакала, закрыв ладонями лицо, и боль ее душевных мук изливалась вместе со слезами в траву, и без того уже напоенную страданием.

Затем она вдруг подняла ладони вверх, прошептав слова прощения, – и свела руки над умирающим. Красно-зеленые нити потянулись от ее ладоней к телу уже почти бесчувственного мага, возвращая ему дыхание жизни. Но эти действия выпивали жизнь из нее самой – слишком уж разнились черный маг и она, и лечение это приносило ей не меньшие муки, чем испытывал сейчас он, принимающий незаслуженный дар…

Когда полоски облаков над горизонтом уже успели напитаться алым заревом, словно бинты – свежей кровью, мужчина открыл глаза. Медленно он повернул лицо к своей целительнице. К тому времени она была бледнее тени, а ее руки, казалось, танцевали от холода.

Встретившись глазами, мужчина и женщина долго смотрели друг на друга.

– Почему? – с трудом вымолвил он.

Она сдержала слезы. Вопрос был излишним, ведь ответ на него знали они оба. Но ни один из них не решился бы признать эту истину: она все еще продолжала любить его. Любить – безнадежно и тайно, и даже его чудовищные поступки не сумели до конца убить это, давно проклятое ею чувство.

– Когда-то ты был другим. Я хочу верить, что ты сможешь измениться снова, Бенджамин. Прекратить бессмысленную гонку за силой и осознать свои ошибки…

– Ты спасла меня, – прошептал он, с трудом приподнимаясь. Места, где совсем недавно на его теле были глубокие раны, выдавала теперь только одежда, свисающая грязными кровавыми клочьями.

Женщина обессиленно опустилась в траву, закончив свое колдовство. Бенджамин медленно поднялся и теперь стоял пошатываясь рядом с ней.

– Я твой должник…

Неуверенно, качающейся походкой, он побрел прочь, иногда

оступаясь на неровностях почвы.

– Прощай, – прошептала женщина ему вслед, и только меч был этому свидетелем, одинокий, брошенный, как и она сама…

Дженни, вздрогнув, проснулась. Открыв глаза, девушка не сразу осознала, что находится в своей комнате – настолько яркой была недавняя картина. Казалось, еще минуту назад здесь, совсем рядом, тлели, исходя дымом, остывающие угли костра и плакала молодая ведьма, спасая того, кто этого спасения был недостоин…

Оставшуюся часть ночи девушка провела без сна. То, что представлялось раньше таким простым, лишилось смысла; все понятия добра и зла перемешались теперь у нее в голове и в сердце. Все не так однозначно и понятно, как хотелось бы… Ведь меч, лежавший сейчас у нее под подушкой, когда-то принадлежал убийце ее самых близких людей. А женщина, спасшая этого убийцу, – тетя Николь, подруга ее матери.

И у Дженни в этот момент был выбор – принять или отвергнуть их обоих…

Когда Молли утром осторожно приоткрыла лапкой дверь в спальню Дженни, ее глазам открылась неожиданная картина: девушка с мечом в руке выполняла серии движений. Они были то быстрыми, то плавными, будто какой-то чудной танец. Словно в трансе, Дженни двигалась с закрытыми глазами и, только почувствовав чье-то присутствие, остановилась.

Взгляд ее был ясным, а на лице появилась улыбка.

– Я знаю, почему этот меч – существо, а не предмет. Он способен мыслить и даже чувствовать, и у него есть собственная воля. А еще я, кажется, поняла, что такое связь меча и его мага. Это означает быть одним целым, продолжением друг друга. И пускай я еще только начинающий маг, но, мне кажется, связь между нами уже существует. Каким бы ни было прошлое моего меча, намного важнее – настоящее!

Дженни продолжила свои занятия, а Молли внимательно следила за ее движениями – в желтых глазах кошки светилось одобрение…

Глава 45
Нужно верить

Николь бесцельно вертела в руках край пояса своего платья. Всегда образец спокойствия и уверенности, сейчас она пыталась справиться с нахлынувшими чувствами. В глазах женщины светилась грусть, и она непроизвольно избегала взгляда Дженни, сидевшей рядом с ней возле камина.

– Пожалуй, это к лучшему, что меч рассказал тебе обо всем. Мне было бы слишком тяжело… – наконец отозвалась Николь.

– Вам не в чем себя упрекать. Ваш поступок не был предосудительным. Добро всегда остается добром.

– Иногда за добро приходится расплачиваться намного больше, чем за зло, – Николь горько усмехнулась. – Сколько раз потом я винила себя за то, что сделала. Что дала второй шанс человеку, который оказался его недостоин. Особенно – когда узнала, что он сделал с твоей семьей… Но остановить его я уже не могла. Единственное, что мне удалось, – спасти тебя, напомнив ему о долге… Однако это не вернет ни Элисон, ни Патрика…

– Но вы же не могли предугадать того, что случится! Вы спасли его… из-за любви, – тише добавила Дженни. Ей было безумно жаль эту сильную женщину, которая сейчас с трудом сдерживала слезы.

– Любовь бывает слепой. Мы склонны верить тому, кого любим… Так случилось и со мной. Я хотела видеть в нем то доброе, что было в свое время.

Она смотрела куда-то, словно сквозь стену, и – Дженнифер была уверена в этом – видела сейчас моменты далекого прошлого, связавшие многие судьбы тугим узлом.

– Если бы я только знала, Дженни, если бы только знала! Тогда я еще надеялась, что сотворенное добро способно пробудить благородство даже в очерствевшей душе. Того, другого, Бенджамина я продолжала помнить, несмотря на то, что от него, прежнего, осталось, наверное, лишь имя… Когда-то мы были близки, вместе познавали новое, испытывали свои силы. Он обладал способностью окунаться во что-либо с головой, действовать во всю мощь и без оглядки… Мне этого всегда недоставало. Он как будто лечил меня от излишней осторожности и сдержанности своей готовностью жить только теперешним моментом, только бесконечным «сейчас», не заглядывая в будущее… Мы были партнерами и любили друг друга – как мне

тогда казалось…

– Но что же произошло? Что случилось с ним… С вами обоими? – почти шепотом спросила Дженни, боясь разрушить хрупкий мостик доверия. Она понимала, что сейчас Николь – всегда такая невозмутимая и уверенная – делится самым сокровенным, пуская ее в скрытый уголок измученного сердца.

– Игры с силой затягивают… Не зря говорят, что, если долго всматриваться в бездну, она начнет всматриваться в тебя. Я смогла остановиться, не желая играть жизнями других. Бенджамин не смог. Или не захотел… Жизнерадостный, жаждущий новых свершений маг стал агрессивным и беспринципным, одержимым одним желанием – безграничной власти. Мы начали отдаляться друг от друга, пока не превратились в чужих… А потом он встретил Элисон, и… Случилось то, что случилось. – Николь вздохнула.

– А вы… и сейчас… – Дженнифер не смогла до конца озвучить свой вопрос.

Николь грустно покачала головой.

– Нельзя любить чудовище… В нем не осталось уже ничего от того, кем он был прежде. Мужчина, которого я любила, умер давным-давно. А черный маг с камнем вместо души лишь носит его имя…

– Вы сами учили меня, тетя Николь, никогда не жалеть о содеянном, – негромко, но решительно после недолгой паузы отозвалась Дженни. – Прошлого не изменишь. Никого нельзя винить за любовь. Вам нужно простить себя, отпустите собственную вину.

Николь впервые за это утро прямо посмотрела на свою юную собеседницу, и в глазах ее отразилась благодарность.

– Я помогу тебе, Дженни, освободить твоих друзей и сделать все, что только в моих силах, чтобы уничтожить зло, которое продолжает обрывать и рушить чужие жизни.

– Но… Хватит ли наших сил? – тихо спросила девушка.

– Хватит. Если ты сама будешь в это верить.

– Я верю, – сказала Дженнифер. – Я должна, просто обязана сделать это!

Некоторое время они обе молчали.

– Поехали.

– Куда?

Николь загадочно улыбнулась.

– Погуляем по городу.

Глава 46
За чашкой кофе

Оливер безбожно опаздывал, и Уильям в который раз с досадой поглядывал на часы. Какая ужасная привычка – назначать встречу, а потом являться на нее часом позже!

Это простительно разве что женщинам, опаздывающим на свидание, да и то… Если бы Оливер Винтер среди всех знакомых дизайнеров не был лучшим, Уильям давно ушел бы отсюда – и пусть потом извиняется, сколько душе угодно… Однако он нуждался в Оливере и поэтому смаковал уже третью чашку кофе, растягивая удовольствие и не думая о последующей из-за такого предпочтения бессоннице.

Рассеянным взглядом блуждая поверх голов посетителей кафе, Уильям вдруг задержал его на двух женщинах, сидевших за угловым столиком. Одна из них, в темном платье, о чем-то негромко говорила другой, молоденькой, которая…

Тут Уильям удивленно заморгал и сильнее напряг зрение – неужели это действительно она? Юная девушка с немного печальным лицом была ему знакома. Он вспомнил ее – как она вышла из театра и позже беспомощно сидела на газоне… С тех пор она изменилась – теперь выглядела повзрослевшей. Но, главное, глаза ее снова были живыми, а не с застывшим взглядом, как тогда…

Значит, она переборола свой недуг? Уильям был искренне рад за нее.

Девушка выпустила что-то из рук, однако, вместо того чтобы искать пропажу под столом, стала разглядывать людей за соседними столиками. Взглянула она и на Уильяма; на какую-то секунду их взгляды встретились, но девушка снова отвернулась, рассматривая женщин за столиком справа от себя.

– Извини, опоздал! – прервал его наблюдения запыхавшийся Оливер, который тяжело плюхнулся на стул напротив приятеля. – В городе такие пробки, ты не поверишь!

«Какие пробки? Ничего подобного я не заметил», – тоскливо подумал Уильям, но не сказал этого вслух, рассеянно слушая сбивчивый рассказ дизайнера, который продолжал оправдываться.

А когда он снова взглянул на столик в углу, то увидел только женщину; девушка стремительно направлялась куда-то по коридору.

Глядя ей вслед, Уильям вдруг почувствовал досаду – так,

словно прямо перед его носом только что забрали с полки буфета редкостное пирожное, хотя он сам до этого совсем не собирался его покупать…

– Оливер, подожди, пожалуйста. Я сейчас вернусь… – бросил Уильям своему собеседнику. Поднявшись из-за стола, мужчина поспешил вслед за девушкой.

Честно говоря, он и сам не знал, почему так поступил. И что он скажет ей, когда догонит? Но эта мысль пришла позже, а ноги уже несли его в дальний угол коридора.

Услышав щелчок закрывающейся двери, Уильям остановился. Неловкая ситуация – побежал за девушкой до туалета… Нет, здесь совсем неподходящее место для знакомства…

Осторожно ступая, он повернул назад. Открытая дверь на небольшой балкончик – то, что нужно! Сейчас она будет возвращаться тем же путем; он выйдет с балкона – это куда лучше, чем столкнуться возле двери в туалет…

Уильям отошел в сторону – чтобы удобнее было наблюдать за коридором. Но долго ждать не пришлось: торопливые шаги по паркету пола, и… перед ним стояла та самая девушка. Чуть щурясь от дневного света, она смотрела прямо перед собой, кажется, не замечая его.

И лишь когда Уильям сделал шаг ей навстречу, их глаза встретились.

Глава 47
Кольцо Призраков

Николь и Дженнифер сидели в небольшом ресторанчике в центре города за чашкой чая со сладостями. Кремовые пирожные в хрустящей вафельке были свежими и восхитительными на вкус, но есть их Дженни почему-то совсем не хотелось. Для приличия девушка пару раз тронула выпечку десертной ложкой и больше к ней не прикасалась. Ее мысли были сейчас далеко.

Но Николь неожиданно сумела привлечь ее внимание: женщина достала из сумочки небольшую бархатную коробочку.

– Взгляни, – она протянула ее Дженни.

Откинув крышечку, девушка с удивлением достала изнутри небольшое золотое кольцо. На его поверхности виднелась изысканная гравировка; однако выгравированные символы были ей не знакомы.

– Какое красивое! Выглядит, будто старинное…

– Так и есть. Можешь его примерить.

Дженнифер осторожно надела кольцо себе на палец правой руки – украшение идеально подошло ей.

– Раньше оно принадлежало твоей матери, – тихо сказала Николь. – Теперь ты его хозяйка.

– Спасибо, – прошептала Дженни, осторожно проводя пальцами по тускло поблескивающей золотой полоске. На вид – обычное, но чувствовалось в нем нечто такое…

– Это не просто украшение, кольцо обладает одним удивительным свойством – делает твое магическое видение мира устойчивым. Его просто нужно бросить на пол.

– Бросить?

Девушка тут же сняла кольцо, осторожно опустила его на пол и оглянулась вокруг. Там всё по-прежнему – рядом с ними была та же обстановка и те же люди. Вот двое детей едят мороженое, весело общаясь между собой. Вот молодой мужчина потягивает из малюсенькой чашечки кофе. Кажется, она где-то его уже встречала, но не могла вспомнить, где именно…

– Смотри внимательнее!

Взгляд Дженни задержался на двух женщинах за столиком в углу. Они оживленно болтали между собой; обе – ничем не примечательные, разве что… От одной из них через столик тянулась грязно-зеленая пульсирующая нить и впивалась в затылок другой. Присмотревшись, девушка с удивлением заметила, что картинка меняется – буквально через несколько

секунд это был уже скорее веревочный канат, чем нить, и казался он живым.

Ничего не замечая, вторая женщина продолжала внимательно слушать первую, в такт ее словам кивая головой.

– Что она делает? – поразилась Дженни.

– Всего лишь забирает энергию. Это энерговампир, – спокойно объяснила Николь, на миг бросив взгляд в ту сторону, куда смотрела Дженни.

– А она делает это нарочно? – Девушка заставила себя отвести взгляд от неприятной картины.

Живая шевелящаяся трубка, которая, словно огромная пиявка, тянула из жертвы жизненные силы, казалась Дженнифер омерзительной.

– Едва ли. Часто такие люди сами не знают о своих наклонностях.

– Но почему она делает это?

– Потому что сама обмениваться энергией с миром не может. Ей не хватает собственных ресурсов, и она вынуждена подпитываться от других.

– Но ведь это – зло…

– Поверь мне, все не так однозначно, – пожала плечами Николь. – Иногда общение с таким энергососом для человека, у которого избыток энергии и который не умеет ее использовать правильно, – благо. Потеряв часть своей энергии, он не будет страдать от приступов непонятного беспокойства и нервозности. Подсознательно такие личности ищут и находят друг друга… Хотя вообще энерговампиры, – пожалуй, самое меньшее зло из того, что тебе еще придется увидеть.

– А… кого еще я смогу увидеть?

– Настоящих вампиров, например. Или оборотней. Магов. Потусторонние сущности…

Дженни вспомнила вдруг существо на кухне родительского дома – странного вида волка, от когтей которого она спаслась чудом…

Не отдавая отчета своим действиям, она быстро подхватила кольцо и надела его на палец. И тут же слегка покраснела, ожидая осуждения со стороны Николь. Однако наставница оставалась спокойной.

– Кажется, я… Я пока не совсем готова встретиться со всем этим, – пробормотала девушка. – Я чувствую себя здесь… неуютно. Может, мы поедем домой?

– Конечно, как хочешь, Дженни, – быстро согласилась с ней Николь. – Тебе нужно время, чтобы принять все. И это не так просто… – Ее ладонь успокаивающим жестом коснулась руки

Дженнифер. – Только не надо винить себя. Поверь мне, держишься ты отлично – ты очень смелая девушка. Просто, как правило, на подготовку мага уходит гораздо больше времени… Тебя же приходится учить почти в «полевых условиях». Но ты справишься – дай себе немного времени…

Девушка не ответила, лишь рассеянно кивнула головой.

Потянувшись за сумочкой, Дженнифер неосторожно задела локтем тарелку с десертом; тут же пирожное, словно только и ждало этого момента, спикировало вниз, оставляя на блузке девушки кремовый след.

– Ч-черт, – тихо выругалась Дженни, пытаясь салфеткой стереть влажное липкое пятно. – Извини, я сейчас…

Быстро вскочив из-за стола, она отправилась на поиски дамской комнаты. Все ее чувства были напряжены словно туго натянутые струны.

Мирное журчание стекающей из крана воды немного успокоило ее. Почти сразу же забыв о злополучном пятне, девушка набрала полные ладони прохладной воды и окунула в нее лицо. Приятная прохлада действовала умиротворяюще; после нескольких минут «водных процедур» она почти полностью успокоилась.

Снова вернувшись в коридор, ведущий в зал ресторана, Дженни заметила небольшой балкончик. Его двери были распахнуты, будто приглашая войти. Свежий воздух как раз кстати: ей не мешало проветриться, прежде чем вернуться к Николь.

Погруженная в свои мысли, Дженнифер не сразу заметила, что находится на балкончике не одна. И только когда незнакомый мужчина оказался рядом с ней, она удивленно подняла на него глаза. Но был ли он таким уж незнакомым?

– Здравствуйте! – произнес мужчина с приятной улыбкой. – Я рад нашей встрече!

– Здравствуйте, – отозвалась Дженни чуть растерянно. – А мы разве знакомы с вами?

– Можно считать, что почти знакомы. Хотя мы с Раджем и не успели спросить ваше имя. – Увидев удивление на лице девушки, он поспешил объяснить: – Радж – это мой пес. Он еще испугал вас возле театра, помните?

Дженни улыбнулась с некоторым облегчением. Конечно! Теперь все встало на свои места. Вот почему лицо молодого мужчины показалось ей смутно знакомым – ведь они разговаривали тогда, возле театра, в тот трагический вечер…

– Да, точно, вспомнила.

– Ну, раз мы встретились снова… – продолжил он немного

смущенно. – Вы верите в случайности?

– Я теперь верю во многое из того, во что никогда бы не поверила раньше, – чуть грустно улыбнулась Дженнифер.

– Уильям, – протянул он раскрытую ладонь.

– Дженни, – девушка едва коснулась пальцами протянутой руки.

– Вы любите театр? Скоро намечается одна интересная премьера, и, может быть…

Тень набежала на лицо Дженнифер; ответ прозвучал неожиданно резко:

– Нет, с некоторых пор я не люблю театр. А теперь – извините, мне пора идти.

Оставив Уильяма в недоумении – чем его слова могли обидеть ее, – Дженни стремительно покинула балкончик. Уже возвращаясь к Николь, она почувствовала легкий укол совести, что так неучтиво обошлась с новым знакомым. А ведь он был очень вежлив и, вероятно, имел самые добрые намерения. Однако разговор о театре опять всколыхнул ту боль, с которой она все это время пыталась бороться. Слишком свежи еще были воспоминания… Да и вообще – время ли сейчас заводить новые знакомства, если не знаешь, чего ждать от завтрашнего дня? В городе могут быть шпионы Руффа… И хотя этот парень совсем не похож на шпиона, но все-таки…

– Дженни, все в порядке? – Николь смотрела на нее с легкой тревогой.

– Да, тетя Николь, все нормально. Поехали домой…

Выходя из ресторана, девушка украдкой обернулась к двери – но Уильяма уже не было видно.

Глава 48
Пополнение отряда

Рипп-рипп… Кровать, как обычно, дрожала под его весом, когда он начинал на ней раскачиваться – медленно, из стороны в сторону, не отрывая от окна тоскливого взгляда.

Рипп-рипп… Кровать всхлипывала, словно плакала в унисон его сердцу, и Джастин тоже плакал вместе с ней – беззвучно, без горячих, скользящих по щекам капель – только в своем сердце.

Он привык плакать так уже давно, вспоминая прошедшие дни, когда он был Другим, когда он был Настоящим… Того, другого Джастина, любили и уважали. Ему всегда было что сказать, его шутки были уместными. И все складывалось бы так и дальше, если бы… Если бы не тот бой, не тот удар, после которого мир словно треснул на две половины – «до» и «после»…

Вся восемнадцатая палата спала. Словно ночной часовой, Джастин не первую ночь проводил без сна. И не последнюю… Сколько их еще будет, этих ночей в четырех стенах, безрадостных, как ночная темень, и тусклых, как грязное оконное стекло. Там, за этим стеклом, был мир – настоящий мир, в котором ему, теперешнему, не осталось места…

Осторожно поднявшись, он подошел к окну. Голова немного кружилась, во рту ощущался противный металлический привкус – как всегда после приема лекарств.

С поникшими плечами, угрюмой тенью продолжал он стоять у окна. Однако сегодня была особенная ночь, и Джастин чувствовал это: полная луна в хмурых тучах позовет Их. И он опять увидит странный полет невообразимых существ, которые выйдут – обязательно выйдут, чтобы отдать свою дань луне…

Он не ошибся: в темном небе показалась крылатая стая. Дрожа всем телом – то ли от страха, то ли от возбуждения, Джастин, как завороженный, смотрел в окно, где, то поднимаясь под самые облака, то стремительно несясь к земле, играли, кружили, упивались полетом существа, напоминающие крылатые тени. Словно сотканные из ночного мрака, они казались невесомыми, но в то же время грозными детьми ночного мира…

Будто почувствовав его взгляд, одна из теней вдруг оставила стаю и подлетела ближе. Замирая от ужаса, он смотрел, как крылатый сгусток мрака пролетел за окном, потом еще раз и… завис неподвижно, глядя на него сверкающими углями красных глаз.

Что было в этом взгляде? Любопытство, удивление, насмешка

или… ожидание? Джастин не мог понять. И вдруг, неожиданно для себя, почувствовал жгучую зависть к этим свободным и сильным сущностям, не знающим страха и жалости, не ведающим сомнений и терзаний совести, не помнящим о поражении!

Крылатая тварь словно прочитала его мысли; на миг глаза ее вспыхнули ярче. Еще через мгновение она исчезла, оставляя Джастина наедине с его отчаяньем, что стремительно разрасталось, угрожая затопить слабеющий рассудок…

Он не мог бы сказать, сколько прошло времени, прежде чем дверь в палату неслышно открылась и к нему, стоящему у окна, подошла Игла. Он видел ее сотни раз, эту грубую, беспардонную, невыносимую медсестру, но теперь, когда она приблизилась неслышной походкой, едва касаясь земли, Джастин как будто увидел ее в ином свете. Не говоря ни слова, она смотрела на него, словно ждала чего-то… Ее глаза вдруг вспыхнули красным огнем, словно горящие на ветру угли.

И он понял все… Эта минута, застывшая, дрожащая между ними, решала всю его дальнейшую судьбу.

Глядя в сверкающие глаза, бывший боксер Джастин, негромко сказал:

– Возьмите меня к себе. Я на все согласен. Больше так жить не могу…

Медленно, непослушными пальцами он начал расстегивать воротник больничной рубашки; вторая пуговица не поддавалась, и он просто дернул застиранную ткань, открывая мощную шею, где пульсировала, будто дразнясь, еле заметная голубоватая жилка.

Игла усмехнулась.

В тусклом свете изменчивой луны сверкнули на миг удлиняющиеся на глазах клыки вампира…

Глава 49
Боевое крещение

Проходили дни. За окном то наползали тяжелые снежные тучи, обволакивая своей густой массой серое небо, то снова проглядывало скупое зимнее солнце.

Погода не располагала к прогулкам, но Дженни и без этого редко отрывалась от своей учебы. Доходило до того, что Николь, заботясь о здоровье своей ревностной ученицы, просто заставляла ее отдыхать, прогоняя на улицу. Тогда Дженнифер выходила, чтобы немного побродить по саду или окрестностям – одна либо в сопровождении Молли, с которой сдружилась еще больше. Действительно, они стали настоящими подругами и свободное время почти всегда проводили вместе.

Понемногу стирались из памяти больничные страхи; Дженни уже не вздрагивала от каждого резкого звука и не просыпалась по ночам, чтобы осмотреться. Но воспоминания периодически возвращались к ней, как и чувство вины за то, что ее друзья до сих пор находятся в ловушке. Она и сама не смогла бы точно ответить, почему так переживала за них. По сути, все обитатели восемнадцатой палаты были чужими друг другу и совсем разными людьми, которых судьба однажды свела в недобром месте. Но Дженни сумела вырваться из этого места, а они – нет. И жизнями их распоряжался темный маг, готовый на что угодно.

Да, зло не свойственно ее натуре – узнавая себя, изучая собственную силу, она все четче понимала, что относится к светлым волшебникам. Однако в то же время мысли о мести будили в ее сердце необузданный гнев – то, чего раньше ей не приходилось замечать в своей натуре.

Не зря книга в черно-белой обложке попала к ней в руки: скоро она стала самой любимой. Именно с ней Дженни проводила больше всего времени, пытаясь разобраться в себе и своих способностях. Книга сначала пугала ее, часто оставляла в недоумении над нерешенными вопросами. Ведь в ней говорилось, что разделение силы на добро и зло весьма условно. Магия просто есть, черной или белой делает ее уже сам маг, направляя силу в нужное для него русло.

Это утверждение казалось Дженнифер спорным; если согласиться с ним, тогда, выходит, между тетей Николь, ее родителями, ею самой и жестоким доктором Руффом почти нет различий? Просто они придерживаются разных представлений о морали? Но, принимая такие утверждения, можно оказаться на

опасной дороге сомнений…

«Сомнения разрешаются в действии», – гласила книга, и этого Дженни тоже не могла понять. После нескольких недель успешного продвижения вперед в своих знаниях и практических навыках она вдруг застопорилась на месте. Кроме того, Антонио с упорством твердил, что Дженни еще не готова к настоящему бою. Он говорил об особом боевом настрое, который ей пока был незнаком. Дженнифер никак не могла понять, о чем именно идет речь, и опасения Антонио казались ей преувеличенными.

Может, ее нарочно удерживают, убеждая, что силы ее слишком малы? Да, она доверяла тете Николь, но не перерастет ли ее забота в связывающую опеку? Возможно, Николь решила оттянуть бой с Руффом или вообще не подпустить к нему Дженни – для ее же блага?

Девушка, наоборот, чувствовала, что готова действовать – не зря она столько времени старалась изо всех сил, не жалея себя. И так ли важен этот «особый настрой», которому Антонио придавал столь большое значение?

Со своими сомнениями Дженни обратилась к Николь. Выслушав ее внимательно, женщина попросила дать ей время подумать. И уже в конце дня явилась с предложением.

– Я знаю, что должно тебе помочь… Амулет, который носил раньше твой отец, – вещь для особых случаев. Он должен быть в вашем доме; тебе предстоит его найти.

Воспоминания о родном доме всякий раз нагоняло на Дженни тоску, однако теперь тетя явно решила не щадить ее чувств.

– Антонио отвезет тебя прямо сейчас. Вечер – самое подходящее время, не стоит привлекать к себе излишнего внимания соседей. Найди то, что нужно, и сразу возвращайся.

К удивлению Дженнифер, сама Николь не собиралась ехать с ней, а просить ее девушке было неловко, хотя она очень нуждалась в этом.

– А что я должна найти? Как выглядит этот амулет?

– Серебряный кинжал. Патрик хранил его в деревянной шкатулке. Думаю, он должен быть где-то в его комнате или спальне.

Без особой охоты собираясь в дорогу, Дженни все еще надеялась, что Николь или хотя бы Молли согласятся составить ей компанию. Но обе оказались заняты; Николь только рассеянно пожелала девушке успеха и углубилась в изучение какого-то свитка.

Скрывая некоторое разочарование, Дженнифер все же села в машину вместе с Антонио. Дворецкий тоже не был расположен к

общению; окутанный своими мыслями, словно непроницаемым одеялом, он за весь путь сказал девушке едва ли пару слов.

Когда они прибыли на место, зимние сумерки уже переросли в настоящую темень. По всей улице Канталь окна в домах светились приветливыми огоньками, и только ее родной дом встретил Дженни темнотой и полной тишиной.

А когда, остановившись у знакомой дорожки, Антонио не встал с кресла водителя, девушка вообще растерялась.

– Думаю, тебе хватит полчаса, чтобы найти то, что нужно, – обронил дворецкий так спокойно, словно речь шла о чем-то совершенно будничном, а не о походе одной, да еще поздним вечером, в дом, где она натерпелась столько страхов. – Я как раз успею заглянуть в одно место, а потом вернусь за тобой.

Дженни хотела было выразить протест и попросить Антонио остаться, но что-то ей помешало. Может, та самая гордость, что заставляет выглядеть сильнее, чем ты есть на самом деле?

– Хорошо, – пробормотала девушка и вышла из автомобиля.

Сердце ее сжалось, когда она подходила к знакомой двери. Темнота в окнах выглядела очень уж неприветливо. Или это просто отзывались в душе ее страхи?

Идти в дом одной ужасно не хотелось; причина была не только в боязни – ощущение одиночества, за последнее время немного притупившееся, возродилось с новой силой. Набравшись смелости, Дженни решительно поднялась на крыльцо. Открыв дверь своим ключом, оглянулась, прежде чем переступить порог. Ей показалось, что она услышала, как автомобиль Антонио отъезжает от дома. Теперь она действительно осталась одна.

– Ладно. Все в порядке. Я просто войду туда, чтобы найти нужную вещь, – сказала она самой себе.

Хотя незримые нити всех ее чувств были сейчас натянуты до предела, девушка все же решительно переступила родной порог.

И тут же мысль «что-то не так» стала пульсировать в голове все настойчивее, будто замигала красная лампочка тревоги.

Глава 50
Вторая стена огня

В доме явно чувствовалась враждебность – вот что было не так. Дженни поняла это, дойдя до середины лестницы, ведущей на второй этаж. У девушки появилось острое желание убежать отсюда и ждать возвращения Антонио на улице. Но она удержалась – ведь это означало бы расписаться в собственной слабости и трусости. Да и что, в конце концов, с ней может здесь произойти?

Дженнифер заставила себя приблизиться к комнате родителей. Однако тренированное уже чутье продолжало кричать ей о скрытой угрозе.

Что такое с ней происходит? Или, стоило ей переступить порог, как прежнее сумасшествие решило вернуться вновь?

Нет, ее ощущения не просто смятение от тяжелых воспоминаний. Что-то есть еще, это словно едва уловимый запах, витающий в воздухе, присутствующий здесь наподобие части обстановки… Новой обстановки.

Это был запах опасности.

И тут она вспомнила о своем недавно обретенном сокровище, которое могло бы пролить свет на происходящее. Дженни, сняв с руки кольцо своей матери, бросила его перед собой. Мелькнув в воздухе желтой искрой, оно с тихим звоном покатилось по паркету… прямо через цепочку тянущихся в комнату следов, которые проявились сразу же, едва Кольцо Призраков коснулось пола.

Этих чужих, звериных следов было множество; из них сложилась целая многослойная тропинка. Они вели во все комнаты – похожие на волчьи, следы петляли по коридору… Дорожка из них тянулась и в ту комнату, куда Дженни предстояло сейчас зайти – в спальню ее родителей!

Что-то вдруг будто щелкнуло у нее в голове, и все обуревавшие до сих пор эмоции исчезли, словно их просто выключили как кнопку зудящего звонка. Остались только мысли, необыкновенно ясно складывающиеся в общую картину… Существо, которое она впервые увидела тогда, на кухне, вероятнее всего, никуда не делось. Оно приходило еще и еще. Или вообще выбрало покинутый дом в качестве своего жилища. А может, кто-то по собственной воле послал сюда оборотня – в ее, Дженнифер, дом?

Следы казались совсем свежими – они продолжали слегка

отсвечивать в полутемном коридоре. Оборотень мог быть еще здесь. С этой мыслью, которая раньше повергла бы ее в панику, девушка осторожно повернула дверную ручку и переступила порог спальни родителей. Другой рукой она уже вытаскивала из ножен на спине свой меч.

Едва оружие оказалось в ее руке, еще одно, доселе непонятное ощущение, завладело ею – оно было похоже на нетерпение. Почти радостное нетерпение, предвкушение встречи… Встречи с тем, кто посмел осквернить волшебную атмосферу этого дома, где в свое время так счастливо жила она, Дженни, со своими родителями.

И когда – совсем неожиданно – тень от тяжелой портьеры качнулась и от нее отделилась еще одна, почти двухметрового роста, бросившись к девушке с устрашающим рычанием, Дженнифер почувствовала непонятный азарт.

Ей следовало бы испугаться – мелькнула и погасла мысль. Неведомое существо все это время было здесь! И оно посмело устроить свою берлогу прямо в спальне ее родителей! Гнев поднимался волнами вверх, словно пробудившийся ото сна дракон. Она сама в этот момент превращалась в огонь, в яростное пламя, полыхающее ненавистью. Огонь поднимался из самого сердца, разливаясь по жилам, волнами смешиваясь с ее дыханием…

Девушке показалось, что время вдруг замерло, вмещая в себя эти чудесные превращения, хотя реально прошло не больше нескольких секунд. Выпустивший когти волк не завершил еще свой смертоносный прыжок, когда Дженни успела отскочить в сторону. А в следующий момент, не ожидая другого прыжка, она уже сама ринулась на чудовище, опуская ему на спину свой меч.

Удар пришелся ниже шеи; густая шерсть немного притупила его силу. Оборотень взвыл и, выпустив когти, опять бросился на девушку – но на этот раз клинок вошел под самое сердце монстра.

Еще один полный злобы рык, однако уже разбавленный воплем боли. Словно не веря своим глазам, зверь смотрел на торчащую из его груди рукоять меча.

Обхватив ее двумя лапами, оборотень неуклюже начал оседать на пол. В тот же миг лапа с растопыренными и острыми как лезвия когтями мелькнула в воздухе в сантиметре от лица Дженнифер. Если бы девушка не успела вовремя отпрыгнуть, чудовищный удар мгновенно смял бы ее, будто игрушку…

Обернувшись, она схватила первое, что попалось под руку, – тяжелый стул с дубовой спинкой, и изо всех сил обрушила его на голову оборотня. Раненый, а теперь и оглушенный, зверь взвыл

пуще прежнего и окончательно рухнул на пол. Нанеся еще один удар, Дженнифер остановилась; на нее смотрели красные, налитые кровью глаза волка-чудовища. Смотрели почти осмысленно.

И – показалось ей, или на самом деле, – злоба и ярость в его взгляде сменились чем-то, напоминающим облегчение.

Веки волка сомкнулись, уродливая морда безвольно опустилась на лапы. Кровь продолжала ручейком струиться из раны.

Дженни молча смотрела на лежащего у ее ног монстра. Бушующий в груди огонь понемногу спадал, угасая…

– Честно говоря, не ожидал, что ты так быстро с ним справишься…

Дженни, вздрогнув от неожиданности, обернулась – за ее спиной в дверях стоял Антонио. Давно он здесь находится? И что успел увидеть?

Девушка снова перевела взгляд на зверя – уже почти растерянно. Ее прежнее состояние – воодушевления и странного внутреннего покоя – куда-то улетучилось. Руки начали слегка подрагивать, запоздало реагируя на страх.

– Антонио… Неужели это я… я его, кажется…

– Ты его убила, Дженнифер. – Антонио был спокоен и собран, словно произошло нечто важное, в чем он, однако, никогда не сомневался.

Осторожно переступая через неподвижные лапы, он подошел к убитому зверю. Дженни продолжал бить озноб, она только сейчас начала действительно осознавать то, что сделала.

Антонио наклонился над зверем. Затем молча обмакнул пальцы в пролитую кровь и коснулся ими лба девушки. Она не слышала, что он произнес при этом; мелкая дрожь, до сих пор сотрясавшая ее тело, резко пропала, только странный жар на секунду охватил ее и тут же неожиданно исчез.

А с тушей мертвого зверя что-то стало происходить: над убитым волком всколыхнулся полупрозрачный туман, после чего тело начало менять очертания. Еще минута – и глазам изумленной девушки предстала картина куда более страшная, нежели чудовище с оскаленной пастью: на полу, изогнувшись в неестественной позе, в луже крови лежал… человек.

Онемев, Дженни смотрела на него, не в силах поверить в это. Как вдруг все тот же туман вновь обволок недвижимое тело – и оно стало таять, словно кто-то невидимый стирал его из реальности. Миг – и вместо убитого оборотня на полу осталась горсть серого пепла. Пролитая кровь исчезла бесследно, будто ее и не было.

– Ну вот и все, – в такт мыслям Дженни произнес Антонио.

– Что… что это было?

– Это обращенный оборотень. Он уже наполовину мертвец, когда становится таким, а дальше живет и получает силы лишь благодаря своему хозяину. Потому от них ничего не остается, если они погибают…

– А как ты оказался здесь, Антонио? Кажется, полчаса еще не прошло.

– Я все время приглядывал за тобой. Не мог же, в самом деле, оставить тебя в твоем первом бою совсем одну, – Антонио говорил так, будто оправдывался.

– Значит, ты знал про оборотня?

– Конечно знал. Это было твоим испытанием. Боевое крещение, так сказать.

Дженни осторожно коснулась пальцами своего лба – капли крови убитого ею монстра, казалось, еще до сих пор горели на нем. Метка кровью. Еще один, новый для нее, ритуал. Но девушка чувствовала себя настолько опустошенной после пережитого волнения, что ей, похоже, было все равно.

– А Николь… Она тоже знала?

– Николь хотела убедиться в том, что ты в состоянии одолеть свои страхи и неуверенность. В том, что, встретившись с реальным врагом, не будешь жертвой.

Девушка лишь коротко кивнула.

– Извини, Дженни… Однако нам предстоит настоящая война, а не выпускной бал, поэтому…

– Антонио, не надо извиняться. Я все понимаю. И… даже рада, что все так получилось. Ведь я и вправду… победила его…

– Ты победила не только его, но и свой очередной страх. Уже одно это дорогого стоит…

– А как же кинжал?

Антонио с недоумением взглянул на Дженни.

– Ну, как же? – девушка была совсем сбита с толку. – Тот, ради которого мы сюда приехали – боевой амулет.

Антонио пожал плечами.

– Это был всего лишь повод для испытания. У тебя уже есть собственный амулет.

Дженни подобрала свой меч и молча покинула комнату. Антонио последовал за ней.

Спускаясь вниз, она задержалась лишь на секунду, чтобы забрать Кольцо Призраков.

Молча они вышли к припаркованному у входа автомобилю. И только когда половина дороги до дома Николь оставалась позади, Дженнифер негромко спросила:

– Так я прошла испытание?

– Более чем, – ответил Антонио, не отрывая глаз от дороги. – Я рассчитывал на это, но, честно говоря, не ожидал от тебя такой выдержки.

– Я сама от себя не ожидала, – вдруг тихо призналась Дженнифер.

Когда они подъехали к дому, навстречу им вышли и Николь, и Молли. Обе уставились на Дженни, будто увидели перед собой призрака.

– Значит, можно тебя поздравить, – негромко сказала Николь.

Девушка лишь сейчас вспомнила, что помечена знаком, нарисованным Антонио кровью побежденного чудовища.

Словно тень рядом вырос и Антонио.

– Дженни отлично справилась. Мне не пришлось вмешиваться. – Дворецкий подошел к девушке и взял ее за руку. – Теперь ты понимаешь, что такое особый настрой перед боем. Его источником стал гнев – обратная сторона твоей любви к родителям. Причиненное им ранее зло пробудило ответное зло в тебе, Дженни. Гнев не всегда лучший помощник в бою, но сегодня ты сумела обернуть его себе во благо.

– Ты можешь использовать это состояние – оно поможет тебе бороться с врагами, – продолжала теперь уже Николь. – Но Антонио прав: гнев – опасное чувство: он сближает тебя с теми, против кого ты борешься. Этим состоянием трудно управлять, гнев способен поглотить тебя. Возможно, потом ты откажешься от него и найдешь другой путь… Но об этом подумаешь позже. Сейчас тебе нужно отдохнуть.

Дженни с благодарностью взглянула на Николь – действительно, физическая и моральная усталость накатили на нее тяжелой волной. Теперь больше всего на свете ей хотелось уединиться.

– Спасибо, тетя Николь, – сказала она негромко. – Пойду к себе…

Николь и Антонио остались сидеть в гостиной, задумчиво глядя на уходящую Дженни.

– Она словно повзрослела за этот вечер на несколько лет, – тихо сказала Николь. – Бедное дитя…

– Она уже почти готова, – добавил Антонио.

Они все еще продолжали смотреть на дверь, за которой скрылась эта маленькая, но такая сильная девушка…

Глава 51
Неожиданный экзамен

Спустившись утром в столовую, Дженни, к своему удивлению, не нашла там Николь. Решив не завтракать в одиночестве, девушка отправилась на поиски хозяйки дома. В каминной (где та часто засиживалась с книжкой на коленях) ее ждал еще один сюрприз: двери комнаты, обычно распахнутые настежь, теперь были плотно прикрыты. За ними слышались негромкие, незнакомые прежде Дженнифер, голоса.

Дженни уже собиралась было уйти, но слова, долетевшие до ее слуха, остановили девушку и заставили на время забыть о правилах приличия.

– Ты не имеешь права рисковать девочкой, Николь, – строго прозвучал чужой женский голос.

– Это ее собственный выбор. У нее в клинике остались друзья, и она хочет их спасти. Если я не пойду с ней, она пойдет одна, – отвечала тетя Николь, голос которой был непривычно напряженным.

– Парочка сумасшедших не стоит таких жертв, ты должна остановить ее, – продолжал первый голос – жесткий и властный, и Дженнифер невольно остановилась под дверью, желая услышать, что скажут дальше.

– Говорю еще раз – это ее решение, не мое! – с нажимом на каждом слове повторила Николь, взволнованность в тоне женщины теперь возросла.

– А ты, вместо того чтобы остановить ее, хочешь использовать наивное дитя в своих целях! Ты же знаешь, никто из нас не поддержит тебя в твоей борьбе против Руффа. Никто из разумных магов не решится противостоять самому сильному черному, и тебе это прекрасно известно. И теперь ты рада, что нашла себе союзника – неопытную девочку.

– Но эта девочка обладает недюжинными способностями! Она сильнее даже, чем ее мать, и очень быстро учится. Со временем Дженни…

– У нее может не быть этого времени, если ты втянешь ее в свои разборки! – воскликнул третий голос, на этот раз мужской.

– Если вы не верите мне, вам лучше услышать все от нее самой, – ответила Николь. Ее голос теперь вибрировал от волнения, как натянутая струна, готовая в любой момент порваться.

Весь этот разговор был прекрасно слышен за дверью, не

требовалось даже напрягать слух.

– Дженни, зайди к нам! – вдруг воскликнула Николь, и девушка чуть не подпрыгнула от неожиданности. Как тетя Николь узнала о ее присутствии?

Дженнифер чувствовала себя ужасно неловко – попалась, как ребенок возле коробки с конфетами! Но отступать было поздно. Покраснев до кончиков ушей, она все же собралась с силами и открыла дверь.

– Здравствуйте, – негромко поздоровалась, подходя ближе к Николь и трем ее гостям, чьи взгляды сейчас были устремлены на нее.

– Здравствуй, Дженни. Познакомься – это Этель Джонсон, Мелани Гриффит и Эдгар Роу.

Гости по очереди кивнули в знак приветствия. Мелани и Эдгар были еще довольно молодыми – возможно, моложе Николь: миловидная женщина невысокого роста с прямым пробором в густых русых волосах и аккуратно одетый мужчина в очках, с небольшой бородкой, слегка похожий на школьного учителя.

Этель – средних лет полноватая дама, выглядела так же ухоженно и безупречно, как и Николь. Она поставила на столик чайную чашку, которую перед тем держала в руках, окинула девушку быстрым взглядом с ног до головы и учтиво улыбнулась.

– Здравствуй, Дженнифер. Я рада знакомству. Мы часто виделись с твоей мамой…

«Что-то не припомню», – подумала Дженни, однако вслух ничего не сказала. Самоуверенный вид этой гостьи почему-то сразу ее насторожил – она вела себя так, словно имела право в чем-то упрекать Николь. Хотя непонятно, кто ей дал такое право.

– Садись, дорогая.

Девушка послушно опустилась в предложенное кресло. Она все еще испытывала некоторую неловкость из-за своего некорректного поведения, но казалось, что все уже забыли об этом.

– Николь описала нам, как ты расправилась с оборотнем вчера вечером… Это правда? – не утруждая себя продолжением обмена любезностями, обратилась Этель к девушке.

– Правда. Это было не так уж и сложно… Если хорошо испугаться, – честно призналась Дженни.

Женщина чуть улыбнулась в ответ.

– Весьма похвально, что ты столь быстро обучаешься боевым практикам. Борьба с силами тьмы – достойное занятие. Но оно не совсем подходит для юных магов, которым еще предстоит многому научиться. Не стоит подвергать себя чрезмерному риску, Дженни.

– Ты еще не готова, девочка, – в свою очередь отозвалась Мелани приятным чистым голосом.

Дженни слегка растерянно посмотрела на Николь, однако наставница молчала. Тогда девушка решила вступить в спор сама.

– А почему вы так решили? – как можно более вежливо спросила она, стараясь, чтобы ее слова не звучали будто вызов. – С чего вы это взяли?

Вся троица гостей переглянулась – на их лицах мелькнуло недоумение. Первым улыбнулся Эдгар Роу.

– То есть, ты считаешь, что готова к бою?

– Вполне, – твердо ответила Дженни, хотя внутренне она не была в этом уверена.

– И прямо сейчас могла бы это доказать? – в глазах Эдгара уже плясали огоньки азарта.

– А почему бы и нет?

– Хорошо. Тогда бейся… Со мной!

Эдгар напал на нее без предупреждения – что-то напоминающее черную сеть мелькнуло в воздухе, опускаясь на плечи Дженни. Девушка успела отбить атаку, выкрикнув оградительное заклинание. А уже в следующую секунду Эдгар летел на нее со сверкающим в руке мечом и ей ничего не оставалось, как успеть достать свой и опять блокировать удар. Они то сходились, то расходились снова, чтобы вновь броситься друг на друга в диком танце боя. Почувствовав себя более уверенно, Дженни теперь старалась не только обороняться, но и нападать. Гостиная стала их полем боя, и каждый пытался отыскать слабое место в защите другого, применяя заклинания и дополняя их стремительными атаками меча…

Дженнифер не знала, сколько прошло времени, прежде чем сам Роу в примирительном жесте поднял руки вверх, объявляя, что бой окончен. Никто из них не нанес вреда другому; но, возможно, этого и не требовалось.

Три женщины с задумчивым видом негромко переговаривались между собой.

Пытаясь выровнять дыхание, Дженни стала прямо перед ними.

– Неплохо, девочка, очень неплохо, – опять первой отозвалась Этель. – Ты делаешь большие успехи, но… – женщина грустно покачала головой, – …твоя подготовка сейчас – и как бойца, и как мага – определенно недостаточна. Ты готова процентов на пятьдесят, не более.

Дженнифер переводила взгляд с одного мага на другого, словно ища поддержки. Но ее не было.

– Я бы сказала, твоя основная проблема – в неумении

полностью сконцентрироваться на текущем моменте, на «здесь и сейчас». Ты вроде бы здесь и делаешь все правильно, однако… В это время мысли твои далеко. Ты много думаешь… о своих родителях, о своих друзьях… и теряешь силу, распыляешь ее, вместо того чтобы накапливать.

– Да, я соглашусь с коллегой, – сказал Эдгар Роу. – Как для ученицы – ты молодец, но как для взрослого, самодостаточного мага… – он грустно покачал головой.

– И что же вы мне посоветуете? – негромко спросила девушка, в упор глядя на свою собеседницу.

– Не переоценивать свои силы. Не ввязываться в бой, из которого мало шансов выйти победителем, – ответила Этель.

– Насколько… мало?

– Хм… Я бы сказала, что их нет, Дженни. Почти нет, если против тебя будет целый отряд пособников Руффа. Каждый из них обладает силой и готов погибнуть за своего хозяина.

– Но я буду не одна…

– Этого все равно недостаточно, – мягко возразила Этель. – Ты же рассудительная девочка и должна понимать, что…

– Что безопаснее оставить все как есть. Забыть о тех, кто нуждается в помощи. И продолжать радоваться жизни, зная, что где-то черный маг превращает людей в зомби и вампиров, вытягивает души из тех, кто не согласен стать покорным. Этот маг приносит в жертву демону – своему хозяину – невинных людей, за которых некому заступиться. И я должна жить дальше так, словно ничего подобного нет. Так, как живут «взрослые и рассудительные» маги в этом городе и его окрестностях… Вы это хотели сказать мне, госпожа Джонсон? – голос Дженни звучал тихо, но ее слова как будто падали раскаленными камнями из жерла вулкана, такая внутренняя страсть звучала в них.

Этель Джонсон и другие маги смотрели на нее теперь во все глаза, не найдя что ответить.

– Если вы можете так жить, это ваше право. А у меня не получится… – Дженни решительно поднялась с кресла. – Приятно было познакомиться, уважаемые маги. А теперь – извините, я должна идти. У меня сейчас начнутся занятия.

Она направилась к выходу, высоко подняв голову, чувствуя на себе взгляды четырех пар глаз. Этель и Мелани смотрели на нее с растерянностью, Николь и Роу – с восхищением.

– Так в чем, вы говорите, я должна ее переубедить? – спросила Николь, когда дверь за девушкой закрылась. Она не скрывала своей гордости.

Глава 52
Зов с той стороны

Целый день Дженнифер умышленно избегала разговора с Николь по поводу случившегося. Она боялась, что та передумает и попробует убедить ее отступиться. Но Николь и сама не спешила комментировать что-либо: обе вели себя так, словно ничего не случилось. Все как обычно – еда, занятия, отдых. И только прощаясь перед сном, Николь задержала Дженни:

– Скажи… Ты же не считаешь, что я хочу тебя использовать для сведения своих счетов с Бенджамином Руффом?

– Тетя Николь, это я попросила тебя о помощи, а не ты меня. И то, что наши цели совпадают, – лишь плюс. Но правда ли… что наши шансы невелики? – задала она вопрос, который тревожил ее весь этот день.

Николь вздохнула.

– Я не знаю, Дженни. Честно – не знаю. Я обращалась за помощью к другим… Однако никто не согласился помочь.

– Но почему? Ведь доктор Руфф безнаказанно совершает зло! Неужели это никого не волнует?

– Никому не хочется стать его врагом, – честно призналась Николь, и в ее глазах появилась тоска. – Открыто противостояли ему только твои родители. Однако теперь, когда они погибли…

– Теперь есть я, – решительно ответила Дженни и схватила Николь за руку. – Ты же не отступишь, правда?

– Правда, – Николь накрыла ее руку своей ладонью. – И я очень горжусь тобой, Дженни…

– У нас все получится, – сказала девушка. – Не может не получиться. Наша помощь нужна им… Нас ждут.

– Хорошо, Дженни. Мы поговорим об этом завтра. А сейчас – спокойной ночи!

– Спокойной ночи, тетя Николь.

Дженни поднялась в свою комнату. На душе у нее было тоскливо. Николь так и не сказала, зачем приходили гости в ее дом, но это было очевидно: она просила помощи у других магов. Значит, их шансы и впрямь невелики…

Девушка подошла к окну. Белая луна выглядывала из разметавшихся вокруг нее туч.

Дженнифер вдруг вспомнила свой бег через окутанный тьмой лес, в холод и неизвестность, но – к свободе. И то, как они были счастливы, когда бежали прочь от больницы, все вместе… И как стыдливо пряталась от них луна, когда стало ясно, что их побег

обречен…

На глаза девушки навернулись слезы…

Она не стала ничего рассказывать о своих переживаниях даже любимой Молли, которая явилась почти сразу следом за ней и сейчас терпеливо дожидалась ее, сидя на краешке кровати. Говорить не хотелось вовсе; уловив настроение Дженни, деликатная Молли не стала приставать с расспросами.

Свернувшись калачиком на своей кровати, Дженнифер вскоре уснула…

…Такая же полупьяная луна глядит безумным глазом вниз с посветлевшего от полнолуния неба. Тучи бегают вокруг, будто бы исполняя ритуальный танец на просторе холодных небес. Стена леса почти скрывает собой старую часовню, а в ее распахнутых окнах виднеются огни.

Там, в сумрачном зале, где темнота нарушена лишь лунным светом и чадным огнем нескольких факелов на стенах, свой ритуальный танец исполняют длинные тени, вьющиеся вокруг разложенного на земле костра. Четыре человека, чьи лица скрыты под длинными капюшонами, стоят возле алтаря. К алтарю привязана девушка – глаза ее закрыты, черные волосы разметались вокруг головы, словно лучи темного солнца.

Но вот девушка открывает глаза и затуманенным взглядом обводит присутствующих. Постепенно взгляд жертвы проясняется – она понимает, что накрепко связана… Она рвется, пытаясь освободить себя от веревок, но ее мучители не обращают на это никакого внимания. Стоящий у изголовья человек в длиннополой черной рясе поднимает вверх лезвие кривого кинжала – лунный свет на миг задерживается на нем, словно разглядывая.

Глаза девушки становятся огромными, когда маг с кинжалом поворачивается к ней.

– Нет! – вырывается отчаянный крик из ее груди…

– Нет! София! София! – закричала Дженни, вскакивая со своей постели, а испуганная кошка от неожиданности спрыгнула на пол.

С бешено колотящимся сердцем, Дженнифер некоторое время сидела неподвижно. Это лишь сон. Сон… Сон, который может исполниться.

Девушка вскочила и снова подбежала к окну. Луна, успев переместиться дальше, висела теперь высоко – в самом центре купола просветлевшего неба, белого от лунных лучей, как и в том сне… Но еще не полнолуние. Еще немножко осталось луне до того момента, как сделается круглым ее сияющий диск. Еще одна ночь…

– Всего одна ночь, и будет поздно. Ее принесут в жертву, – тихо вымолвила Дженнифер, не отрывая глаз от лунного диска.

«Кого «ее»?» – вопрос прозвучал у Дженни в голове, но ответила на него она по привычке вслух:

– Софию. Девушку, которую приносили в жертву, зовут София – мы с ней были соседками по палате, когда и меня держали в психушке. Я видела это во сне… Но почему-то уверена, что этот сон обязательно сбудется.

«А почему ты смотришь на луну?» – спросила Молли.

– Полнолуние. В моем сне было полнолуние.

«Значит, времени совсем не осталось, – в голосе Молли звучало сожаление. – Мне жаль, Дженни».

– Поэтому мы должны выступать завтра, не дожидаясь ночи, – решительно заявила девушка. – Мы обязаны спасти Софию.

«Но ты еще не готова! Вероятно, понадобится больше времени…»

Однако Дженни прервала ее размышления:

– Сколько бы ни прошло времени, я не буду готова полностью. Пока остается страх, никто из нас не готов в бою. А страх… Он ведь не проходит сам. С ним надо бороться. Драться, так же, как и с темными силами… – Дженни, склонившись, взяла кошку на руки. – Я отправлюсь туда завтра, Молли. Независимо от того, пойдет ли кто-нибудь вместе со мной. Я обязана спасти ее.

«Уже сегодня, Дженни. Время перевалило за полночь, – ответила кошка, устремив на девушку свои волшебные желтые глаза. – Ты должна хорошо отдохнуть».

– Ты так думаешь? Только вряд ли мне удастся теперь уснуть, – вздохнула Дженнифер, но все же вернулась в кровать.

К ее удивлению, сон налетел почти мгновенно, укутав девушку своими дымными крыльями. Только на этот раз ей снились радостные качели, взлетающие под самое небо…

Окончив плести сонные заклинания, Молли осталась сидеть над спящей Дженнифер, глядя в ее, ставшее безмятежным, лицо.

Кошке было о чем подумать…

Глава 53
Финальные приготовления

Николь выслушала план Дженни и теперь смотрела словно сквозь нее, на весело пляшущее в темной пасти камина пламя. Некоторое время она молчала, размышляя.

– Да, с одной стороны, напасть днем, когда никто этого не ожидает и все слуги Руффа находятся в своем человеческом облике, – это хороший ход. Но здесь могут быть подводные камни… Руфф – далеко не дурак. И если мы к нему явимся просто среди бела дня, размахивая мечами и пистолетами, первое, что он сделает, – вызовет полицию. А сам в это время спрячется и спокойно подождет, пока нас не увезут стражи закона.

– Но кто мешает ему поступить так же ночью? – удивилась девушка, слегка раздосадованная тем, что ее план оказался не столь хорош. Однако радовало уже то, что Николь не стала отговаривать ее от решения напасть сегодня.

Женщина лишь загадочно улыбнулась.

– Не думаю, будто он захочет показывать полиции записи, где видны клыки и когти его персонала. Когда в ход пойдет магия, им тяжело будет сохранить свое человеческое обличие. И Руффу ничего не останется, как принять бой… Но есть и еще одно, чего стоит опасаться: не забывай, все будет происходить в клинике для душевнобольных и большинство находящихся там – действительно больны. А на неустойчивую или нарушенную психику воздействовать легче всего. Доктор Руфф может пустить в ход всех своих пациентов, завладев их волей и заставив действовать против нас…

Дженни, судорожно вздохнув, принялась снова ходить взад-вперед по комнате перед носом Николь – так, в движении, ей легче было размышлять. Да, об особых возможностях доктора она не подумала…

– Розовые таблетки! – вдруг воскликнула Дженнифер.

Николь бросила на нее недоумевающий взгляд.

– Когда мы уходили из больницы в лес для жертвоприношения, всем пациентам перед этим давали розовые таблетки. Скорее всего – сильное снотворное, чтобы никто не мог им помешать, – объяснила Дженни. – Именно поэтому у нас тогда почти получилось убежать… Если бы мы не заблудились в лесу…

– Вы не заблудились. Это Руфф выстроил искаженное пространство вокруг своей лечебницы, и без его разрешения уйти оттуда вам было просто невозможно. Куда бы вы ни шли, все

равно вернулись бы к больнице, – рассеянно пояснила Николь, думая сейчас о другом.

– Вот оно что! Так я и предполагала… Но если в эту ночь они опять планируют принести жертву, больные снова будут спать. А вывести их из этого состояния совсем не просто…

– Но мы не знаем точно, действительно ли они планируют сделать это. У нас нет никаких гарантий. Единственное указание – твой сон, – Николь внимательно посмотрела на Дженни.

Девушка еще раз судорожно вздохнула, сжав до боли пальцы. Ей нелегко было принимать решения. И правда, эта догадка, основанная всего лишь на сне, выглядела слабым звеном… Однако все ее сердце знало, что так оно и есть, что сегодняшняя ночь может стать для Софии последней… И это подталкивало к действию.

– Да, я понимаю – рассуждаю глупо. Но уверена: этот сон – не просто так. Еще раньше, при первой нашей попытке убежать, мне тоже снился сон. В нем я увидела третий этаж, где никогда не бывала раньше, и окно без решетки, и пожарную лестницу… Все оказалось в точности, как на самом деле!

– А вдруг кто-то специально послал тебе этот сон, чтобы навести на ложный след?

– Время, пока мы будем предполагать, так это или иначе, может стоить девушке жизни! И совсем неплохой девушке, несмотря на все ее чудачества! – выпалила Дженни, сверкая глазами. Ее спокойствие моментально улетучилось, а желание идти, лететь к своим друзьям немедленно перевесило все остальное. Даже – железные доводы рассудка.

Николь смотрела на Дженнифер вопросительно.

– Я считаю, что больше медлить нельзя – сказала Дженни. – Ведь на помощь рассчитывать все равно не приходится, так?

Николь отрицательно покачала головой.

– Тогда – что нам нужно для боя?

На лице волшебницы мелькнула улыбка – она гордилась своей ученицей, хоть и не говорила об этом вслух.

– Что ж, думаю, пришло время проведать подвал Антонио…

– Тот самый подвал? – уточнила девушка, догоняя Николь, которая уже решительно шагала к лестнице.

– Именно!

Второй визит Дженнифер в подвал был куда более прозаичным – там оказалось достаточно мощное освещение, чтобы чувствовать себя уверенно.

Но и этот поход не разочаровал: как раньше и предполагала Дженни, внутренняя стена коридора имела потайную дверь. Вряд

ли непосвященный нашел бы здесь что-нибудь: шершавые прохладные камни в кладке выглядели абсолютно одинаковыми. Девушка так и не поняла, по каким признакам Николь на ощупь отыскала нужный камень. Однако женщине удалось это, и она нажала на него – дверь в стене с тихим шорохом отодвинулась, открывая темную пасть прохода. Темную лишь на секунду – затем перед ней зажглось вполне материальное электричество.

А в следующий миг Дженнифер могла думать только о том, что видели ее глаза: такой коллекции разнообразного оружия позавидовали бы даже киногерои из какого-нибудь шпионского боевика. На узких настенных полках лежали и висели всевозможные арбалеты, ножи, какие-то невообразимые штуки, о назначении которых оставалось лишь догадываться. В дорогих ножнах скрывали свою смертоносную суть несколько мечей. Чуть поодаль немало места занимали и всевозможные фляги, бутылочки и колбочки. Но среди всего этого средневекового скопища находилось и вполне современное оружие: Дженни разглядела несколько пистолетов; рядом, в коробках, хранились патроны к ним.

– Ничего себе! Тетя Николь, неужели ты готовилась отражать нападение армады темных сил в своем доме? Здесь хватило бы на целую армию!

– Ну, на целую не хватило бы, но кое-что имеется. – Улыбка озарила лицо Николь.

И Дженни словно увидела ее с совершенно другой стороны. Сейчас в этой женщине открывалось нечто такое, о чем ее воспитанница до сих пор лишь смутно догадывалась…

– Так, бери вот это и это. Это тоже пригодится. Ну – и это не помешает, – Николь деловито сновала между полок с оружием и снадобьями, указывая Дженни, что еще нужно взять.

Девушка послушно выполняла эти указания, не задавая лишних вопросов. Когда в руках у обеих уже громоздилось по целому небольшому арсеналу, Николь добавила сверху еще два пистолета.

– А это еще зачем? – удивилась Дженни. – Мы идем воевать с колдуном…

– Вот именно – воевать! А на войне все средства хороши и никогда не знаешь, что именно тебе больше пригодится – надежное заклятие или обычная серебряная пуля.

Дженни в ответ только хмыкнула. Конечно, что может быть обычнее, чем серебряные пули!

Вместе с Николь они поднялись наверх и вывалили отобранное добро прямо на стол. Николь принялась его сортировать, попутно объясняя Дженни предназначение каждого

предмета, среди которых, помимо оружия, были всевозможные эликсиры и амулеты.

Девушка лишь кивала головой, пытаясь ничего не забыть и не перепутать. Громоздкий на вид арбалет Николь отложила в сторону. Дженни проводила его взглядом:

– А это?…

– Это – для меня. Магия магией, но такая штука тоже не будет лишней… если перед тобой стоит оборотень, готовый к атаке, – лицо Николь стало отрешенным и серьезным. – Подожди меня здесь.

Женщина стремительно скрылась за дверью, и Дженни осталась одна в библиотеке, сейчас больше напоминавшей оружейный склад. Только теперь, смешанное с радостным возбуждением, к девушке пришло ощущение, что все это действительно всерьез. До того были только слова и намерения. Сейчас уже начинались действия.

Еще больше в этом убедил ее вид Николь, которая вернулась, действительно, через несколько минут. Длинные волосы женщины, обычно уложенные в элегантную прическу, сейчас были просто убраны на затылке; привычное темное платье в пол, от которого пахло экзотическими цветами, она сменила на узкие черные брюки и свободную блузку с широким поясом.

«За которым легко поместится пистолет», – додумала мысль за Дженни тут как тут появившаяся Молли.

«Такой я ее до сих пор не видела», – так же мысленно ответила кошке Дженнифер, наблюдая, как сосредоточенно рассортировывает Николь свой боевой запас.

«Ты еще много чего не видела», – ответила Молли, тоже посматривая на хозяйку.

Николь повернулась к своей воспитаннице, держа в руках два пистолета.

– А сейчас мы с тобой займемся нужным делом: попрактикуемся с оружием. Жаль, я не учила тебя этому раньше: думала, еще есть время… Ну да ладно. Делать из тебя снайпера необязательно, а вот выпустить пару пуль в противника ты должна уметь… Идем?

– Конечно, – согласилась Дженни. Ей одновременно было и радостно, и страшно.

Глава 54
В путь

Остаток дня они провели, практикуясь в стрельбе и проверяя боевые навыки Дженнифер. Как оказалось, Николь очень неплохо владела мечом. И это было для Дженни открытием – видеть свою наставницу не изысканной дамой, а решительным и быстрым воином. С арбалетом же она просто творила чудеса – соединяя свою огненную магию со стрелами, Николь заставляла их превращаться в настоящие огненные вихри…

Закончив тренировку, они еще раз обговорили план дальнейших действий; сейчас в совещании также принимал участие Антонио.

– И ты присоединишься к нам? – спросила Дженни как можно спокойнее, но его ответ заставил ее не скрывать радость.

– Конечно, юная леди. Не могу же я позволить лишь вам двоим получить все удовольствие от боя? – пошутил дворецкий, прищурив глаза.

Теперь и он предстал в необычном облике: вместо джентльмена в строгом костюме и неизменной бабочке перед Дженни стоял невысокого роста мужчина с сединой в темных волосах, в одежде свободного покроя, напоминающей убранство азиатских бойцов, практикующих боевые искусства. Он уже приладил к своему одеянию ножны с мечом и сейчас распределял по карманам несколько бутылочек и подозрительного вида шариков величиной с голубиное яйцо.

В этот момент, среди такой преобразившейся команды, Дженни стала казаться себе неопытным птенцом, готовящимся к первому большому полету.

Получив последние наставления от своих учителей, девушка с трудом сдерживала волнение. Это чувство было похоже на предвкушение полета: вот он, тот самый один взмах крыльями, после которого земля больше никогда не будет для тебя прежней, даже если ты на нее опустишься снова…

Молли привычно запрыгнула на колени Дженнифер, подставляя для ласки упругую черную спинку. Гладя свою любимицу, Дженни действительно немного успокоилась.

– Еще не поздно отказаться. Или перенести все на другой день, – вдруг произнесла Николь, подходя к своей воспитаннице.

– Вы это серьезно? – девушка подняла на нее недоумевающий взгляд.

– Вполне. Ты же понимаешь, что это…

– Это не игры. Это реальная битва. После которой можно не вернуться, – в свою очередь, добавил Антонио.

Дженнифер переводила взгляд с мужчины на женщину, пытаясь понять, говорят ли они серьезно, или все еще проверяют, насколько она готова.

– Понимаю, – кивнула девушка. – Однако мы не можем сейчас остановиться. Я не могу. Это будет предательством, – тихо, но отчетливо произнесла она. – Я так решила.

– Да, это твое решение. Но ведь мы с Николь… можем отказаться! – вдруг произнес Антонио.

Дженнифер никак не рассчитывала услышать такие слова из уст своего наставника. Застыв от неожиданности, она глядела на дворецкого, пытаясь понять, насколько тот серьезен. Николь тоже молчала; она не смотрела на Дженни.

За секунду целая гамма чувств отразилась и погасла на лице девушки. В глазах появилась холодная решимость.

– Тогда я пойду одна.

Больше ни на кого не глядя, она повернулась и сделала шаг к выходу.

– Дженни, стой! – прозвучало ей вслед, и еще через две секунды ее обнимали две пары надежных рук.

– Мы никогда не оставим тебя, слышишь?

– Это была проверка. Нам просто нужно было знать окончательно, насколько важно для тебя пойти туда…

– Мы все вместе!

– Вместе! – выдохнула Дженнифер, едва сдерживая слезы. Такого облегчения она не испытывала раньше никогда…

А еще через несколько минут они покинули как будто уже нежилой дом, усаживаясь в машину Николь. И только садовые фонарики возле дорожек внутри двора продолжали гореть. Глядя на эти огоньки из окошка отъезжающего автомобиля, Дженни вдруг ощутила в самой глубине сердца тоску. Они будут ждать…

«Они будут ждать нас», – услышала она продолжение своей мысли и с удивлением повернулась, ища глазами «автора». Молли тут же легко запрыгнула к ней на колени (когда только она успела забраться в салон машины?).

– Молли, лучше останься здесь! Там будет опасно!

«Конечно же, – кивнула кошка, глядя на Дженни своими медовыми, круглыми, как луна, глазами. – И поэтому я еду с вами».

Полная луна уже купалась в пене облаков, медленно шествуя по черным просторам неба. Она то ныряла в них, то снова выскальзывала на поверхность, сверкая блеклым серебром, словно огромная хищная рыба.

В это же время на самой окраине Гринстоуна, за темнеющей полоской леса, затрепетали, поднимаясь вверх, красно-рыжие лепестки на черных свечах. Четыре тени склонились над алтарем в старой часовне, простирая к огню раскрытые ладони…

Глава 55
У жертвенника

Машину пришлось оставить на обочине дороги, ведущей к лесу. Дальше она была им не нужна – излишне привлекать к себе внимание четырем прибывшим совсем не хотелось. Одной из них, самой маленькой, спрятаться было легче всего – попробуй найди ночью черную кошку! Троим остальным, девушке, женщине и мужчине, пришлось приложить больше усилий, чтобы не быть обнаруженными.

Николь бросила над их головами первое заклинание – Покров Темноты. Дженнифер и сама была знакома с ним, но наставница попросила ее пока беречь силы и не тратить их попусту. Мелкими искрами заклятие слетело с пальцев Николь, и теперь четверо крадущихся по лесу были подобны теням, сливающимся с темнотой.

Им не пришлось догадываться, куда идти: от погруженной в тишину ночной чащи исходила такая сила магии, что ее вибрации притягивали к себе словно магнитом любого, кто мог их почувствовать.

Пока они пробирались по усеянной хвоей земле все дальше в лес, Дженнифер не покидала тревога. Правильно ли они рассчитали время? Сон оказался вещим: в часовне больницы действительно проводили мощный ритуал, что невозможно было скрыть. И апофеозом всего этого действа станет жертвоприношение. Человеческое жертвоприношение, очередной искупительный дар Бенджамина своему Демону – хозяину и повелителю…

Успеют ли они вовремя? Должны успеть, жертва еще жива – иначе пролились бы уже чудовищные потоки магии – как всегда, когда душа по принуждению оставляет свое тело, исходящее кровью и… энергией. Колоссальной, мощной энергией – той, что не растрачена за всю жизнь. Чем моложе жертва, тем больше силы, которую просто скармливают вечно голодным сущностям, не имеющим возможности получать жизненную силу самостоятельно…

Конечно же, Демон не присутствует рядом, ожидая свежей крови, – он и так ее получит. А вот верному его слуге, черному магу Бенджамину, необходимо быть сейчас у костра, руководить ритуалом – ни одна капля драгоценной крови не должна пропасть. Жертве полагается умирать медленно, постепенно отдавая свои силы…

«Не думай об этом! – прозвучал у Дженни в голове почти возмущенный голос Молли. – Мы успеем вовремя. Думай лучше о том, что это большая удача – тот, на кого мы охотимся, будет здесь, а не в своем логове. Тут его проще достать».

«А с ним – целый полк его оборотней», – так же мысленно ответила Дженнифер. Но, кроме всего прочего, ее тяготила еще одна догадка: а что, если Джек такой же? Что он пообещал взамен доктору Руффу, получая недюжинную силу и относительную свободу? Только ли имуществом расплатился бывший пациент?

Не стоит себя обманывать – она видела его настоящие глаза. Такое не забудешь. Но насколько он предан доктору? Вот с кем точно не хотелось бы сражаться, так это с добряком-поваром, за короткое время ставшим ей другом…

«Он был добряком, пока оставался человеком», – опять бесцеремонно ворвалась Молли в ее мысли. С языка Дженни чуть было не сорвались резкие слова, однако девушка вовремя одернула себя – кошка делала это, чтобы помочь ей принять правильное решение.

«В обличии оборотня он может потерять человеческую память… Так что пусть тебя не вводит в обман то, что раньше вы были друзьями», – продолжала свои наставления Молли.

Дженнифер не хотелось думать об этом – она действительно не знала, что будет делать, если в бою придется встретиться с поваром Джеком. И от всей души надеялась, что того не окажется среди подданных доктора Руффа, к которым они сейчас стремительно приближались.

Силуэт часовни открылся взору, когда они миновали последнюю полоску леса. Там, дальше по дороге, располагалась сама больница, но часовня стояла отдельно, отгороженная полосой деревьев.

«Заходим с разных сторон, – этот мысленный приказ был отдан уже Николь. – Мы с Антонио нападем на Руффа. Ты, Дженни, выбирай цель по ситуации. Как только я брошу заслон, сразу же выступаем…»

Дженнифер облизала пересохшие губы. Сейчас, прямо сейчас, все и начнется! Заслон, мощное средство, на некоторое время блокирующее любую магию, мелькнул в руках Николь. Небольшой шарик, немного напоминающий орех, – так подумает о нем непосвященный. Не один год и не два приходится напитывать его силой, проводя особые ритуалы, чтобы он вобрал волю своего творца и стал действительной защитой от черной магии… Пусть даже на несколько минут. Но это значит, что во время его действия никто не сможет использовать свои магические возможности, сколь велики бы они ни были. На это

время они все – только люди… Даже доктор Руфф.

Дженнифер осторожно вытащила свой меч из ножен за спиной; лезвие тускло блеснуло в слабом свете луны.

Они подошли совсем близко. Невидимые под покровом ночи и защитным заклятием, пришедшие стояли в нескольких шагах от места проведения ритуала. Их до сих пор не обнаружили. Двери часовни были распахнуты – никто не охранял вход в нее.

К алтарю действительно был привязан человек; его скрывала сейчас наброшенная сверху темная ткань, так что угадать можно было лишь контуры тела. Четверо помощников склонились, вытянув руки в сторону мерцающих свечей и, казалось, пребывая в состоянии транса. И только один, пятый, не выглядел завороженным: его голос, бросающий в темноту звуки заклятий, звучал высоко и властно.

«Странно… Почему их только пятеро?» – подумала Дженни, пытаясь угадать, кого же она видит пред собой, но лица всех участников действа были скрыты ниспадающими капюшонами черных мантий.

Ни о чем больше подумать она не успела – в воздухе прозвучал негромкий хлопок, словно выстрелила невидимая хлопушка. Это сработал заслон Николь!

В тот же миг, будто возникнув из темноты, в сторону старшего жреца метнулись две тени. Не теряя времени, Дженнифер тоже ринулась в круг света.

Глава 56
Не принесенная в жертву

Пятеро внутри магического круга растерялись – однако лишь на какое-то время. Быстро опомнившись, двое выхватили мечи, прятавшиеся под широкими ритуальными одеждами, остальные попытались применить заклятие. Но не тут-то было – заслон Николь удерживал их магию. Переглянувшись в недоумении, они тут же бросились к Дженни, на ходу выхватывая из складок одежды изогнутые клинки.

Краем глаза девушка успела заметить, как два силуэта метнулись к предводителю, проводившему ритуал, – это были Николь и Антонио. Словно по волшебству, в руках черного мага оказался округлый плоский предмет. Замахнувшись, колдун бросил его наземь, одновременно произнеся короткое заклинание. Но все оказалось впустую: магию надежно блокировал волшебный заслон Николь.

Ловко проскользнув между нападающими, Дженни отбила удар одного и чуть было не попала под лезвие клинка другого. Оставшиеся, видимо, не усмотрели в девчонке большой угрозы, кинувшись на защиту своего магистра.

В руках Антонио сверкнуло сразу два лезвия. Неожиданно легко он нанес удар – и маг, выронив из рук ритуальный кинжал, согнулся от боли; а дворецкий уже сражался со следующим темным.

Схлестнувшись в поединке, Антонио закружился в танце боя: блок, выпад, отступление, удар…

Николь также было не занимать храбрости – она билась с фигурами в темных плащах настолько хладнокровно, словно это был урок фехтования, а не реальный бой. Движения ее казались плавными и уверенными. Нанеся точный удар человеку с кинжалом, она тут же не глядя отразила нападение со спины.

Но всего этого не видела Дженни, яростно отбивавшаяся от двух врагов сразу. В отличие от своего учителя, она была не так опытна. И пришлось бы ей туго, если бы черная желтоглазая молния с громким шипением не прыгнула прямо в лицо одному из нападавших. Тот попятился, оступившись, и взвыл от боли, пытаясь оторвать от своего лица клубок острых когтей. Одного мига – оглянуться на товарища – оказалось достаточно, чтобы девушка успела нанести удар по второму из своих соперников. Тот нелепо качнулся, а затем снова вступил в бой, но напоролся на подставленный клинок. Глухо охнув, нападающий осел на

землю.

На выручку Молли уже спешила Николь; не давая времени опомниться вопящему и катающемуся по земле противнику, она проткнула его мечом, попав в самое сердце…

Все произошло очень быстро; Дженнифер едва успела перевести дух после первой схватки, как на холодной земле уже лежали неподвижно четыре тела. Пятый – раненый, но живой, тихо скулил от боли, отползая к жертвеннику.

Расширенными глазами Дженнифер смотрела на тело у своих ног; капюшон сполз с лица недавнего противника, в котором девушка узнала Саймона – помощника повара.

Антонио грозной тенью навис над единственным уцелевшим, приставив острие меча к его горлу. Тот жалобно заскулил, словно больной пес: это был совсем еще молодой юноша.

– Узнаешь его, Дженни? – хрипло спросил Антонио, продолжая удерживать свою жертву.

Парень, впрочем, и не думал сопротивляться – в его глазах застыл безумный страх.

Дженни взглянула в лицо пленника.

– По-моему, он один из охраны – я несколько раз видела его, – не совсем уверенно произнесла она.

Николь тем временем отбросила покрывало с человека, привязанного к алтарю. Это действительно оказалась девушка, совсем молоденькая – она, видимо, спала или находилась в глубоком обмороке – шум от всего происходящего так и не привел ее в сознание.

– Это не София, – взглянув в лицо жертве, заметила Дженнифер, не узнав девушку, хотя та могла быть одной из пациенток.

Молли подошла к несчастной и осторожно ее обнюхала.

«Она жива, – поставила свой диагноз чуткая помощница. – Наверняка ее чем-то накачали…»

– Где доктор Руфф? – спросил Антонио у скорчившегося на земле юноши.

– Я… н-не знаю, – заикаясь, ответил тот, не сводя глаз со сверкающего лезвия у своего лица. – Нам велели провести ритуал… Мы не по своей воле! Он приказал нам, – жалобно всхлипывал парень.

Антонио скривился.

– Руффа среди них нет, – озвучила Николь то, что Дженни уже успела понять и сама. – Все пятеро, проводившие ритуал, – мелкие сошки. Даже не подмастерья – просто ученики, колдуны самого низкого посвящения. Странно, что ритуал доверили проводить именно им, – медленно произнесла Николь, по

очереди всматриваясь в лица лежащих без движения мужчин.

– Разве что только нас ждали, – вздохнул Антонио, отстраняя меч от дрожащего ученика. – Что будем делать дальше?

Дженни склонилась над девушкой, неподвижно лежащей на алтаре.

– Не понимаю… Во сне я видела на ее месте Софию…

– Сон – ненадежная подсказка… Но эта девушка жива лишь благодаря тому, что мы подоспели вовремя.

Посовещавшись, что делать с раненым магом, они решили оставить его здесь, перед тем накрепко связав. На неподвижную девушку Николь наложила охранное заклятие.

Оставив двоих в разоренной часовне, все четверо вышли на улицу.

Антонио огляделся по сторонам: в отличие от своих спутниц, он никогда не был тут.

– Куда теперь? – спросил дворецкий.

– К лечебнице, – коротко скомандовала Дженнифер, и остальные последовали за ней.

Через пару минут впереди, на фоне редких сосен, вырисовались контуры громоздкого строения.

– Больница, – почти шепотом произнесла Дженни.

Путники невольно остановились, вглядываясь, – от здания веяло такой энергией зла, что ноги отказывались двигаться навстречу ему. Но уже через мгновенье все трое решительно двинулись дальше: как бы там ни было, отступать поздно. Они объявили войну Бенджамину Руффу, а это значит – битва будет продолжаться, пока одна из сторон не признает свое поражение. Или – пока не погибнет…

Глава 57
Неожиданное открытие

Когда последние нестройные ряды деревьев, отделяющих четверых прибывших от территории больницы, остались позади, путники сделали остановку. Николь опустила ладонь на плечо Дженнифер.

Тяжеловесное здание клиники выглядело пустым; лишь несколько слабых огоньков трепетало внутри окон. Погруженная в мрачный сон, больница казалась еще больше. Высокие каменные стены на фоне ночи громоздились неприступным бастионом.

Перехватив напряженный взгляд своей воспитанницы, Николь словно прочла ее мысли.

– Угрожающе выглядит, не правда ли? Но ты же помнишь, что внешность может быть обманчива…

– Да, чего уж страшнее! – вздохнула Дженнифер. – Один вид этих стен нагоняет на меня дрожь…

– Брось Кольцо Призраков на землю, – произнес до сих пор молчавший Антонио. – Теперь важно видеть все таким, каким оно есть на самом деле. Так нам будет проще разобраться, кто – враг, а кто – друг…

«Неужели это место может быть еще хуже, чем выглядит сейчас?» – подумала Дженни, бросая кольцо.

Круглый золотой ободок, коснувшись земли, покатился по усеянной хвоей тропинке.

Мир вокруг тут же стал иным: вместо аккуратных дорожек вокруг здания глазам открылся заброшенный пустырь с невысокими холмиками, громоздившимися чуть ли ни друг на друге. То тут, то там из земли торчали вывороченные камни и обломки деревянных и каменных крестов. Разбитый гроб лежал неприкрыто, распавшись и показывая всем свое гнилое нутро…

Девушка ахнула, с трудом принимая открывшуюся картину. Вокруг, насколько было видно глазу, простиралось огромное заброшенное старое кладбище. Подобно диковинным камням, из земли в разных местах торчали человеческие кости… А посреди всей этой жуткой обстановки серым монолитом возвышалось здание… Не зря больница казалась Дженни бастионом – она была чем-то наподобие крепости с крупной каменной кладкой, высокими стенами и высившимися над ними башнями. Наверное, только стальные решетки на окнах выглядели, как и прежде, – они и без превращений оставались такими же непроницаемыми…

– Я никогда не слышала о кладбище на улице Роуз… –

прошептала Дженнифер.

– Это кладбище не только старое, но еще и осквернённое, – вздохнула Николь. – Идеальное место для логова черного мага и его слуг… Дженни, я прошу тебя быть предельно осторожной. То, что ритуал в лесу проводил не Руфф, очень меня тревожит… Мы истратили силу драгоценного артефакта на недостойных противников. Теперь у нас остался лишь один магический заслон; я хочу, чтобы он был у тебя… – Николь достала небольшой округлый предмет и передала его Дженни. По виду тот напоминал грецкий орех в скорлупе, только побольше. – Береги его. Используй в крайнем случае, против мощной магии, которую ты не в состоянии будешь отразить. На две минуты он заглушит любую магическую силу – за это время ты должна суметь напасть или убежать…

Дженни кивнула, сжимая драгоценный артефакт в кулаке.

– Нам надо держаться вместе, – негромко продолжала Николь. – Наша цель – Руфф. Справимся с ним – и все его приспешники лишатся силы…

– Удачи нам, – прошептал Антонио. Его взгляд, устремленный к решетчатым окнам, был хмур и задумчив.

– Вон там – пожарная лестница, – Дженнифер указала рукой на серую стену. – По ней мы сможем попасть в больницу…

Небольшая группа побежала к темнеющей впереди стене.

Лестница оказалась довольно высоко от земли, однако Дженни это не остановило: ловко взобравшись на первую ступеньку, она быстро заскользила вверх. Девушка заставила себя унять предательскую дрожь в руках и усмирить бешеное биение сердца: волноваться можно будет потом, когда все закончится. Но только не сейчас.

Добравшись до верхнего этажа, Дженнифер осторожно надавила на стекло окна – без сомнения, оно было закрыто. Однако решеток не оказалось – странно, что их не поставили сразу же после той попытки побега…

Молли легко запрыгнула на подоконник и поскребла стекло лапкой. На минуту она прикрыла свои желтые глаза, накладывая на окно заклятие… Стекло тихо скрипнуло и вдруг с шипением растаяло прямо на глазах, словно было сделано изо льда. Кошка проскользнула в оконный проем. За ней последовали и все остальные…

Глава 58
Встреча

Очутившись внутри, вся компания решила не задерживаться на третьем этаже и устремилась по лестнице вниз. Четверка отчаянных магов приготовилась встретить решительный отпор, поэтому им было странно слышать тишину. Их никто не встречал. Более того, в больнице было необычайно пусто – ни санитаров, ни врачей, ни больных… Даже пульт охраны грустно мигал зеленым огоньком в полном одиночестве.

– Я не чувствую здесь никакой магии, кроме той, что присуща этому месту, – тихо сказала Николь.

– Так было и тогда, когда мне почти удалось убежать, – в ответ прошептала Дженни. – Возможно, ритуал, который мы видели, не единственный, поэтому доктор Руфф и его приспешники сейчас собрались в другом месте…

– Хотелось бы верить в такую удачу, – вздохнул Антонио. Мужчина не выпускал из рук своего оружия, в любой момент готовый к нападению.

– Тогда, вероятно, у нас есть время, чтобы вывести их отсюда…

Никто не спросил, кого именно Дженнифер имеет в виду, – это было очевидно.

Напряженно вслушиваясь в тишину, четверка двинулась в сторону лестницы, когда раздался звук – резкий, хлесткий, словно бешеная плеть рассекла дрожащий воздух… И навалилась тьма. Густая, вязкая, она липла к телу и мешала дышать. Казалось, она заполнила собою все пространство; Дженнифер не успела даже вскрикнуть, как осталась в этой мгле одна.

Несколько шагов в полной темноте, потом еще несколько… Пошатываясь, словно в забытье, девушка брела куда-то, не отдавая себе отчета. Прошло десять минут, двадцать, час… Или два часа, а может быть, – год? Время, кажется, схватило себя за хвост, свернувшись черным клубком, и вместе с ним Дженнифер двигалась по кругу… Всегда только по кругу… В голове было пусто, лишь смутная, тянущая тревога на сердце не давала ей полностью раствориться в этой тьме, захлебнуться ею…

– Дженни! Дженнифер, это плохая игра! Хватит в нее играть! – крикнул кто-то сверху, и девушка в изумлении подняла глаза.

Ее звали? Звали по имени? Значит, у нее есть имя…

– Проснись! – велел чистый, звонкий голосок, и словно

золотой клубочек качнулся вдруг над ее головой, разгоняя тьму. – Иди за мной!

Черный липкий дым, кажется, даже шипел, не смея прикоснуться к маленькому сверкающему солнышку.

– За мной!

Перебирая заплетающимися ногами, Дженни последовала за маленьким солнцем, скорее чувствуя, чем сознавая, что там – спасение, там – свобода…

Очнулась она уже на полу – на том же необитаемом третьем этаже больницы. Над ее головой кружился желтый шарик.

– Лучик! Это ты… Что со мной случилось?

– Плохой дядя заколдовал вас, – ответила Лучик. – Если бы не я, ты бы заблудилась и не нашла выход!

– Спасибо тебе, Лучик… А где остальные?

– Они еще там, их нужно спасти! Только я больше туда не хочу – там страшно, – тихо признался детский голосок.

– Ты и так уже сделала невероятно много! Ты очень храбрая малышка.

Лучик просияла и снова исчезла, как всегда – внезапно.

Дженнифер достала свой меч и, вздохнув, произнесла огненное заклятие. В ту же секунду она уже светилась не хуже Лучика.

– Николь! Антонио! Молли! Я здесь! Идите на свет!..

Однако прошло не менее десяти минут, прежде чем к замороченным, ослепшим магам вернулись память и зрение. Постепенно они приходили в себя…

– Николь, что это было? Ты знаешь? – спросила Дженни у своей наставницы.

– Да… Это страшное заклятие. «Забвение и тьма» – так оно называется, и горе тому, кто попадет в его сети. Тот забудет себя, забудет обо всем и станет вечно блуждать в темноте между мирами, оставаясь невидимкой для остальных… Это была ловушка Руффа – только у него хватило бы сил наложить подобное заклятие. И эта западня была уже приготовлена для нас… Но как тебе удалось освободиться от его чар? Это почти невозможно!

– Мне помогли, – улыбнулась Дженни, снова вспомнив светящуюся Лучик. – Я расскажу потом…

– Да, ты права, сейчас не время, – согласился с девушкой Антонио. – Вероятно, он не ждет, что мы выберемся из его сетей так быстро. Поэтому у нас есть шанс – хоть небольшой – застать эту шайку врасплох.

– Конечно, надо идти!

Оказавшись в коридоре стационарного отделения, они, как и

ожидали, не встретили никого. Больные, должно быть, спали, но их покой никто не охранял.

– Иди к ним. Я останусь в коридоре, – кивнула Николь ученице, и девушка устремилась к дверям восемнадцатой палаты.

Антонио вместе с Молли в это время осматривали дальний конец коридора.

Справиться с замком оказалось не очень трудно – пускай познания Дженни в магии по-прежнему оставались скромными, но на такую штуку, как электронный замок, их вполне хватило.

Ее друзья были на месте. Кривая решетка на окне пропускала внутрь ночной холод. Четыре привязанных к кроватям тела держали не только ремни: над каждым колыхались гигантские щупальца, одним концом уходящие в стену. Выхватив свой меч, девушка ринулась рубить ужасные отростки. Извиваясь, с громким шипением, щупальца невидимого огромного чудовища рассыпались в пыль под ударами ее клинка.

– Дженни? Это ты?

Слабый голос, окликнувший ее, принадлежал Раяну. Как же она была рада его слышать!

– Конечно я! И я здесь, чтобы дать вам свободу! Сейчас, потерпи…

Другие тоже приходили в себя и открывали глаза. Наконец-то!

Она бросилась к юноше, пытаясь освободить его руки от стягивающих пут. Ремни не поддавались, и тогда Дженнифер осторожно принялась разрезать их лезвием меча.

– Дженни! – сдавленно пискнула Эмма, и девушка обернулась на голос. Как раз вовремя, чтобы заметить, как от противоположной стены к ней бросилась огромная тень.

Невероятных размеров волк со спутанной бурой шерстью оказался в нескольких шагах от Дженнифер. Свирепо зарычав, монстр кинулся на девушку.

Каким бы устрашающим не был зверь, но Дженни сразу же узнала его. Перед глазами возникла картина: волк в лунном свете мчится по ночной дорожке к зданию больницы, а Дженни – в свою палату, потому что чувствует – если не успеет, спасти ее не сможет никто…

Страшные клыки сверкнули в оскаленной пасти; загнутые когти со скрежетом царапнули пол. Красные глаза горели неистовым огнем…

Тут же за ним появилась другая тварь – она была меньших размеров, с черной шерстью, но в свирепости и злобе не уступала бурому волку…

Бурый волк прыгнул – Дженни встретила его ударом меча.

Однако грузное тело нелегко было ранить: увернувшись от страшных клыков, девушка с разворота полоснула зверя по шее, а затем ударила вслепую прямо в окровавленную морду… Раздался ужасающий вопль – удар Дженнифер пришелся в злобный, горящий ненавистью глаз волка. Монстр забился в конвульсиях, истекая кровью.

«Дженни, сверху!» – прозвучало в голове девушки.

Ошеломленная видом издыхающей твари, Дженнифер не сразу сообразила, о чем предупреждает ее Молли. Глянув вверх, она застыла от изумления и ужаса: прямо над ее головой, на потолке, изготовился к прыжку черный волк. Он вел себя так, будто силы гравитации для него не существовало. Дженнифер на секунду замешкалась – зубы волка клацнули прямо у ее шеи. Девушка успела отскочить в сторону, однако, зацепившись за неподвижно лежащее на полу тело, покатилась кувырком. Было похоже на то, что смерть надвигается неминуемо и бесповоротно. Мир вокруг на секунду замер, а затем предстал в своей жестокой реальности – будто в замедленной съемке Дженнифер увидела своих друзей – они лишь беспомощно наблюдали за происходящим, не в состоянии помочь: больница высосала из них все силы. Еще она увидела… мертвого Мэрлока, лежащего на полу рядом с ней. Кровь заливала лицо бывшего охранника, вместо одного глаза было страшное месиво. Именно он скрывался под шкурой бурого волка. Прямо на глазах Дженни тело рассыпалось в прах, не оставив следа.

В воздухе раздалось шипение, а затем послышался хлопок, словно что-то разорвалось, и фигура черного волка застыла в метре от девушки. Только это спасло ее от страшной неминуемой смерти – волшебство Молли. Маленькая кошка стала ангелом-хранителем Дженнифер.

Вампир-оборотень застыл лишь на несколько секунд, которых, однако, хватило на то, чтобы Дженни пришла в себя и заняла боевую позицию. Оборотень прыгнул на стену, а затем – на потолок, пытаясь сбить врага с толку, но Дженнифер уже была готова к этому. Сделав ложный выпад, она заставила волка отпрыгнуть в сторону – и там его ждал смертельный удар. Издав предсмертный хрип, зверь тяжело рухнул на пол. А через минуту вместо черно-серой твари на полу распростерлось тело той, кого ненавидели и боялись все пациенты клиники, – медсестры Иглы. Еще мгновенье – и труп так же рассыпался горстью праха…

Из коридора доносились звуки боя – стало понятно, что Николь и Антонио были там уже не одни. Дженни выбежала туда и… на миг опешила: оба ее наставника сражались теперь рядом, плечом к плечу, с целым выводком нечисти. Выхватив меч,

девушка бросилась на выручку…

Все дальнейшее происходило словно в страшном сне. Вампиры и оборотни воющим живым клубком бросались со всех сторон в надежде вонзить клыки в живую плоть; их когти рвали воздух… Вверху над их головами вспыхивали искры очередного брошенного заклятия – это Молли старалась как могла. Однако в борьбе против яростной силы созданий тьмы магия не лучшее подспорье. Теперь все надежды возлагались лишь на твердость клинка и воли… Лязганье и срежет металла, бешеная пляска клинков, стоны и предсмертные крики – все смешалось, и, кажется, сам воздух дрожал от яростной силы, выпущенной на волю в дикой схватке…

Дженни видела, как пошатнулась Николь, попав под удар зверя, но тут же поднялась, продолжая отбиваться. Видела, как существо с горящими глазами набросилось на спину Антонио, отчаянно сражавшегося сразу с двумя оборотнями. Однако сейчас она не могла ему помочь, сама с трудом отражая неистовую атаку огромного существа с такими же глазами… Девушка не замечала ран на своем теле, хотя вся ее одежда была перепачкана кровью.

– Николь! Сзади! – выкрикнула Дженни, заметив мелькнувшую в воздухе тень.

Напоминающая пятно ночной мглы, тень в прыжке оттолкнулась от стены и теперь стремительно падала сверху, пытаясь достать зубами шею Николь. Предупреждение чуть запоздало – женщина обернулась, но слишком поздно – не успев увернуться, она кубарем покатилась по полу вместе с мохнатой тварью.

– Дженни! – услышала девушка уже за своей спиной сдавленный голос и звук удара.

Одновременно дико взревел оборотень, и Дженнифер повернулась на этот рев. Отчаянным рывком она всадила меч в горло атаковавшему ее монстру прежде, чем тот успел вонзить в нее когти. Издав еще один вопль, зверь тяжело рухнул на пол. Позади стояла София, все еще сжимая в трясущихся руках тяжелый табурет. Откуда у ослабевшей пациентки хватило сил опустить его на голову свирепому чудовищу, оставалось загадкой, но этот удар явно спас Дженнифер жизнь. Казалось, София не понимала, что произошло. Глаза ее были полны ужаса.

Дженни поспешила на выручку Николь – тварь, напавшая на женщину, навалилась сверху и уже ощерила клыки… Выхватив пистолет, девушка пальнула не целясь.

Выстрел прозвучал неожиданно громко; оборотень, дернувшись, уставился на нее налитыми кровью глазами. В ту же секунду Николь пронзила его шею острием кинжала… Тварь

взвыла и медленно осела на пол.

Дженни подскочила к Николь. Слава небесам, та была жива!

В зеркалах глаз умирающего оборотня вдруг потухли угольки ярости и появилась осмысленность. Дженни вместе с Николь наблюдали, как очертания полузвериного тела начали меняться. Втянулись когти, и вот уже вместо лапы обозначилась красивая рука, обагренная кровью. Двухметровое шерстистое тело – клубок стальных мышц – растаяло, теперь перед ними лежала женщина, на ее лице застыло удивление. Дженнифер медленно опустилась рядом с ней. Она не верила своим глазам – это была…

– Оливия! Оливия…

Она не знала, что сказать ей, бывшей приятельнице, из которой жизнь теперь быстро утекала красными, бьющими из ран струями.

– Дженни… Дженни, это ты?

Девушка, приподняв, обхватила руками голову умирающей. По щекам Дженнифер побежали слезы. Сейчас она ничем, ничем не могла ей помочь.

– Дженни… Я не хотела… Я мечтала… сниматься в кино… Но уже… наверное, не получится… – Глаза Оливии медленно закрылись.

Прижав ладони к лицу, Дженни плакала над ней, страдая от своего бессилия.

– Оливия… как же так… что он с тобой сделал?…

На ее плечо опустилась рука. Николь с трудом стояла на ногах; она была бледна, волосы ее растрепались. Дженни поднялась и встала рядом с женщиной. На полу лежали тела убитых ими тварей – их было не меньше десятка. Каждый из монстров перед смертью проходил трансформацию, превращаясь в человека – сотрудника клиники доктора Руффа или его пациента. Спустя несколько минут мертвые тела рассыпались пеплом, словно ничего и не было. Но одно тело не исчезло… Обе женщины бросились к нему.

– Антонио!

Однако они были бессильны помочь верному дворецкому: жизнь оставила его, и никакое колдовство не смогло бы вернуть ее в это изувеченное тело… Вампир, умирающий у его ног, вдруг издал совершенно человеческий стон. Дженни взглянула в его сторону, и увиденное снова пронзило болью сердце девушки: лежа в луже собственной крови, на нее смотрел бывший знаменитый боксер…

– Джастин! Да что же это?! Как, как такое может быть?

Она бросилась к умирающему Джастину, однако меч Антонио, торчащий из его груди, не оставлял сомнений. Еще миг

– и взгляд бывшего друга затуманился – уже навсегда…

Николь поднялась; глаза ее оставались сухими, но лихорадочный блеск выдавал чувства женщины. Она выглядела сейчас слегка безумной.

– Идем, Дженни. Антонио мы теперь не поможем… Нам нужен Руфф. Если ему удастся уйти, все будет напрасно. Как и эта жертва…

Пошатываясь, она двинулась в сторону двери, ведущей к лестнице. Дженни подняла тяжелый взгляд на Софию, все еще сжимающую свой табурет, – так, словно он был единственной спасительной ниточкой, как-то связывающей девушку с реальностью.

– София… Закройте двери и ждите меня здесь, хорошо?

Она только закивала в ответ, все еще не отрывая взгляда от кучек пепла, в которые уже успели превратиться тела убитых оборотней.

– И… спасибо тебе!

София снова кивнула, будто не находя слов, чтобы ответить, и, немного пошатываясь, вернулась в палату.

Не теряя времени, Дженни последовала за своей наставницей.

Она слишком поздно услышала звук в другом конце коридора. Обернувшись, девушка успела увидеть вытянувшуюся в прыжке еще одну тварь – та стремительно летела к ним. Однако Николь успела отреагировать раньше: стрела из ее арбалета уже была пущена навстречу чудовищу. Еще несколько секунд – и все закончилось.

Тишина опять окутала коридоры, за дверями которых продолжали спать беспробудным сном ничего не подозревающие больные. Это было к лучшему – вряд ли их измученный мозг перенес бы то, что произошло сейчас в клинике доктора Руффа…

Глава 59
Истинный облик Бенджамина Руффа

На второй этаж они поднялись по лестнице – в этот раз их никто не остановил. Дверь в кабинет доктора Руффа оказалась открытой. Дженни попробовала вспомнить – сколько всего персонала обслуживало больницу: надо быть готовой к тому, что все они превращены в оборотней и слепо повинуются своему хозяину…

Кабинет пустовал; даже в клетке не было попугая. Но сейчас девушка увидела то, что не могла видеть раньше: это место окружала мощная защита. Силовые линии, подобно сети, опоясывали все помещение; зловещие черные свечи пылали в кованых подсвечниках, окутывая территорию вокруг резким запахом дыма.

– Где еще может быть Руфф? – спросила Николь и с надеждой посмотрела на Дженни. Видно было, что силы ее на исходе, – ранения давали о себе знать. Но о том, чтобы отступить, не могло быть и речи.

Внезапная догадка кольнула Дженни словно булавкой.

– Идем наверх, на третий этаж. Туда, где случился пожар… – девушка почувствовала, что окунается, как в облако, в состояние непонятной отрешенности. Будто кто-то другой руководит сейчас ее движениями, обволакивая сознание…

Будто во сне она пошла по лестнице на третий этаж; Николь последовала за ней.

Все здесь выглядело совсем не так, как раньше: одно большое жуткое помещение со слабо мигающими старыми лампами по углам. Внизу, на дощатом полу, красовались магические узоры; хитросплетение рун украшало мрачные стены.

Дверь была только одна – именно такую видела Дженни в своем сне. Не страшась девушка толкнула ее и переступила порог комнаты.

Полки с архивами стояли на своих местах. Наверное, именно так и выглядела эта комната до пожара.

– Наконец-то! – выдохнул слабый голос, и тотчас перед ними появился призрак женщины, которую Дженнифер видела на фото в комнате Оливии. Той самой, что пыталась помочь Дженни сбежать…

– Освободите нас! – прошептал призрак умоляюще, становясь между Николь и Дженнифер. Ее полупрозрачное, словно сотканное из воздуха, тело медленно качалось в воздухе.

– Вас? О ком ты говоришь? – не поняла Дженни.

– Оглянись! Разве ты ничего не замечаешь?

И только сейчас девушка увидела то, что до сих пор таилось за спиной призрака: округлые черные камни, похожие на куски обгоревшего дерева; в каждом из них было заключено живое существо, живой дух, томящийся и не находящий выхода.

– Но… Как мы можем помочь вам?

– Убейте доктора Руффа! Это он превратил нас в своих вечных пленников. Пока он жив, мы не сможем уйти отсюда…

– И так будет всегда! – словно гром среди ясного неба грянул из ниоткуда голос Руффа. Он наполнил собой все вокруг; казалось, даже воздух дрожал от его слов. – Эта жалкая девчонка?…

Невидимая сила подхватила Дженни и бросила на стену, где она и осталась висеть неподвижно, удерживаемая незримыми оковами.

– Или эта несчастная, что посмела явиться сюда и уничтожать мои создания?

Та же участь постигла и Николь; припечатанная к другой стене, она даже не пыталась сопротивляться.

Только теперь он показался им – страшное получеловеческое создание двухметрового роста. Серая кожа обтягивала деформированный лысый череп, глаза раскаленными углями сверкали на искаженном злобой лице. Длинные черные одеяния покрывали вытянутое тело, а в скрюченных пальцах светился магический посох. Если бы не знакомый голос, Дженнифер ни за что не узнала бы в этом чудовище доктора Руффа.

Рядом с ним, готовая к прыжку, пригнулась к полу огромная лохматая тварь. На плече мага сидел большой черный ворон – тот самый, что так испугал девушку в первую ночь в больнице… Круглые злобные глаза ворона показались знакомыми… Конечно – такие же были у попугая в кабинете Руффа! Все слуги доктора имели несколько личин.

Дженни дернулась изо всей мочи, пытаясь высвободиться… И тут же почувствовала, как страшная сила невидимой рукой сжала ее горло. В глазах потемнело… Из посоха Руффа, направленного на Николь, вырвалось фиолетовое пламя. Оно должно было испепелить ту, что когда-то спасла черного мага от смерти, а теперь пришла для того, чтобы исправить свою ошибку.

Маленькая кошка черной молнией взвилась в воздух и отчаянно бросилась прямо в лицо ухмыляющемуся магу. Рука Руффа дернулась, пламя ушло в сторону и тут же в углу комнаты вспыхнули старые бумажные папки. На секунду маг отвел глаза от своих жертв, чтобы направить посох с угасающим пламенем на

черную кошку. Еще миг – и храбрая Молли безвольным обожженным комочком упала у его ног… Но этого мгновения замешательства Руффа оказалось достаточно, чтобы девушка и женщина освободились от его стальной хватки.

Сухо свистнула стрела, выпущенная Николь, – и тут же зависла в воздухе, остановленная заклинанием мага. Они смотрели друг на друга – бледная женщина в окровавленной одежде и слуга тьмы, потерявший не только собственное человеческое тело, но и саму свою людскую суть…

Сейчас он ударит еще раз, и тогда уже никто не придет им на помощь…

Опомнившись, Дженни бросила на пол округлый предмет, похожий на грецкий орех. В тот же миг блеклые осколки розоватого тумана наполнили воздух, блокируя всякую магию, и новая молния, слетевшая с посоха Руффа, растворилась, теряя силу, в полушаге от головы Николь. Руфф резко обернулся к девушке, удивленный, явно не ожидавший такого подвоха, и в тот же момент раздался выстрел.

Не веря своим глазам Бенджамин Руфф приложил пальцы к ране на груди. Из-под них потекла струйкой черная кровь.

Взревев словно раненое животное черный маг направил в сторону Дженни свое смертоносное оружие. Фиолетовая плеть взлетела вверх, чтобы поразить девушку новой молнией… и осыпалась вниз безвольными искрами. Магия все еще не действовала.

– Убей ее!

Слова приказа хлестнули наэлектризованный чарами и ненавистью воздух, когда огромное тело зверя взвилось в прыжке, в одну секунду сбив Дженни с ног и прижав ее к полу. От удара у нее потемнело в глазах.

– Убей!

Жуткие челюсти щелкнули над самым ее горлом; зверь дрожал от жажды крови. Дженнифер поняла, что все кончено. Однако она нашла силы, чтобы взглянуть надвигающейся смерти в лицо… Глаза оборотня смотрели прямо на нее…

– Джек… – едва вырвался из ее рта полувсхлип-полустон.

Взгляд оборотня, затянутый кровавой мутной пеленой, вдруг стал светлеть. Слепая ненависть в нем сменилась удивлением.

– Убей ее! Я приказываю тебе! – снова взревел Руфф.

– Джек… Не надо…

Растерянность и отчаяние отразились теперь в глазах оборотня. Но вместо того чтобы повиноваться приказу, он убрал тяжелую лапу и отстранился от девушки.

– Жалкая тварь!

Розоватое облако дыма пропало, и посох снова возвращал себе силу. Заклятие, блокирующее черную магию, истощилось, а смертоносное жало посоха повернуло свой раздвоенный язык в сторону Дженнифер, чтобы… пронзить насквозь зверя, закрывшего ее собственным телом. Оборотень бросился на своего хозяина; его клыки сомкнулись на шее Руффа; огромную пасть свело в предсмертной судороге…

Жар от пламени, перекинувшегося с бумаги на пыльные деревянные полки, обжигал лицо. Ничего не понимая, пораженная, Дженни успела заметить, как взмыл под высокий потолок ворон. Как безвольно, словно кукла, упала вдруг на пол ее наставница. Как сцепились в последней схватке два умирающих монстра… Бенджамин Руфф еще протягивал руку, чтобы дотянуться до своего посоха, но мощное тело оборотня крепко прижимало его к земле.

Прерывистый хрип – и рука мага застыла, опускаясь.

Не веря своим глазам Дженни подошла ближе – чтобы увидеть, как меняется в предсмертной агонии ее спаситель.

– Джек!

Глаза монстра смотрели на девушку с грустной нежностью – это был его последний взгляд. Джек хотел было что-то сказать, но слова так и остались непроизнесенными…

Медленно, выбрасывая вверх струи голубоватого свечения, один за другим поднимались в воздух миниатюрные существа. Они напоминали диковинных птиц – расправив крылья, взмывали к потолку и растворялись в пространстве.

– Спасибо, Дженни! Мы благодарны тебе… – услышала девушка над своей головой, прежде чем последний освобожденный дух пропал из виду. Но ей сейчас было не до них.

Николь лежала неподвижно. Не в силах унять лихорадочную дрожь волнения, Дженнифер склонилась над женщиной и схватила ее за руку.

– Николь! Тетя Николь, очнись!

Сначала затрепетали веки; медленно, через силу та открыла глаза. И это было самым счастливым волшебством за всю безумную ночь.

– Тетя Николь! Слава небесам! Ты жива…

Дженни плакала, ничуть не стыдясь своих слез, – ведь это были слезы радости.

Николь выдавила из себя страдальческую улыбку.

– Дженни… Надо уходить отсюда. Все позади! Все закончилось…

«В основном, благодаря тебе…» – прозвучало у нее в голове, и девушка обернулась. Рядом стояла Молли, измученная, с

обгоревшей шерстью, но все-таки живая.

– Нет, Молли, благодаря тебе! Если бы не ты…

«У кошек девять жизней… Одной можно и пожертвовать…»

– Если бы не этот оборотень… – Николь приподнялась и теперь с помощью Дженни делала попытки встать. – Почему он спас нас?

– Это Джек… Тот самый Джек, о котором я тебе рассказывала… Он и в обличии оборотня остался человеком…

Тело повара стремительно таяло, рассыпаясь пылью. На полу, раскинув руки, остался лежать только Руфф.

– Скорее уходим отсюда! – прокричала Николь – треск от горящих стеллажей заглушал звуки ее голоса. Она старалась не смотреть на мертвого мага. Но все же, когда уходила, ее последний взгляд был обращен к нему.

– Остался ли здесь… кто-нибудь еще? – спросила Дженни.

– Нет… Все твари убиты. Ворон доктора Руффа исчез, бросив своего хозяина; не думаю, что нам стоит его искать.

Николь протянула руку в сторону окна – стекло лопнуло, рассыпавшись мириадами осколков. Дым пожара ринулся в оконный проем.

– Будем считать, что я вызвала пожарных… – пробормотала она самой себе.

Все, что происходило дальше, Дженни видела будто издали, хотя и принимала в этом участие. Слишком велики были пережитые потрясения, и теперь ее чувства словно замерли, уступив место трезвым мыслям и действиям.

Вот Николь дает ей и Молли порошок из лечебных снадобий – и Дженни чувствует, как силы понемногу возвращаются в ее измученное тело. Затем все вместе они идут в восемнадцатую палату, где, скованные уже не путами, но страхом, их ждут друзья Дженни. Вот они бросаются к ней с объятиями, не веря, что все уже позади…

– Нужно уходить отсюда… Скоро прибудут пожарные, а вместе с ними – и полиция, – предостерегла всех Николь.

– Но, тетя Николь, а как же больные? Вдруг огонь распространится быстрее, чем подоспеет пожарная команда?

Женщина на секунду задумалась.

– Пожалуй, ты права… – Она опустила голову, что-то негромко произнесла, а затем сделала сложный пасс руками. – Ну вот и все! Это освобождающее заклинание, способное открыть любые замки.

Пошатываясь от усталости и пережитых волнений, все направилась в сторону выхода. Теперь уже никто не мог

остановить их.

Звездная ночь встретила их своим порывистым дыханием – казалось, она так же восторженно всматривалась сейчас в небольшую группу людей, покидающих стены больницы, как и они смотрели в бескрайнюю высоту ночного неба.

– Неужели… мы свободны? – пролепетал вдруг Раян дрожащим от волнения голосом, и эти несколько слов, сказанных юношей, прозвучали словно волшебная музыка.

– Свободны! – будто эхо отозвались София и Эмма.

Обернувшись, они в последний раз взглянули на громадину мрачного здания, где вынуждены были томиться столько времени. Больше оно не имело над ними власти.

– Мы все-таки выбрались, – произнес Раян, который, казалось, убеждал сам себя. Он схватил Дженни за руку и до боли сжал ее. В его глазах блестели слезы.

– Да, мы сделали это, – Дженни в ответ тоже стиснула парню ладонь и потянула его за собой – вперед, туда, где за рядами деревьев их ждал оставленный черный автомобиль Николь. – Больше никто не посмеет распоряжаться нашими жизнями.

– Но как… Объясни мне, что это было? Это все…

– Вы обязательно узнаете, только немного позже. Если ваша свобода вам дорога, нам следует уезжать отсюда как можно быстрее: я уже слышу звуки пожарной сирены – через пару минут сюда прибудут экстренные службы, и нам совсем необязательно попадаться им на глаза, – голос Николь вернул ребят с небес на землю. И она была тысячу раз права.

Дружно втиснувшись в автомобиль, вся, переполненная эмоциями, компания покинула место, принесшее им столько страданий.

Спустя некоторое время авто, свернув на улицу Липовую, подъехало к дому Николь. В это же время большая пожарная машина в сопровождении двух полицейских автомобилей въехала на территорию больницы.

Казалось, в старом доме на Липовой ничто не изменилось. Но дворецкий Антонио, бывший частью этого дома, не вышел, как обычно, встречать гостей. Лишь горящие огоньки садовых фонарей поджидали их, слабо светясь в предрассветной мгле.

На светлеющем небе разливались первые краски наступающего утра. Неужели прошло лишь несколько часов с того момента, как они выехали отсюда этой ночью?

Только устроившись на большом ковре у камина, Николь и Дженни позволили себе расслабиться и отпустить чувства на волю. Слезы сами собой текли по их лицам – девушка и женщина оплакивали людей, ставших им близкими, которые погибли для

того, чтобы смогли выжить они…

Молли неподвижно, будто черная статуэтка, смотрела на огонь, и пламя отражалось в янтарных глазах кошки.

Друзья из клиники не спешили задавать вопросы: они видели, что Дженнифер и Николь сейчас нужен отдых. В большом доме места хватило всем; после больничной палаты уютные комнаты казались верхом роскоши…

Растянувшись на кровати, Дженни закрыла глаза. Бурные события сегодняшней ночи яркими картинками крутились в ее памяти, не давая уснуть. Руфф в своем истинном облике, битва с толпой обезумевших оборотней, смерть Антонио, потухающий взгляд Оливии, Джека… Что бы не случилось потом в ее жизни, этот день она не забудет никогда.

Дверь тихонько скрипнула – мягкой походкой в комнату вошла Молли. Запрыгнув на кровать, она свернулась калачиком в ногах девушки. Уютное мурлыканье наполнило темную комнату. Дженни вдруг стало очень спокойно.

– Теперь все будет хорошо… – прошептала Дженнифер то ли кошке, то ли самой себе. Улыбнувшись в темноту, она уснула.

Глава 60
В лабиринтах между мирами

Казалось, это пространство было бескрайним: она парила высоко в небе над необыкновенными просторами. Внизу мелькали города, реки, а Дженнифер летела все дальше, все больше отдаляясь от своих воспоминаний. Она купалась в бесконечности, и так хорошо, так свободно было в небе, что возвращаться на землю совсем не хотелось…

Дженни осознала себя снова сидящей в комнате, совсем пустой, без единого стула. Только огромное, до пола, окно открывало вид на прекрасный сад. Распускающиеся цветы вызвали грусть: ее погибшие друзья – Антонио, Джек, Оливия – уже никогда не смогут насладиться этими яркими красками и душистым благоуханием…

– Дженни! – позвал ее вдруг кто-то знакомым голосом, и девушка вздрогнула от неожиданности.

Рядом с ней улыбаясь стоял Джек – тот самый Джек, который готовил ей пирожные и так мечтал о коронном блюде, сделанном с помощью японских ножей…

– Джек! Но ведь ты же… умер… Тебя нет! – сказала она призраку. Слезы прокладывали дорожки по ее щекам.

– Кому, как не тебе, знать, что смерть – просто дверь в другую жизнь, – улыбнулся Джек, протягивая к ней руки.

Ухватившись за его ладонь, девушка поднялась к нему.

– Спасибо тебе, малышка! – снова улыбнулся бывший повар.

– За что?! Ты погиб из-за меня. Это я в долгу перед тобой…

– Никаких долгов! Ты вернула мне мою душу, маленькая бесстрашная колдунья, не побоявшаяся вызвать на поединок самого сильного мага. Ты помогла тем, кого считала друзьями, и заставила вспомнить меня о моей истинной сути… Последним поступком я искупил свои прошлые ошибки, и теперь… Теперь я свободен! – Джек подхватил Дженнифер на руки и закружил ее, словно маленькую девочку.

Она перестала плакать.

– Ты говоришь правду, Джек?

– Ну конечно! И я рад, что нашел тебя. Теперь мы можем попрощаться как старые друзья. – Он наконец опустил ее на землю, но задержал ладони в своих. – Прощай, моя маленькая храбрая Дженни! Я всегда буду помнить тебя.

– И я тебя, Джек! Прощай…

Она смотрела, как он неспешно идет к двери, распахнувшейся

перед ним. Неожиданно рядом с Джеком в дверном проеме возник Антонио. Ничего не говоря, он лишь улыбнулся и помахал Дженни рукой. Вместе они исчезли в потоке сияющего света.

«Так это и есть… смерть? – думала девушка, глядя вслед этим двум людям, успевшим стать для нее дорогими. – Значит, я тоже когда-то уйду через эту дверь… Но куда?…»

Дверь закрылась, и Дженни снова осталась одна. Однако теперь на душе у нее посветлело, как светлеет небо после отшумевшей грозы.

– Я буду помнить вас, помнить всегда, – промолвила она, все еще глядя на закрывшуюся дверь.

– И не только их. Меня ты тоже не забудешь, маленькая убийца, – прошелестело прямо над ухом Дженнифер, и она с ужасом обернулась. Рука сама собой потянулась за мечом. Меча не было, но и ее враг тоже стоял безоружный.

Бенджамин Руфф изменился с их последней недавней встречи – теперь перед ней предстал средних лет мужчина с серебристыми ниточками седины в волосах. Почти такой же, каким она запомнила его в роскошном кабинете главврача еще до сражения, будучи пациенткой клиники. Только сейчас доктор Руфф уже не вызывал у нее того подспудного ужаса, ореол которого обычно окружал его особу. Теперь перед ней стоял обыкновенный человек с усталыми глазами. Дженни чувствовала, что больше не боится его.

– Встретимся в твоих кошмарах, дорогая, – язвительно прошелестел его голос.

Дженнифер сама удивилась своему спокойствию.

– Нет! У меня больше не будет кошмаров. *Ты* был моим кошмаром, но я победила тебя, он закончился. Ты мертв!

Руфф качнулся и вмиг словно выцвел на ярком солнце, став почти серым, теряя цвет. Теперь и лицо, и волосы темного мага казались пепельно-дымчатыми.

Высокий силуэт мужчины отдалялся от нее, приближаясь к той же двери, открытой в другую реальность, но вместо потоков света за ней сейчас поднималась, сплетаясь жадными клубками, белая мгла.

Он отдалялся, унося с собой вопрос, ответ на который ей так необходимо было знать…

– Но почему, Руфф? Почему ты сделал все это, зачем? Ведь ты же когда-то любил ее! – выкрикнула вдруг Дженни.

Бенджамин, остановившись, бросил на девушку взгляд через плечо. Одна его бровь удивленно приподнялась.

– Почему? Ты действительно хочешь знать это?

Он вдруг оказался рядом с ней; его голос звучал отовсюду, и

вся гамма чувств этого голоса передалась вдруг и ей. Словно граница между ними стерлась и на какое-то мгновенье она сама стала Бенджамином Руффом…

– Я рано почувствовал вкус силы… Мне всегда сопутствовали успехи и достижения, однако я хотел большего, пока в какой-то момент ощутил, что преград нет вообще… Умница Николь… Она была слишком юной, слишком наивной. И никогда не умела скрывать своих чувств. О ее любви ко мне не знал разве что слепой… Принять этот подарок было бы слишком просто… Хотя, может быть, я оценил бы ее по-другому, не будь рядом ее – Элисон… Девушка, в которую влюблялся едва ли не каждый, кто ее видел. Умная, красивая, недоступная… Лучше всех. Она просто обязана была стать моей! Но выбрала другого… Неужели ты думаешь, что я простил бы ей это оскорбление, эту пощечину? Я должен был во что бы то ни стало доказать – ей, себе и другим магам, – что она сделала ошибку… Ради этого я отважился на такое, о чем раньше не решался даже подумать… Я продал свою душу самому исчадию зла – Черному Демону. Стал его рабом, только чтобы заполучить неведомую ранее силу. Но он обманул меня – особой силы я не получил, зато навсегда попал в плен. И я вынужден был принять новые условия игры, чтобы вернуть себе могущество. Я видел, что с каждым днем душа моя мертвеет, но меня это не беспокоило. Наоборот, мне хотелось поскорее освободиться от всего человеческого, чтобы никакие эмоции не мешали мне жить… Я должен был постоянно приносить ему все новые и новые жертвы. И однажды мне понадобилось убить ребенка. Я готов был к этому, но они выследили меня – кучка этих никчемных магов. Я с легкостью мог бы уничтожить их. Но мой меч предал меня. Если бы не он, все они давно гнили бы в загробном мире. Я потерял всю свою силу и едва не умер. Меня спасла только любовь Николь… Она думала, что я снова буду прежним. Какая глупая наивность! Все эти годы я хотел заполучить одну лишь Элисон, она стала для меня идеей фикс. Она должна была выбрать меня, меня! Понимаешь?… И тогда, в приступе ярости, я решил убить их – Элисон и ее возлюбленного.

Он замолчал.

– Но зачем ты приносил людям столько зла? Неужели лишь по принуждению?

Бенджамин усмехнулся презрительно и горько.

– По принуждению? Конечно же нет. И что называешь злом ты, ведьма-недоучка? – Глаза его блеснули холодным огнем, и улыбка пропала с лица. – Тебе не понять этого. Играть в свою игру, где твоими марионетками становятся другие люди. Повелевать их судьбами, строить вокруг себя свою собственную

реальность, свой мир! Чувствовать себя богом, творящим и уничтожающим согласно собственной воле… Нет ничего, что могло бы сравниться с этим! Я был счастлив по-своему… И не тебе меня судить за мои поступки. Как и никому иному. И это я заберу с собой… в тот мир, – он кивнул туда, где хищно клубился туман.

Бенджамин снова стал отдаляться, притягиваемый распахнутым проходом, который ждал его словно хищник с открытой пастью. Но за несколько шагов от него он опять остановился и обернулся к ней, будто размышляя, стоит ли говорить то, что хотел сказать.

– И последнее… Я знаю, что ты меня не забудешь. Как и воспоминания о тебе не сотрутся из моей памяти даже там, – хищная полуулыбка-полуоскал снова мелькнула на лице Руффа.

Сейчас, глядя на него, вместе с угасающей в сердце ненавистью, девушка ощутила что-то сродни доле уважения: он не боялся! И теперь, уходя за черту, в неизвестность, не страшился того, что ждало его впереди.

– Мы еще встретимся, Дженни! В следующей жизни или после нее. Ведь убийца и жертва связаны – больше, чем хотелось бы. Хотя я никогда бы не подумал, что судьба распределит нам такие роли. Но так даже интереснее… В общем – до встречи!

Он сделал шаг. Потом еще один – и белая мгла протянула к нему свои жадные щупальца.

Дрожа, Дженни наблюдала, как растворяется в ней знакомый силуэт.

– Передай ей… Нет, не надо. Пусть остается все как есть…

Эти слова долетели уже из тумана, который стал медленно таять, поглощая в себе Бенджамина Руффа. Проход захлопнулся, и в сумеречном царстве Дженнифер осталась одна… чтобы сразу же перенестись в залитую солнцем долину, где больше не было никакого Руффа, никаких волнений, а только свежие порывы ветра и радостный скрип качелей. Взобраться на них, весело раскачиваться, доставая до бесконечно голубого неба, такого голубого, как в детстве… И кто это рядом?

– Мама! Папа! Как же я соскучилась!..

Глава 61
Пробуждение

Неприятный жужжащий звук откуда-то сверху немного раздражал. Не спеша открывать глаза, Дженни попыталась представить себе, что именно могло бы издавать такое жужжание. Может, будильник? Но у нее не было будильника. На крылышки насекомого – тоже не похоже. Звук казался явно механическим, и теперь он испытывал на прочность ее терпение: жжжж… жжж… ж-ж…

Что за противная жужжалка? И который час? Странно, что ее никто не будит. Наверное, просто не тревожат, ждут, пока проснется сама…

Интересно, как там Николь? Накануне вечером она была очень слаба после полученных ранений. Сумеет ли сама излечить себя или ей понадобится помощь?

Жжж… жжжжж…

Жужжание никак не умолкало, и Дженни наконец раздраженно открыла глаза. Над изголовьем ее кровати висела небольшая электронная коробочка – какой-то прибор, издававший этот звук. Странно… Зачем он, и кто его там поместил?…

Оглядевшись по сторонам, девушка удивилась еще больше. Из маленького окна, занавешенного светлыми жалюзи, проникал приглушенный дневной свет. Комната была небольшой: в ней помещалась только ее кровать и тумбочка с какими-то аппаратами. Успокаивающий зеленый цвет стен и особый запах, который не перепутаешь ни с чем…

Больница!

Дженни хотела было вскочить с койки, но при всем желании не смогла даже пошевелить головой. О небо!

Страшная догадка пронзила ее насквозь, заставив зажмуриться от страха. Неужели все, что случилось за последнее время, – только бред ее больного воображения, которое решило спрятаться от жестокой действительности в свой вымышленный мир грез? Неужели она никогда не покидала стен психбольницы и сейчас – до сих пор – привязана к кровати?

С бешено бьющимся сердцем девушка все же заставила себя снова открыть глаза и взглянуть на свои руки, что удалось ей с трудом. Можно было разве что скосить взгляд – но и этого достаточно было, чтобы увидеть свою левую руку, свободно лежащую вдоль тела. Руки не привязаны? Тогда почему она не может ими двигать?

Дженни попыталась пошевелить пальцами – это ей удалось через силу, но все же ладонь оставалась вполне осязаемой. Ноги так же чувствовались, однако двигать ими не получалось. Может, ей ввели какое-то особое лекарство, ослабляющее настолько, что при этом о побеге оставалось лишь мечтать?

Дженнифер еще раз оглядела помещение: скорее всего, это действительно больница. Между тем это никак не могла быть та самая восемнадцатая палата, из которой вчера ночью она вывела своих друзей… Тогда что же с ней случилось?

Новый страх скользкой змейкой опутал сердце, но она решила игнорировать его, пока точно не узнает, что произошло. Возможно, она потеряла слишком много сил накануне в битве и Николь сочла лучшим отвезти ее в больницу…

В любом случае, она скоро все узнает. А пока – нужно просто перестать волноваться.

– Эй, кто-нибудь! – крикнула Дженнифер, и звук собственного голоса показался ей чужим и слабым. – Кто-нибудь! Помогите мне!

Дверь немного приоткрылась, в проеме мелькнуло веснушчатое девичье личико. Удивленный взгляд, приглушенный вскрик – и дверь снова захлопнулась. Дженни только успела заметить зеленый халат и чепчик на рыжей гриве непослушных волос.

– Она проснулась! – прозвучал по ту сторону взволнованный голос. – Говорю же вам, она проснулась! Я видела, она открыла глаза!

«Ну, проснулась, велико событие! – с некоторым раздражением подумала Дженни. – Кричит так, будто увидела призрака…»

Дверь распахнулась снова, впуская в себя сразу несколько человек в зеленых халатах. Две женщины разного возраста и та самая рыженькая девушка, которая заглянула первой. За ними на пороге выросли еще двое медработников-мужчин. Все смотрели на нее с нескрываемым интересом.

«Ничего себе, делегация!» – удивилась Дженнифер, но решила не высказывать мысли вслух.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась она, когда медики приблизились, окружая кольцом ее постель, отчего девушке стало немного неловко.

– Здравствуйте! – первой отозвалась стоящая справа женщина. Она лучезарно улыбалась, но за этой улыбкой было скрыто удивление.

– Скажите… почему я не могу двигаться? Со мной что-то не так? – нерешительно спросила Дженни, однако на сей раз ей

никто не ответил, только несколько пришедших переглянулись между собой. – Я могу узнать, что со мной? – более требовательно спросила Дженнифер. Ее начало порядком раздражать молчаливое внимание со стороны пятерых представителей медперсонала, которые вели себя очень странно.

– Да, конечно… Вот придет доктор, он все и расскажет, – немного смущенно улыбнулась молоденькая девушка с рыжими волосами. Вероятно, это была медсестра.

– Доктор?… Но ведь я задала простой вопрос – неужели никто из вас не может на него ответить?

Дженнифер начала уже не на шутку сердиться, когда стоявшие возле ее постели расступились, пропуская вперед невысокого, совершенно лысого человека в просторном халате и больших очках.

– Что тут у нас? Так… – Доктор (вероятно, именно о нем говорила рыжая медсестра) тоже остановился, разглядывая ее, словно какую-то диковинку. – Дженнифер Паркер? – то ли спрашивал, то ли констатировал он.

– Да, Дженнифер Паркер, – ответила девушка, изо всех сил пытаясь оставаться вежливой. – И я не могу понять, почему все так на меня смотрят? У меня что, какая-то редкая болезнь?

– Да нет… Надо полагать, раз вы уже проснулись, теперь все будет очень даже хорошо, – задумчиво протянул врач, все еще удивленно глядя на Дженни.

Но его невразумительный ответ мало что объяснил ей.

– Я хотела бы увидеться с тетей Николь. Вы не могли бы передать ей мою просьбу? – попросила девушка.

Стоявшие, словно стражи, снова переглянулись, однако ответил за всех доктор:

– Видите ли, дорогая… Боюсь, сейчас не время…

Жестокая догадка наполнила ее сердце новой тревогой: неужели в больницу они попали вместе? Что произошло с Николь?

– С ней что-то случилось? Да говорите же! – теперь Дженни было наплевать на вежливость, и она не скрывала своего волнения. Девушка несколько раз безрезультатно попыталась привстать на постели. – Что вы со мной сделали? Почему я не могу двигаться?

– Тише, тише, вам противопоказано волнение! И двигаться тоже пока еще рано… – бросился к ней доктор, останавливая пациентку.

– Но почему? Что с моим телом?… Что со мной не так? – слезы злости выступили на глазах Дженнифер. От нее что-то скрывают, какую-то жестокую правду… И почему, черт возьми,

они ничего не говорят о Николь?! – У меня… какие-то серьезные повреждения? Я – калека? – почти что выкрикнула Дженни, отчаянно глядя на доктора, который и сам, казалось, был озадачен.

– Нет-нет, успокойтесь! Ваши мышцы просто… Они немного… атрофировались.

Дженнифер нервно засмеялась.

– Что вы несете? Как они могли атрофироваться за одну ночь? Вечером я не только бегала, но еще и… – девушка резко прервала свою речь, боясь сболтнуть лишнее. Не будет же она рассказывать этим людям о бойне в психлечебнице и о том, что собственными руками убила несколько оборотней и вампиров, а потом еще и застрелила главврача… – Со мной было все в порядке! Чем вы меня накачали? Что вы от меня хотите? Почему мне никто не говорит, где тетя Николь? И где мои друзья, с которыми… Которые были вместе со мной? – Дженни чувствовала, что у нее начинается самая настоящая истерика. – Почему вы все молчите?! – выкрикнула она.

– Успокойтесь! То, что я скажу, покажется вам странным, но, можете быть уверены, это – правда… – доктор на секунду замолчал, поправляя очки. – Дело в том, что… вы… вы пролежали в коме двадцать лет.

Слова застыли в горле Дженни.

– Это что… у вас шутки такие? – пролепетала она уже не совсем уверенно.

Доктор молча смотрел на нее.

Глава 62
Возрождение

То, что ей открылось, просто не укладывалось в голове. Воспоминания Дженни обрывались в доме Николь, в спальне, куда она, обессиленная, вернулась под утро после тяжелого сражения. Сон, в котором Дженнифер попрощалась с Джеком, Антонио и даже доктором Руффом, был не в счет – это действительно был лишь сон.

Она допускала, пусть и с трудом, что сном могли быть также все ее воспоминания о тете Николь и о битве с нечистью – слишком уж фантастическими выглядели теперь эти события. Но если с таким допущением Дженнифер еще могла смириться, то другое… Откуда возникли эти ужасные двадцать лет, которые пролетели мимо, прошли сквозь нее, как проходит солнечный свет сквозь пустое космическое пространство, канули в Лету? Она никак не могла принять столь ужасающую правду.

С замиранием сердца Дженнифер ждала момента, когда ее просьбу выполнят – принесут зеркало. Она боялась увидеть там… Кого? Старуху с дряблой кожей и мешками под глазами?

Лицо в зеркале было, бесспорно, ее лицом, – к большому облегчению, никакой старухи в нем не отразилось. Бледные впалые щеки, усталый вид… Может быть, выглядела она немного иначе – более взрослой, что ли? Но все же Дженнифер оставалась сама собой, и это немного утешало. Но вот кое-что другое утешения не принесло.

Спустя несколько часов после пробуждения к ней вернулся тот самый доктор в больших очках, чтобы задать вопросы. Боясь показаться сумасшедшей, она не рискнула рассказывать о всех своих приключениях, и открытое ею выглядело вполне благопристойно: попала в психлечебницу, где главврачом был доктор Руфф, через некоторое время почувствовала себя лучше, и ее выписали из больницы. Тетя Николь забрала ее к себе, у нее она выздоровела окончательно. Потом они с Николь приезжали в больницу, чтобы проведать знакомых – бывших соседей по палате. Вечером того же дня она легла спать… И проснулась тут.

Ни о чем больше девушка не рассказывала, уверив доктора, что на этом ее воспоминания обрываются. Мужчина слушал молча, время от времени что-то записывая в свой блокнот. Он был осторожен и вежлив, но то, что узнала от него Дженни, повергло ее в тихий шок.

Если верить доктору, никогда из больницы она не

выписывалась – что-то в лечении пошло не так, и девушка впала в кому. В этом состоянии она пробыла двадцать лет (каждый раз, слыша такую цифру, Дженнифер невольно вздрагивала). За все это время о ее здоровье справлялись только социальные работники; никакой тети Николь никогда не было; другие родственники также ни разу не объявились. Пациентка Дженнифер Паркер была круглой сиротой, и ее лечение осуществлялось за счет государства.

Врачи пытались разобраться в причине случившегося с ней, однако точного ответа так никто и не нашел. Возможно, это было связано с масштабным пожаром, который пережила клиника в то время, когда Дженнифер уже находилась в ней. Тогда в огне погибли несколько пациентов и кое-кто из персонала, включая доктора Руффа.

Позже больницу отремонтировали и «спящая красавица», как стали называть Дженни, осталась здесь. На ее возвращение к жизни уже никто не надеялся, но… Такое состояние, как кома, очень непредсказуемо. Теперь Дженнифер очнулась, и все снова будет хорошо… А ее «воспоминания» о том, чего никогда не было, можно считать просто реалистичным сном – последним, что запомнился, перед периодом полного беспамятства…

Доктор пошел навстречу Дженнифер и попросил найти в архиве информацию о судьбе четырех пациентов из восемнадцатой палаты. Больничный архив тоже сильно пострадал в огне, но все же некоторые записи остались. Все, кроме нее, пациенты из восемнадцатой палаты были выписаны – скорее всего, еще до пожара, потому что ни в списке продолживших лечение больных, ни среди жертв их имена не упоминались…

Это стало единственным утешением для Дженни. Долгими ночами (спала она теперь плохо; как говорила сама, пытаясь шутить, – выспалась вперед на всю оставшуюся жизнь), она вспоминала все случившееся и думала, что вопреки всему сумела спасти своих друзей. И сдержать свое обещание… Что бы там ни говорили ей хоть тысяча докторов, у нее имелась своя правда…

Ужасно угнетала Дженнифер мысль о том, что она все еще остается пациенткой ненавистной психиатрической клиники, о которой хотела бы забыть больше всего на свете. Но лечащий доктор оказался понимающим и добрым, а персонал – заботливым и внимательным. Она даже подружилась с той самой рыжей медсестрой: ее звали Рита, и теперь она часто заходила к Дженни, чтобы просто поболтать. Ей нравилось рассказывать новой подруге обо всем, что поменялось в мире за двадцать лет. Дженнифер с удивлением слушала про маленькие, но очень

мощные компьютеры, которые имелись теперь практически у каждого, про Интернет, что дает возможность узнавать почти обо всем на свете. С помощью Риты она научилась пользоваться планшетом и смартфоном – рыженькая медсестра с удовольствием давала Дженни такие уроки.

Но и сама больница изменилась до неузнаваемости: просторные светлые коридоры, процедурные кабинеты и комнаты отдыха, большие ванные, прогулки на воздухе… Усадив Дженни в инвалидное кресло, медсестры вывозили ее на прогулку, чтобы она могла подышать свежими весенними ароматами, долетавшими из близкого леса, и погреться на солнце…

Никаких ужасных, замутняющих сознание таблеток больше не было: ей давали только витамины и какие-то препараты для восстановления сил. А еще она получала общую терапию и массаж, что был особенно приятен для ее ослабевшего тела.

Восстанавливалась Дженнифер на удивление быстро; через месяц она уже стала передвигаться самостоятельно – сначала с ходунками, а потом и без их помощи. Ослабевшее от обездвиженности тело как будто радовалось любой возможности двигаться, и Дженни ходила, сколько могла, – поначалу с трудом, делая паузы на отдых, а затем – все легче и свободнее.

Лечебная физкультура «творила чудеса», как отзывался доктор об изменении состояния своей пациентки, и хотя Дженни подозревала, что дело тут не только в эффекте физкультуры, все же вежливо соглашалась с ним.

Работая с психологами, она убедилась – лучше не думать о прошлом и не слишком зацикливаться на пережитых потрясениях. Ведь все могло сложиться хуже – реальной была возможность не проснуться… И если небо даровало ей шанс снова обрести жизнь, она должна использовать его на сто процентов. С этим Дженнифер была полностью согласна. Сильнее всего она мечтала о моменте, когда сможет наконец обрести свободу…

Тем более, кроме физической слабости, больше никаких препятствий к этому не было – Дженни признали полностью психически здоровой.

Еще одной отдушиной стало рисование: ее лекари назвали это арт-терапией и предоставили в распоряжение своей пациентки альбом, карандаши и краски. К тому же такие занятия развивали моторику рук… Но для Дженнифер, истосковавшейся по свободе – свободе безо всяких ограничений, белый лист и танцующий на нем карандаш стал чем-то большим, нежели просто развлечение и полезные упражнения. Там она творила свой мир – тот, осколки которого навсегда увязли в ее памяти. Тот, который хотела видеть вокруг себя…

Психологи рассматривали рисунки Дженнифер с умным видом, покачивая головами и обсуждая с коллегами значение того или иного сюжета. Изображенную девушку с мечом, убивающую чудовищ, они считали символом ее победы над болезнями и говорили, что это хорошо. Но постепенно сюжеты менялись, все чаще на листе оживали цветы, и деревья, и уютный дом в тихой улочке, а еще – огромное, безбрежное, прекрасное море… Именно оно стало для Дженни символом нового мира, в который так хотелось вернуться…

И она без устали рисовала его – оно ждало ее где-то там, за воротами больницы, и когда-нибудь его ласковые теплые объятия обязательно подхватят ее, словно заблудившегося ребенка… Дженнифер больше не боялась. Она победила свои страхи давно, остатки же их исчезали здесь, в этом месте, что когда-то принесло ей столько страданий.

А там, куда она уйдет, будет новая жизнь. И море – ее море, поездку на которое они весело планировали вместе с родителями, сидя в автомобиле… Как давно это было! Кажется, прошла целая вечность… Теперь Дженни надо учиться жить заново – в новом, неизвестном ей мире. Конечно, у нее появятся новые друзья и знакомые. Но эти воспоминания из детства, как драгоценности, спрятанные в шкатулке, она унесет в свою будущую жизнь.

Глава 63
Домой

Никто не обращал внимания на светловолосую женщину в старомодной одежде, одиноко бродившую по улицам Гринстоуна. Задумчивая улыбка озаряла ее слегка бледное лицо; погруженная в свои мысли, она просто шла, наслаждаясь картинами размеренной, мирной жизни вокруг.

Как изменился город! Пестрые рекламные вывески, россыпь маленьких уличных кафе, ароматный запах кофе на открытых террасах… Все было новым и незнакомым – она чувствовала себя почти призраком, возникшим из прошлого.

Дженнифер попросила подвезти ее до центра, хотя любезный доктор предлагал доставить необычную пациентку прямо домой, на улицу Канталь. Но ей хотелось снова очутиться в городе, вновь почувствовать себя частью бурлящей жизни…

Гринстоун поменял свое лицо и ускорил движение – Виндроуд заполняли потоки сверкающих автомобилей и толпы спешащих по своим делам жителей города. Странно было видеть, как проходящие мимо люди разговаривают будто сами с собой – Дженни еще не привыкла к тому, что маленький наушник заменяет теперь телефонную будку и можно общаться с невидимым собеседником, оставаясь в людском потоке…

День, когда двери больницы открылись перед Дженнифер, выпуская ее на свободу, был одним из самых счастливых для нее.

Всю дорогу она сжимала в руке потускневший от времени ключик с забавным брелоком-бабочкой, который вместе с другими вещами хранился в стенах больницы, в ее старой сумке. Это был ключ от ее дома.

Устав от блуждания по улицам, Дженни свернула в небольшой скверик с фонтаном, которым заканчивалась Гарденстрит. Присев отдохнуть на лавочку возле глубокой мраморной чаши, она долго вдыхала свежий аромат воды, любуясь танцем блестевших на солнце струй.

Именно сейчас Дженнифер вдруг поняла, что окончательно освободилась от камня, который долго носила в своей душе. Боль потери превратилась в светлую грусть; она еще помнила лица родителей, улыбавшихся ей в том сне, где они снова были вместе. Теперь же знала – они ждут ее там, за чертой этого мира, и когда-нибудь она обязательно встретится с ними…

– Мяу! – послышалось вдруг рядом, и Дженни, вздрогнув,

обернулась на звук. Неподалеку от нее сидела на земле… О небо!

– Молли! Это ты?!

Небольшая черная кошка смотрела на нее умными янтарными глазами, слегка щурясь от яркого весеннего солнца.

Дженни бросилась к ней, и та, на удивление, не испугалась и не убежала. Она еще раз пристально посмотрела на Дженнифер и подошла к ней, доверчиво потерлась мордочкой о протянутую руку.

Дженни, подхватив кошку, усадила ее себе на колени. Слезы выступили на глазах женщины.

– Молли, поговори со мной, пожалуйста, – прошептала она, осторожно касаясь пальцами шерсти на черной спинке, гладя за ушком.

Кошка казалась безмятежной; она довольно мурлыкала, не уклоняясь от ласки, и позволяла себя гладить. И, конечно же… не сказала ни слова.

– Ты не можешь быть Молли, ты просто не можешь быть ею. Кошки не живут столько, – прошептала Дженнифер, не выпуская из рук теплый комочек.

Животное не воспротивилось, когда Дженни усадила его в сумку, перед тем безжалостно вытряхнув оттуда какие-то вещи. Кажется, кошка не собиралась убегать и была совсем не против путешествовать прямо в сумке к своему новому дому.

Теперь уже ничто не удерживало Дженни в городе; поплутав еще немного, она отыскала нужный автобус, который ехал на улицу Канталь.

Глядя из окна на проплывающие мимо мирные пейзажи, женщина не очень удивилась, заметив, что знакомый район расширился, улица обросла новыми уютными домиками.

Ее дом выглядел, пожалуй, все так же – только немного обветшал и потускнел от дождей и неутомимого солнца. Она поймала несколько заинтересованных взглядов, пока шла к нему по выложенной камнями дорожке.

Ей даже показалось, что мужчина, следовавший за ней немного поодаль от самого начала улицы, теперь остановился в нерешительности…

Но сейчас ее не интересовали соседи; больше всего Дженни хотелось наконец переступить порог родного жилища…

Глава 64
Сосед

Он давно уже жил на этой тихой улице, полюбившейся ему еще в юности, когда они со своим другом – мастифом Раджем – не торопясь гуляли тут по утрам.

Долгое время уже нет рядом верного Раджа, а в доме, возле камина, спит его точная копия… Булли в последнее время сильно разжирел и обленился – что ж, годы берут свое… И на длительные прогулки его часто не хватает: пробежавшись трусцой минут пять, не больше, хитрюга начинает все чаще оборачиваться, мечтая вернуться домой, и тоскливо поглядывать в глаза хозяину, тихо поскуливая… В отличие от своего предшественника, Булли не испытывал радости от длинных дистанций. Но до этого дома они доходили всегда; дальше Уильям разрешал псу охотно топать назад.

Заброшенный дом с темными окнами, давно уже ставший поворотной точкой в прогулках с собакой, почему-то всегда притягивал его. Уильям и сам не мог бы сказать, что же так тянуло его к этому особняку… Возможно, несколько светлых минут воспоминаний, словно картинки из прошлого, уже полузабытого, но упрямо не желающего забываться совсем.

А сегодня, возвращаясь с работы пораньше, Уильям вдруг увидел из окошка своей машины то, из-за чего едва не съехал на соседский газон. По улице шла… она! Он смотрел снова и снова, но ошибки быть не могло – это была та самая девушка, воспоминания о которой почему-то продолжали храниться в дальнем уголке его сердца. А что, если бы он не растерялся тогда, в кафе, после их короткого разговора, и сумел продолжить знакомство? А что, если бы?…

Ответа, конечно, он не находил. Но сейчас она сама была здесь. Это точно она – девушка, когда-то жившая в том доме!

Едва веря своим глазам, Уильям молниеносно заехал во двор и тут же выскочил на улицу. Может быть, он ошибся? И красивая женщина с длинными светлыми волосами, со старой сумкой на плече вовсе не ОНА?

Больше не боясь попасть в неловкую ситуацию (ну и ладно!), Уильям шел за ней до самого дома. Но только когда хлопнула, закрываясь, дверь, мужчина поверил: то, что он видел, – действительно правда.

Он даже сделал несколько шагов по направлению к дому, однако вовремя себя остановил.

Не время. Сейчас не время. Но он больше не согласен ждать годы, чтобы снова увидеть ее! И как же легко стало теперь просто сказать самому себе: все это было не напрасно. Наверное, не напрасно…

Он сделает это на днях. Может быть, даже завтра. Просто зайдет по-соседски, спросит, не нужна ли помощь… Они же теперь соседи.

Окно на втором этаже распахнулось, и тяжелая ткань, закрывавшая его, отодвинулась в сторону, пропуская свет внутрь. Кажется, он даже видел, как мелькнула по ту сторону окна женская фигурка…

Не отдавая отчета своим действиям, Уильям просто стоял посреди улицы и улыбался…

Глава 65
Сон и действительность

Дом встретил ее тишиной. Все осталось в нем прежним, таким же, как и в ее памяти… Неужто и правда, прошло столько лет?

Войдя сюда и закрыв дверь, она снова стала прежней Дженни – девочкой, что каталась на качелях за домом и по утрам весело сбегала вниз по лестнице, почувствовав аромат свежезаваренного кофе, когда его готовила на кухне мама…

Выпрыгнув из сумки, кошка принялась деловито обследовать помещения, перебегая из комнаты в комнату.

Лестница, покрытая толстым слоем пыли, вывела их на второй этаж. Задержавшись немного в коридоре, словно прислушиваясь к чему-то, кошка лишь фыркнула и побежала дальше.

Дженнифер открыла дверь в свою спальню: все та же кровать, то же высокое окно, занавешенное тяжелой портьерой… Ей захотелось больше света и воздуха: она отдернула пыльную штору и открыла окно, впуская в него легкое дыхание теплого ветра.

Кошка, не ожидая особого приглашения, уже удобно устроилась посреди кровати, свернувшись в аккуратный клубочек. Дженни присела рядом, чтобы снова погладить это изящное, слегка таинственное существо, сумевшее одним своим появлением добавить уюта в покрытый пылью прошедших дней уголок.

Голова у нее слегка кружилась: все еще давала о себе знать некоторая слабость после долгого пути. Но это не страшно – доктора заверили, что скоро она окончательно восстановится и сможет жить нормальной жизнью. Дженнифер не то чтобы верила – она просто знала, что именно так и будет…

Опустившись рядом с кошкой на покрывало, женщина закрыла глаза, не пытаясь бороться с подступающей сонливостью…

…Янтарно-желтые и светло-оранжевые, золотистые и зеленые с оттенком коричневого листья ворохом сыпались сквозь распахнутое настежь окно. Дженни стояла посреди своей комнаты, наблюдая, как золотая лавина из листьев устилает пол причудливыми узорами. Листья множились прямо на глазах, становясь продолжением ослепительного солнечного света, что

заполнял собою все пространство… Большая белая птица с темной отметиной на груди влетела в окно стремительно, подобно солнечному лучу, и, сложив красивые крылья, превратилась в светящийся силуэт…

– Ну, здравствуй, Дженни!

Открыв глаза, Дженнифер не сразу поняла, где находится: уже тускнеющий дневной свет вливался через открытое окно. Ароматы свежего вечера наполняли все пространство ее спальни, и к ним примешивался еще один – неяркий, легкий запах экзотических цветов.

Красивая женщина в длинном черном платье сидела на краю ее постели и улыбалась. Она никак не могла быть призраком, плодом разгулявшегося воображения Дженнифер – она была самой что ни на есть настоящей. Ее волосы, как всегда, были уложены в аккуратную прическу, и разве что одна новая деталь добавилась – длинная серебристая прядь теперь сверкала в них. А глаза, добрые и немного усталые, улыбались ей теплыми огоньками.

В протянутой ладони сверкнул давно знакомый предмет.

– Здравствуй, Дженни! – произнесла Николь. – Вот твое кольцо…

Конец

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

«Strelbytskyy Multimedia Publishing»

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www. audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2016
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»